

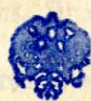
5001

Spizy y spicizne

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Графа Л. Комаровскаго,

профессора Императорскаго Московскаго Университета.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. КЛЮКИНА

МОСКВА,
Моховая, д. Бенкендорфа.
Куп. импер. акад. наукъ.

МОСКВА.

Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ,
Аренд. и. н. солищевымъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ князя Гагарина.
1900.

168/14

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0374314

354 158

klocek

3/278/2013 p

10,-

P

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

1. Понятіе. Писатели весьма различно опредѣляютъ понятіе Международнаго Права. Это происходитъ отъ того, что они неодинаково смотрятъ на его существо и границы: то смѣшивая положительное Международное Право съ естественнымъ, идеальнымъ, то отождествляя практическіе его задачи съ требованіями науки; многіе приносятъ въ даваемые ими опредѣленія понятія объ источникахъ, о цѣли предмета. Если имѣть въ виду только *положительный* характеръ современнаго Международнаго Права, его слѣдуетъ понимать, какъ совокупность юридическихъ нормъ и институтовъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія государствъ и ихъ подданныхъ. Но если взглянуть на него съ точки зрѣнія его конечной цѣли и по существу, то *полное научное* опредѣленіе его будетъ таково: Международное Право обозначаетъ совокупность юридическихъ нормъ, которыми опредѣляются отношенія государствъ другъ къ другу, къ ихъ подданнымъ и ко всѣмъ остальнымъ людямъ вообще, въ качествѣ ихъ—пока членовъ Международнаго Союза, но, въ сущности, всего человѣчества.

Разберемъ нѣсколько это опредѣленіе: 1) Международное Право складывается изъ нормъ *юридическихъ*. Это значить, что оно не должно быть смѣшиваемо съ принципами морали, или съ правилами политики. Оно имѣетъ отъ нихъ самостоятельную, все болѣе опредѣленно выделяющуюся сферу примѣненія. Принадлежность его нормъ къ праву обуславливается, во-первыхъ, ихъ природою: онѣ регулируютъ совместную жизнь людей въ извѣстной формѣ общежитія, именно въ высшей и завершительной формѣ ихъ сожитія на землѣ—въ обществѣ народовъ (государствъ), или въ международномъ союзѣ. Во-вторыхъ, онѣ охраняются извѣстными внѣшними способами, принужденіемъ, и даже самою крайнею формою такового—войной. Эти способы далеко еще не такъ совершенны, какъ въ иныхъ областяхъ права, но важно то, что и въ международной сферѣ они уже теперь опредѣляются и классифицируются правомъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они получаютъ именно юридическій, по ихъ примѣненію и послѣдствіямъ, характеръ.

Но будучи *правомъ*, международное относится къ сферѣ права *публичнаго*, имѣющаго своимъ исходнымъ пунктомъ и центромъ государство, что, съ другой стороны, однако, вовсе не мѣшаетъ его самостоятельности отъ права государственнаго. Эта принципиальная самостоятельность Международнаго Права вытекаетъ изъ того, что 2) Международное Право изучаетъ государства съ ихъ *внѣшней* стороны, и, при томъ, не въ ихъ *отдѣльности* и *изолированности*, а въ ихъ *совмѣстной жизни*, смотря на нихъ, какъ на членовъ новаго, высшаго цѣлаго, называемаго *культурнымъ обществомъ народовъ* или, какъ сказано *международнымъ союзомъ*. Внутренней ихъ жизни и самостоятельности оно не касается: какъ бы государства ни были различны по своему строю, положенію, задачамъ, они съ точки зрѣнія Международнаго Права, должны всѣ пользоваться равными правами и нести одинаковыя юридическія обязанности. Разнообразится только ихъ дѣлоспособность по степени ихъ политическаго могущества, но — и это капитальный пунктъ — Международное Право соединяетъ государства, существующія и какъ они вышли изъ судебъ прошлаго, въ одно цѣлое, на общихъ и одинаковыхъ для всѣхъ основаніяхъ, въ виду возможно-лучшаго достиженія ими своихъ культурныхъ цѣлей. 3) Международное Право простирается не только на государства, какъ на политически-организованные союзы, но и на *отдѣльныя лица*. Прежде всего подъ охраною его стоятъ *подданные* этихъ государствъ. Гдѣ бы они ни пребывали, они пользуются среди цивилизованныхъ народовъ нашего времени защитою ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, защитою, которая стремится стать равною, какъ для иностранцевъ, такъ и для туземцевъ. Многое остается еще сдѣлать въ этомъ направленіи, но уже теперь цивилизованныя правительства въ многочисленныхъ договорахъ, признаютъ на своей территории дѣйствія иностранныхъ законовъ и судовъ. Но этого мало: не одни подданные государствъ, входящихъ въ составъ международного союза, а *всѣ люди* вообще на поверхности всей земли и *человѣкъ*, какъ таковой, должны пользоваться международною охраною. Эта защита не замѣняетъ собственно защиты государственной: она ее предполагаетъ, но имѣетъ принципиально отличную отъ нея основу и идетъ гораздо далѣе ея. По существу дѣла ей слѣдовало бы исходить отъ международной организации, но, за отсутствіемъ пока таковой, ее призваны оказывать отдѣльныя цивилизованныя государства и притомъ каждому челоѣку вообще, гдѣ бы онъ ни находился, въ случаяхъ недарованія ему защиты государственной. Эта сторона нашего предмета, вытекающая изъ самой его природы, придаетъ ему наиболѣе характеръ универсальный и общечеловѣчскій. Многіе писатели ее отрицаютъ, но цивилизованные правительства не разъ признавали ее на практикѣ своими дѣйствіями. Вспомнимъ хотя бы вѣнцательства въ пользу христіанъ Турціи и борьбу за отмѣну невольничества и торговли неграми (Берлинская конвенція 1885 г. и Брюссельская 1890 г.). 4) Будучи *правомъ* положительнымъ (о чемъ мы скажемъ еще ниже).

Международное — *едино и универсально*. Оно едино въ томъ смыслѣ, что не можетъ носить *національный* характеръ. Отдѣльныя государства хотя и являются выразителями и охранителями его нормъ, но никогда въ своей обособленности и по собственному лишь усмотрѣнію. Нормы, выставленныя какимъ-либо однимъ государствомъ, превращаются въ международныя лишь на основаніи согласія всѣхъ остальныхъ народовъ, выраженнаго либо молчаливо (обычай), либо формально (договоры). Универсальность Международнаго Права означаетъ что оно, какъ продуктъ новѣйшей исторіи челоѣчества, съ момента своего возникновенія въ XVII стол. до нашихъ дней, представляетъ изъ себя одну цѣльную, стройную систему нормъ, которая не можетъ быть различаема по *различнымъ эпохамъ* исторіи челоѣчества. Въ эту ошибку впадаютъ особенно писатели историческаго направленія, смѣшивающіе вѣщныя сношенія государствъ съ современнымъ Международнымъ Правомъ, взятымъ въ смыслѣ научной, юридической системы. Исторія показываетъ намъ, что сношенія между государствами существовали съ древнѣйшихъ временъ и проходятъ черезъ всѣ степени культуры. Даже дикіе народы не могутъ вести совершенно обособленной и замкнутой жизни. Фактъ крайне важный, ибо имъ подтверждается внутренняя, разумная необходимость Международнаго Права, вытекающаго, какъ все права вообще, изъ общежительной природы самого челоѣка. Но сношенія, о которыхъ мы говоримъ не составляли еще Международнаго Права. Они были случайны, временны, не покоились на какихъ-либо опредѣленныхъ юридическихъ и нравственныхъ началахъ. Все въ нихъ было проникнуто субъективнымъ характеромъ, т. е. зависѣло отъ политики отдѣльныхъ государствъ, которая еще не сознавала существованія между ними общихъ идей и интересовъ а потому и не могли подчинять свою коллективную жизнь опредѣленной высшей организаціи. Безъ этихъ же условий и рѣчи быть не можетъ о международномъ союзѣ, или о Международномъ Правѣ.

По характеру *лицъ* и *интересовъ* имъ защищаемыхъ, современное Международное Право все яснѣе складывается въ *три* большія области, которыя стремятся выдѣлиться въ особыя науки, по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ уже обособились: *Публичное* Международное Право имѣетъ своимъ предметомъ охрану интересовъ *государствъ въ цѣломъ*. По характеру этихъ личностей, указанная охрана носить не одинъ юридическій, но и политическій характеръ. Сюда относятся ученія: о *государствахъ* вообще, какъ международныхъ личностяхъ (объ ихъ возникновеніи, правахъ и прекращеніи); объ ихъ территорияхъ; объ *юридическихъ* между ними сношеніяхъ (о трактатахъ); объ организаціи ихъ *совмѣстной* жизни и о способахъ ея охраны. Это — древнѣйшая часть нашей науки.

2. *Частное* Международное Право гражданское и уголовное. Его задача — охрана правъ и интересовъ *частныхъ лицъ* въ *мировомъ*, гражданскомъ оборотѣ. Отправляясь отъ ученія о способахъ разрѣ-

шенія столкновеній между законодательствами различныхъ странъ (въ области граждан кой и уголовной) этотъ предметъ понемногу расширяется въ то всемірное гражданское право (*Weltbürgerrecht*), о которомъ мечталъ еще Кантъ. Конечная его цѣль въ томъ, чтобы доставить каждому человѣку возможность пользоваться повсюду принадлежащими ему или за нимъ признанными правами и, въ случаѣ нужды, отстаивать ихъ всѣми юридическими способами. Поэтому нельзя согласиться съ тѣми, которые считают его (особенно въ Англіи) лишь отраслью гражданского или уголовного права отдѣльнаго государства. Основныя его начала общи съ публичнымъ Международнымъ Правомъ, но при его сложности и строго юридическихъ нормахъ и способахъ защиты—удобнѣе его выдѣлять въ особую, самостоятельную науку.

3. *Соціальное* Международное Право составляетъ новѣйшую, какъ бы посредствующую область между двумя остальными его отдѣлами. Оно призвано охранять собственно *общественные* интересы, т. е. такіе, которые, хотя и касаются частныхъ лицъ, но относятся главнымъ образомъ, къ обществу въ цѣломъ и при этомъ не съ его политической стороны. Возникнувъ недавно, эта область быстро развивается на нашихъ глазахъ. Государства донинѣ глубоко между собою раздѣленные по политическимъ вопросамъ, стали за послѣдніе 30 лѣтъ путемъ общихъ конвенцій, заключать союзы или унии по извѣстнымъ спеціальнымъ вопросамъ, важнымъ для общаго гражданского оборота, но, какъ сказано, не имѣющимъ ничего общаго съ политикою. Въ настоящее время уже существуютъ союзы: телеграфный, почтовый, промышленный, литературный, желѣзно-дорожный (по перевозкѣ товаровъ) т. д. Въ нѣкоторые изъ нихъ вступили даже страны другихъ континентовъ. Многіе важные вопросы (санитарный, рабочій, изданіе трактатовъ, опредѣленіе международной мѣстной системы и проч.) ожидаютъ подобной же регламентаціи путемъ ссоединяющей государства унии. Всю область относящихся сюда юридическихъ нормъ удобнѣе всего называть *соціальнымъ* Международнымъ Правомъ, становящимся въ срединѣ между публичнымъ и частнымъ Международнымъ Правомъ. Нѣкоторые относятъ ее къ учению объ управленіи и называютъ поэтому *административнымъ* Международнымъ Правомъ, но это ведетъ лишь къ путаницѣ понятій.

II. *Условія существованія.* Международное Право является однимъ изъ продуктовъ всей новѣйшей исторіи цивилизованнаго человѣчества. Не какая-либо воля—будь то отдѣльныхъ людей, или даже могущественнѣйшихъ государствъ,—а извѣстныя объективныя или фактическія условія, кроющіяся въ природѣ и въ исторіи новыхъ народовъ, вызвали къ жизни Международное Право и содѣйствуютъ его дальнѣйшему развитію. Условія эти слѣдующія: а) наличность *нѣсколькихъ государствъ*; б) связанныхъ между собою *общностью* (весьма высокой) *культуры* и в) сознающихъ себя солидарными въ преслѣдованіи своихъ культурныхъ цѣлей, а потому поддерживающихъ между собою *сношенія правильныя; организованныя* (юридическія).

а) Идея одного *всемирнаго государства*, нерѣдко плѣнявшая писателей, должна быть признана вполне несостоятельною какъ на основаніи исторіи, такъ и въ силу доводовъ разума. Фактически таковое никогда не существовало. Всѣ попытки, предпринимавшіяся въ различные вѣка къ его частичному осуществленію, то во имя религіозныхъ идей, то по политическимъ расчетамъ оказывались непрочными и пагубными для ихъ совершителей. Иначе и не можетъ быть, ибо всемірное государство—крупнѣйшее противорѣчіе съ самою идеею государства. Оно предполагаетъ государство, какъ одно механическое сплоченіе народовъ и лицъ и совершенно упускаетъ изъ виду высшую его сторону, лежащую въ томъ, что государства—организмы и живыя личности тѣхъ единицъ-народовъ, которые ихъ создаютъ и черезъ нихъ дѣйствуютъ, какъ члены человѣчества. Отсюда разнообразіе и ограниченность всѣхъ конкретныхъ государствъ. Всѣмъ имъ даны извѣстные предѣлы въ природѣ какъ страны, ими обладаемой, такъ и населенія ихъ создаваемаго,—предѣлы, перейдя которые, они уже не развиваются, а слабѣютъ и распадаются. Государство міровое (даже въ смыслѣ объединившаго цѣлый материкъ или значительныя части нѣсколькихъ материковъ) не мыслимо иначе, какъ подъ условіемъ страшной военной и политической силы и централизаціи. Въ немъ исчезаютъ политическая и всякая другая свобода гражданъ и слабѣетъ связь его окраинъ съ центромъ, чѣмъ вызывается неизбѣжно его распаденіе на составныя части. Лишь подъ условіемъ существованія *многихъ* государствъ возможны столь необходимыя для преуспѣянія каждаго изъ нихъ соревнованіе между ними и воздѣйствіе ихъ другъ на друга. А это и есть первое коренное условіе для возникновенія Международнаго Права, но не единственное: въ древности существовали цивилизованныя государства, но они не доросли до международного порядка, потому что жили не столько во взаимномъ общеніи, сколько въ національной обособленности и смотрѣли на себя какъ на абсолютную и высшую форму человѣческаго сожитія, рядомъ съ которой не имѣли права на существованіе подобныя имъ союзы. Международное Право по идеѣ соединяетъ въ одно общество государства *независимыя*, суверенныя. Только такковыя наиболѣе соответствуютъ чистой идеѣ государства. Но рядомъ съ ними, какъ извѣстно, въ дѣйствительности существуютъ различныя государства зависимыя (колоніи, вассальныя, охраняемыя или стоящія подъ протекторатомъ) и сложныя (унии, союзы государствъ, союзныя государства) которыя, сообразно съ особенностями ихъ политическаго строя, пользуются однако въ той или иной степени международной охраной, но это не подрываетъ кореннаго принципа Международнаго Права,—полной независимости народовъ, простирающейся одинаково, какъ на ихъ политическую, такъ и экономическую жизнь.

б) *Общность культуры* должна быть признана главнымъ подготовительнымъ факторомъ въ дѣлѣ образованія современнаго Международнаго Права. Общность эту слѣдуетъ понимать въ двоякомъ направле-

нии: какъ общность *духовную*, религіозно-нравственную и какъ общность *интеллектуальную*, цивилизацію. Въ первомъ отношеніи главное мѣсто должно быть отведено христіанству. По природѣ своей космополитичное и универсальное, оно этимъ составляетъ рѣзкую противоположность языческимъ религіямъ, которыя всѣ были національны. Хотя не оно прямо и непосредственно создало Международное Право, но оно, въ числѣ другихъ факторовъ, болѣе всего для него проложило и расчистило почву въ силу того глубокаго внутренняго сродства, которое существуетъ между его идеями и заповѣдями съ одной стороны, и началами Международнаго Права съ другой. Всѣ европейскіе народы, которые выработали въ послѣдствіи нормы этого права, приняли христіанство еще въ началѣ своей исторіи, а въ послѣдующій періодъ, когда у нихъ отсутствовало государство съ правильною и самостоятельною организаціей, и весь ихъ общественный бытъ опредѣлялся началами феодализма, церковь первая, несмотря на ихъ разьединеніе и раздробленность, соединила ихъ въ одно великое общество, въ предѣлахъ котораго сказалось на религіозной почвѣ начало общенія, перешедшее потомъ въ ихъ совмѣстную, внѣшнюю жизнь, какъ основной уже принципъ права международнаго. Современный международный союзъ, такимъ образомъ является въ извѣстномъ смыслѣ продолженіемъ и расширеніемъ средневѣковаго общества народовъ, сложившагося подъ мощнымъ дѣйствіемъ церкви. Но и нынѣ христіанство призвано съ нравственной стороны не мало содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права своими идеями, которыя принадлежатъ къ его основнымъ заповѣдямъ. Таковы: идея объ *единствѣ всего человечества*; провозглашеніе *братства* между всѣми людьми, независимо отъ ихъ національности, вѣроисповѣданія и состоянія; требованіе, чтобы взаимныя между ними отношенія были проникнуты *любовью*, простирающеюся даже на враговъ; возведеніе *мира* въ основной принципъ общежитія, какъ слѣдствіе внутренняго усовершенствованія человѣка.

Вторую сторону общности культуры новыхъ народовъ составляютъ тѣ идеи, которыя унаслѣдованы ими отъ трехъ главныхъ цивилизацій древности: еврейской, греческой и римской. На нихъ покоится ихъ продолжающая христіанская культура, какъ одно стройное цѣлое, независимо отъ разнообразія частей, ее составляющихъ. Въ свою очередь названныя три древнія цивилизаціи въ свое время восприняли въ себя все лучшее изъ идей и традицій еще болѣе древняго Востока, такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что новая европейская цивилизація есть дѣйствительно общечеловѣческая, какъ по элементамъ, въ нее вошедшимъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ей ступеней культуры, такъ и по собственнымъ ея идеямъ и задачамъ. На этой почвѣ выросло и крѣпнетъ Международное Право, какъ право положительное, но обще-человѣческое, въ уровень съ распространеніемъ международнаго союза на все цивилизованное человечество. Нѣсколько особенное мѣсто въ семьѣ народовъ занимаетъ *Россія*: она

лишь поздно вступила въ эту семью, развитіе ея шло отчасти подъ дѣйствіемъ другихъ факторовъ, сравнительно съ развитіемъ Западно-европейскихъ народовъ, и поэтому получило во многихъ отношеніяхъ особенный характеръ, который и до нынѣ остается присущъ ея строю и быту. Но эти и другія характеризующія ея исторію черты не достаточны, чтобы выдѣлить ее отъ остальныхъ членовъ европейской семьи народовъ въ какой-то особый міръ, будто бы даже имъ противоположный. Это не допустимо уже въ силу того, что русскіе, какъ и славяне вообще, во 1-хъ, христіане, во 2-хъ, потому, что они, какъ и романцы и германцы, принадлежатъ къ аріямъ и оларены общими имъ всѣмъ способностями. А отсюда, нѣкоторая общность въ ихъ прошлыхъ судьбахъ и усиливающееся взаимоотношеніе по мѣрѣ того, какъ они лучше узнаютъ другъ друга. Наконецъ, въ 3-хъ, само наше правительство, съ тѣхъ поръ, какъ Россія стала дѣятельнымъ членомъ международнаго союза, заключеніемъ безчисленныхъ договоровъ признало и для себя обязательнымъ Международное Право, соединяющее всѣ христіанскіе народы, при всѣхъ ихъ различіяхъ и особенностяхъ, въ одну живую и великую семью.

в) *Организованность сношеній*. Для того, чтобы сложился международный порядокъ, еще недостаточно разобранныхъ нами доселѣ двухъ условій: наличности многихъ государствъ и общности между ними культуры. Условія эти были на лицо, наприимѣръ, въ древней высокоцивилизованной Элладѣ, но она Международнаго Права не произвела, именно вслѣдствіе отсутствія въ ея республикахъ третьяго, необходимаго для возникновенія этого права условія—сознанія государствами ихъ *солидарности въ осуществленіи общихъ имъ культурныхъ задачъ*. Эта солидарность—плодъ долгой, прошлой, совмѣстной жизни новыхъ народовъ. Благодаря ей, независимо отъ политики, разъединяющей ихъ, они стали сближаться общностью идей и интересовъ въ нѣкій союзъ, который, въ теченіе вѣковъ изъ простаго *фактическия* порядка переходитъ все опредѣленнѣе въ настоящій *юридическій союзъ*. Идея такого союза, какъ всякаго общества, союза вообще, предполагаетъ признаніе его членами принципа взаимнаго равенства и необходимости самоограниченія въ интересахъ общенія. Начала эгоизма и грубой силы, характеризующія фактическій порядокъ, такимъ образомъ, уступаютъ мѣсто началамъ общенія и солидарности, которыя и ведутъ къ *сношеніямъ* народовъ правильнымъ и постояннымъ, т. е. организованнымъ.

Само собою разумѣется этотъ процессъ образованія международнаго порядка и права совершился не вдругъ: на него потребовалось три столѣтія (съ 17-го вѣка) и теперь еще международный союзъ очень далекъ отъ полнаго осуществленія своей идеи. Но поступательное его движеніе характеризуется двумя слѣдующими коренными послѣдствіями: 1) постепеннымъ выдѣленіемъ изъ политики все большаго числа извѣстныхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ и 2) установленіемъ особыхъ *международныхъ органовъ*,

которые эти нормы высказываютъ, примѣняютъ и охраняютъ. Такимъ образомъ, 'жизненные потребности новыхъ народовъ создали Международное Право, ихъ скрѣпляющее, въ силу того, что отдѣльными усиліями и порознь они не въ состояніи достичь высшихъ задачъ культуры и что собственное благо ихъ гражданъ требуетъ согласованія и соединенія ихъ силъ, а не дробленія и враждебнаго ихъ разединенія, какъ дѣлали это древніе народы. Это и возводитъ право и миръ въ основной законъ ихъ организованныхъ сношеній.

III. Положительный характеръ Международнаго Права вытекаетъ изъ факта существованія международного союза, или, выражаясь иначе, того великаго культурнаго общества народовъ, которое дипломаты уже давно стали называть „европейскимъ концертомъ“, а нѣкоторые философы „христіанскою республикой“ *). Положительнымъ Международное Право должно быть названо и потому, что оно продуктъ тѣхъ жизненныхъ условий, его породившихъ и непрестанно развивающихся, среди которыхъ живутъ новые народы. Нормы его признаны всѣми цивилизованными правительствами въ многочисленныхъ актахъ и въ разнообразныхъ прецедентахъ. Многія изъ этихъ нормъ подтверждены судебною практикой, и надъ разработкою ихъ и сведеніемъ въ стройную систему трудится одна изъ самыхъ богатыхъ и интересныхъ отраслей правовѣдѣнія—наука Международнаго Права—въ развитіи которой принимаютъ участіе выдающіеся ученые всего міра. Но все это не должно скрывать отъ насъ обратной стороны дѣла: Международное Право, именно въ смыслѣ положительнаго, страдаетъ еще многими, очень многими недостатками, которые, правда, постепенно слабѣютъ, но, еще далеки отъ исчезновенія. Нормы его часто не довольно полны и точны, что вызываетъ споры объ ихъ содержаніи и объемѣ; ихъ примѣненіе къ жизни всецѣло еще субъективно, т. е. зависитъ отъ тѣхъ личностей—государствъ, которыя ихъ высказываютъ и проводятъ по своему изволению; наконецъ, защита этихъ нормъ слишкомъ мало еще носитъ характеръ юридическій, т. е. она зависитъ отъ политики и матеріальной силы государствъ гораздо болѣе, нежели отъ органовъ права, или судовъ, болѣе всего призванныхъ давать эту защиту.

Эти недостатки—главная причина тѣхъ вѣчно возобновляемыхъ возраженій противъ Международнаго Права, которыя дѣлаются не только въ публикѣ, но и въ средѣ образованныхъ юристовъ даже нашего времени. Право это то смѣшиваютъ съ моралью, то отождествляютъ его съ политикою отдѣльныхъ правительствъ. Но такъ могутъ смотрѣть на него лишь лица, незнакомыя съ его исторіей и сущностью. Подчеркивая указанные его недостатки, отрицатели обыкновенно смѣшиваютъ его съ гражданскимъ и государственнымъ пра-

*) Ubi societas, ibi ius. Государства входятъ въ эту семью, какъ равноправные между собою братья.

вомъ, упуская изъ виду, что эти отрасли права въ первыя эпохи ихъ возникновенія были отмѣнены тѣми-же недостатками, которые теперь ставятся въ вину Международному Праву, и что для достиженія современной ихъ выработки имъ потребовались многіе вѣка; если даже не тысячелѣтія. Международное Право, какъ положительное и живое, находится въ такомъ же непрерывномъ процессѣ роста и усовершенствованія, но въ уровень политическому, экономическому и нравственному развитію народовъ. Это поступательное его движеніе при его сложности и обширности, конечно, медленно, но оно существуетъ и усиливается. Объ этомъ одинаково свидѣлствуютъ какъ исторія, такъ и теорія.—Нельзя смѣшивать Международное Право съ нравственностью въ силу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ мораль вообще отъ права. Нравственность есть внутренний законъ добра, который управляетъ всею жизнію и отношеніями человѣка, но лишена внѣшней организаціи и принудительной силы. Право означаетъ порядокъ общежитія, который для своего осуществленія требуетъ особыхъ нормъ и учреждений. Различнымъ областямъ жизни людей соответствуютъ различныя отрасли права; международное регулируетъ совмѣстную жизнь государствъ, какъ членовъ высшаго и самаго обширнаго общества на землѣ—международнаго союза. Подобно всякимъ инымъ формамъ человѣческихъ союзовъ и международный поκειται какъ на нравственной, такъ и на юридической санкціи. Государство, которое дозволило бы себѣ нарушеніе Международнаго Права, тѣмъ прежде всего подорвало бы собственную честь и общее къ себѣ уваженіе. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій международныхъ нормъ. Но нарушителямъ ихъ угрожаетъ цѣлый рядъ другихъ понудительныхъ мѣръ, которыя, по степени своей тяжести, могутъ быть расположены въ извѣстной послѣдовательности: составленіе союза противъ нарушителя, лишеніе его матеріальныхъ выгодъ, вытекающихъ изъ международного общенія, отдѣльныя принудительныя мѣры (репрессаліи въ широкомъ смыслѣ), наконецъ, войны. Съ успѣхами международной организаціи устанавливается обычай и болѣе частаго обращенія къ международнымъ судамъ, какъ способу, наиболѣе подходящему для примѣненія и толкованія международныхъ нормъ въ ихъ юридическомъ значеніи.

Не менѣе важны отличія Международнаго Права отъ политики. Послѣдняя принципомъ своимъ имѣетъ общее благо, но при осуществленіи его она отправляется отъ интересовъ конкретнаго государства. Принципъ права—справедливость. Только это начало, коренящееся въ нравственной природѣ человѣка, даетъ политикѣ основу и границы, за которыми господствуетъ лишь эгоизмъ и грубая сила. Долгое время Международное Право совершенно подавлялось политикою. Такъ было за весь первый періодъ его существованія отъ Вестфальскаго мира до французской революціи. Практическимъ руководителемъ кабинетовъ тогда былъ Макиавелли.

Это направление составляло лишь выводъ изъ представленій о государствѣ, какъ о чемъ-то абсолютномъ и самодовлѣющемъ и о не обязательности для него нравственныхъ началъ въ сношеніяхъ съ другими, ему подобными, политическими организмами. Еще въ нашѣмъ столѣтіи, Гегель, видя въ государствѣ завершительную и высшую форму союзовъ, низводитъ Международное Право къ вѣншему государственному праву безъ всякой принципиальной самостоятельности и строить его на принципѣ суверенитета, который въ международной области требуетъ себѣ восполненія и расширения со стороны другого коренного начала—общенія. Последнее и получаетъ большее значеніе въ XIX столѣтіи, когда утверждается воззрѣніе на государства, какъ на личности, которыя въ этомъ качествѣ не могутъ въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ руководствоваться одними собственными интересами, но обязаны подчинять ихъ началамъ нравственности и права, какъ такимъ объективнымъ устоямъ, на прочности которыхъ въ концѣ-концовъ покоится все собственное ихъ бытіе и благосостояніе.

Отрицатели Международнаго Права указываютъ на отсутствіе *законодательнаго органа* для выраженія общей воли членовъ международного общенія. По ихъ мнѣнію международный строй никогда и не возвысится до выработки для себя настоящихъ законовъ въ техническомъ смыслѣ этого слова, въ чемъ впрочемъ нельзя видѣть какую-либо худшую сторону его сравнительно съ государственнымъ порядкомъ. Собственно это положеніе покоится на представленіи о законѣ, какъ о предписаніи, исходящемъ отъ высшаго, сильнѣйшаго, къ низшему и слабѣйшему.

Въ законѣ верховная власть не только устанавливаетъ определенную норму, но и обращается къ подчиненнымъ ей органамъ и лицамъ съ указаніемъ послѣдствій, имѣющихъ наступить въ случаѣ нарушенія ими этой нормы. Въ международномъ обществѣ такой верховной власти нѣтъ, поэтому отношенія его членовъ регулируются договорнымъ началомъ, какъ оно проявляется въ трактатахъ. Последніе же временны и обязательны только для сторонъ, ихъ заключившихъ. На всѣ эти доводы слѣдуетъ однако замѣтить: 1) Отсутствіе международного законодателя показываетъ лишь, что Международное Право находится еще на той ступени развитія, которая уже пережита другими болѣе тѣсными областями права. Законъ и въ государственномъ быту не единственный источникъ права, которое по существу древнѣе и шире его. Право коренится въ природѣ человѣка и въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ живетъ въ обществѣ. Все это не создается законодательствомъ, а имъ лишь признается и формулируется. Законъ сравнительно болѣе поздняя форма положительнаго права, которой предшествуетъ обычай, играющій въ первобытномъ обществѣ аналогичную съ нимъ роль. Поэтому, если законодательная власть не есть первоначальный источникъ права въ гражданскомъ и государственномъ быту, то и въ области международныхъ отношеній отсутствіе ея ни-

какъ не можетъ служить доказательствомъ, что здѣсь не существуетъ никакихъ обязательныхъ юридическихъ нормъ. 2. Слишкомъ узкимъ и произвольнымъ является то воззрѣніе на законъ, которое видитъ въ немъ лишь норму, исходящую отъ верховной власти и направленную къ подвластнымъ ей органамъ и лицамъ. Законъ есть также норма, которою верховная власть обязываетъ себя самое т. е. государство, какъ цѣлое. Иначе мы пришли бы къ римскому абсурду: *princeps legibus solutus est*. Особенно несостоятельно это положеніе въ международной области, гдѣ регулирующія ее начала превращаются въ положительные нормы въ силу *совмѣстнаго признанія ихъ многими верховными властями*. Поэтому 3. преобладающее еще тутъ договорное начало (сказывающееся въ трактатахъ) носить весьма часто характеръ законоподобный. Это бываетъ, когда договоры являются не слѣлками, заключенными сторонами для определенной лишь дѣловой пѣли, съ достиженіемъ которой онѣ и прекращаются, а когда они напротивъ высказываютъ извѣстныя общія нормы права лежащія въ природѣ, отношеній и составляющія насущную потребность цивилизованныхъ народовъ данной эпохи. Такіе трактаты договоры только по формѣ, но по содержанию они—законы. Нормы необходимаго, ими выраженнаго права, либо усвояются другими часто очень многочисленными договорами между правительствами (отсюда сходство различныхъ специальныхъ, но однородныхъ договоровъ данной эпохи, какъ-то: торговыхъ, о выдачѣ преступниковъ, объ охранѣ путей сообщенія, иностранцевъ и проч.) либо эти нормы высказываются въ какомъ-либо одномъ коллективномъ актѣ, скрѣпленномъ подписью большинства если не всѣхъ цивилизованныхъ государствъ (парижская морская декларация 1856 г. принято до 50 правительствами; Женевская конвенція о больныхъ и раненыхъ войнахъ 1864 г.—32 государствами; конвенція объ уніяхъ, актъ берлинской конвенціи 1885 г. выработанъ делегатами 14 державъ, брюссельской 1890 г.—17 и т. д.). Это не только по существу дѣла законы, но даже своего рода кодификаціи извѣстныхъ отдѣловъ Международнаго Права. Со временемъ это движеніе только усилится, и международный законодатель, какъ особый коллективный органъ всего общества государствъ, явится самъ собою въ смыслѣ завершителя международной организации.—Уже теперь какъ выраженіемъ такового могутъ быть разсматриваемы, до извѣстной степени, конгрессы и конференціи: они, правда, еще очень несовершенны по организации, въ ихъ сознаніи и дѣятельности много случайнаго, но на практикѣ они нерѣдко играли роль судебныхъ инстанцій, а и въ ихъ постановленіяхъ, особенно за послѣднее столѣтіе, не трудно подмѣтить нѣкоторое проявленіе идеи даже международного законодательства.

Не болѣе состоятельно и другое возраженіе противъ Международнаго Права вслѣдствіе отсутствія *международнаго суда*, который каралъ бы его нарушителей, нормы его отстаиваются самими сторонами, которыя въ своихъ спорахъ чаще всего руководствуются соображе-

ніями политики, а въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ другой силѣ (войнѣ). Это возраженіе смѣшиваетъ двѣ существенно различныя вещи: осуществленіе юридической нормы на практикѣ съ самымъ ея бытіемъ. Право не перестаетъ быть положительнымъ отъ того только, что оно не примѣняется судомъ. Оно существуетъ раньше суда и не отъ суда только зависитъ его бытіе. Исторія процесса у всѣхъ народовъ показываетъ намъ, что право, въ продолженіе вѣковъ, охранялось самими сторонами и лишь медленно и постепенно выработалась для этого собственно судебная защита сперва внутри цивилизованныхъ государствъ и то лишь въ средѣ гражданскаго и уголовнаго права. Нынѣ эта форма защиты—изъ всѣхъ способовъ охраны права безспорно наиболѣе справедливая и желательная—проникаетъ и въ область публичнаго права. Но нельзя тутъ не замѣтить, что все еще многія публичныя права даже во внутренней жизни государствъ остаются безъ такой охраны, и въ литературѣ мнѣнія о ней писателей расходятся. При всемъ томъ идея судебной охраны публичныхъ правъ успѣла себѣ отвоевать извѣстную почву практическаго осуществленія. И любопытно, что возбужденіе вопроса о необходимости организаціи административныхъ судовъ, какъ охранителей публичныхъ правъ, совпало съ оживленіемъ интереса къ идеѣ и международнаго суда. Это совпаденіе—не простая случайность. Оно прямо обусловлено тѣмъ, что оба эти вопроса только части другого болѣе широкаго и важнаго вопроса о судебной охранѣ публичнаго права вообще, какъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствахъ, такъ и въ международномъ союзѣ. Идея международнаго суда дѣлаетъ въ наши дни шаги впередъ не только въ наукѣ, но и въ жизни. Пока онъ выступаетъ на практикѣ главнымъ образомъ въ формѣ третейской юрисдикціи, о чемъ свидѣлствуютъ многочисленныя примѣры третейскихъ рѣшеній въ нашемъ столѣтіи, а равно Вашингтонскій договоръ 1890 г. между американскими республиками и вызванныя имъ ходатайства въ европейскихъ палатахъ и агитація въ печати. Но эта форма юстиціи есть лишь предверіе къ тому постоянному и настоящему международному суду, который долженъ будетъ со временемъ рѣшать споры между народами на основаніи принциповъ права и для этого заботиться объ ихъ укрѣпленіи, согласованіи и расширеніи въ общихъ интересахъ мира и справедливости.

Такимъ образомъ, и въ международной области, какъ и въ частноправовой, путемъ процесса разовьется матеріальное право, а черезъ это подвергается все большому сокращенію самоуправство сторонъ въ спорахъ. Силою вещей соображенія политики тогда уступятъ мѣсто твердымъ принципамъ права и случаи обращенія къ другой силѣ станутъ все болѣе и болѣе рѣдки и менѣе необходимы. Но даже при теперешнихъ порядкахъ, нельзя согласиться съ тѣми, которые на основаніи отсутствія въ международной области особой *исполнительной власти*, утверждаютъ будто вообще международныя сношенія управляются не правомъ, а силою. На это должно замѣтить, что право и сила не

суть такія противоположности, которыя взаимно исключали бы другъ друга: напротивъ, сила часто помогаетъ къ установленію права противъ беззаконія; кромѣ того, право въ цивилизованномъ обществѣ регулируетъ самое примѣненіе силы, превращая ее на всѣхъ ступеняхъ ея примѣненія въ организованное принужденіе. Наконецъ, право постепенно вырабатываетъ другіе болѣе совершенные и мирные способы осуществленія и защиты субъективныхъ правъ и интересовъ, которые либо совершенно замѣняютъ самоуправство и войну, либо чрезвычайно сокращаютъ область ихъ дозволеннаго примѣненія. Вопреки преобладающему въ современной юриспруденціи воззрѣнію, должно сказать, что не въ физической силѣ и принужденіи—существо права: ибо это значитъ смѣшивать двѣ различныя вещи: самое право и принудительный порядокъ его осуществленія. Послѣдній имѣетъ примѣненіе обыкновенно въ томъ случаѣ, когда право и законъ нарушаются. Поэтому сила есть болѣе элементъ неправды, чѣмъ права, которое въ нормальномъ его существованіи никогда не вызываетъ насильственнаго осуществленія права. Право перестаетъ существовать съ того момента, когда оно не является болѣе побудительною причиною и мотивомъ людскихъ бѣдствій, когда оно болѣе не сознается (или же ложно толкуется). Вотъ почему распространеніе сознанія права есть лучшее средство для того, чтобы обезпечить его осуществленіе. Отсюда ясно, насколько лучшее примѣненіе и уваженіе началъ Международнаго Права стоитъ въ прямой зависимости отъ знанія его со стороны тѣхъ, которые призваны быть исполнителями и истолкователями (Мартенсъ).

Такимъ образомъ, Международное Право, допуская въ извѣстныхъ крайнихъ случаяхъ принужденіе и даже войну, какъ способы рѣшенія споровъ между государствами, подчиняетъ ихъ однако опредѣленнымъ юридическимъ нормамъ, значительно ограничивающимъ и смягчающимъ ихъ приложение.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія парижская морская декларация 1856 г., отмѣнившая каперство и опредѣлившая права нейтральныхъ; женевская конвенція 1864 г. о больныхъ и раненыхъ войнахъ, петербургская 1868 г. о разрывныхъ пуляхъ и брюссельская декларация объ обычаяхъ и законахъ войны 1874 г. къ сожалѣнію не превращенная въ общеобязательный международный актъ, но начала которой вошли въ законы и распоряженія многихъ правительствъ, изданные послѣ нея. Это своего рода кодификаціи военнаго права, предпринятыя правительствами и которыя въ будущемъ несомнѣнно получатъ подтвержденіе и дальнѣйшее расширеніе.

Международное Право не только регулируетъ своими нормами войну, но и стремится замѣнить ее болѣе подходящими и справедливыми способами окончанія несогласій между государствами. Для громаднаго большинства такихъ споровъ, война при современныхъ условіяхъ ея веденія, является рѣшительно не мыслимою: слишкомъ ужъ

ярко для всѣхъ выступает полное несоотвѣтствіе между предметами споровъ, раздѣляющихъ государства и бѣдствіями, вызываемыми войной. Это стали сознать и правительства. Наряду съ дипломатіей, часто мало пригодною, какъ орудіе ихъ примиренія, они съ этою цѣлью стараются въ наши дни чаще обращаться къ началамъ права и это способствуетъ усиленію третейской практики. Палаты всѣхъ цивилизованныхъ странъ не разъ высказывались за введеніе международныхъ третейскихъ судовъ, которые рѣшали бы всѣ споры между государствами, кромѣ лишь затрогивающихъ ихъ независимость. Два такіе коллегіальные суда какъ Женевскій (1872 г.) и Парижскій (1893 г.) удачно рѣшившіе споры между С. Штатами и Англіей—двумя великими державами—знаменуютъ собою новую эру въ международной третейской юрисдикціи, очевидно призванной постепенно превратиться въ правильную международную юстицію. Державы подписавшія Берлинскій актъ 1885 г. согласились въ случаяхъ несогласій между ними относительно его постановленій, до обращенія къ оружію, прибѣгать къ посредничеству одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, онѣ предоставляютъ себѣ право обращаться по своему усмотрѣнію и третейскому суду (ст. 12). Необходимо это правило обобщить и сдѣлать для всѣхъ обязательнымъ, т. е. объявить по примѣру Вашингтонскаго договора 1900 г. обращеніе къ третейскому суду за принципъ современнаго Международнаго Права (ст. 1 слѣд.).

Путемъ юстиціи окрѣпнеть и выработается международная организация, которая, не подрывая внутренней самостоятельности государствъ, поставитъ однако ихъ внѣшнее, совмѣстное существованіе на вполне юридическую почву. Къ судамъ третейскимъ и постояннымъ, тогда присоединятся и органы: какъ законодательства, такъ и исполнительнѣйшей власти со всѣми ея многообразными функціями до организованнаго принужденія включительно. Но все это скорѣе вопросы и дѣло самой жизни, нежели теоріи.

IV. Источники Международнаго Права. Главный интересъ, лежащій въ изученіи источниковъ Международнаго Права заключается въ томъ, что это вполне подтверждаетъ намъ, несмотря на нѣкоторыя ихъ особенности, юридическую природу его нормъ. Въ самомъ дѣлѣ эти нормы выражаются въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыя выливается всякое положительное право вообще, а въ смѣнѣ ихъ подмѣщаются тѣ же фазы, черезъ которые проходитъ ростъ всякаго національнаго права отъ *обычаевъ* къ *отдѣльнымъ положительнымъ нормамъ* (законамъ, трактатамъ), требующимъ познѣе, при осложненіи сношеній сведенія ихъ, при помощи *судебной практики* и *научныхъ обобщеній* и *анализа въ одну цѣльную юридическую систему черезъ кодификацію*.

Прежде всего надо отличать внутренній и настоящій источникъ Международнаго Права или силу, его производящую, отъ различныхъ внѣшнихъ формъ его проявленія на практикѣ, какъ права положительнаго. Внутренній источникъ Международнаго Права, какъ и всякаго

права, слѣдуетъ искать въ *природѣ человека*, въ совершенствующихся его способностяхъ, въ увеличивающихся и разнообразящихся его потребностяхъ. Этотъ источникъ постояненъ и неизмѣненъ въ томъ смыслѣ, что онъ вытекаетъ изъ требованій разумной, общежителной природы человека, предписывающей ему жить въ обществѣ существъ ему подобныхъ. Многіе юристы называютъ вытекающія изъ него начала правомъ необходимымъ, отличая его однако отъ естественнаго права прежнихъ эпохъ. Къ нему они сводятъ, на примѣръ: основныя права государствъ, обязательную силу договоровъ и начало взаимности, какъ руководящее сношеніями народовъ. На практикѣ измѣняются его нормы и способы ихъ охраны, но корень ихъ остается одинъ и тотъ же. Говоря глубже, онъ скрывается въ нравственномъ порядкѣ вселенной по волѣ Божіей управляемой великимъ закономъ солидарности всѣхъ живыхъ существъ.

Отыскивать начала этого необходимаго или разумаго Международнаго Права должно въ *юридическомъ сознаніи* тѣхъ народовъ нашей культуры, которые вступили между собой въ правильное и, до известной степени, организованное общеніе. Члены его сознаютъ себя связанными, по отношенію другъ къ другу, известными правами и обязанностями и стараются совмѣстно осуществлять общіе имъ интересы. Такъ путемъ ихъ согласія возникаетъ положительное Международное Право, главными формами котораго являются: обычаи, договоры, рѣшенія международныхъ судовъ, законы государствъ, рѣшенія государственныхъ судовъ и наука.

а) *Обычаи*. Какъ и во всякой другой области права,—въ Международномъ—обычаи составляютъ самую древнюю и живую форму его проявленія. Есть однако и нѣкоторыя характерныя черты, отличающія собственно международные обычаи они устанавливаются, хотя и молчаливо, но болѣе *сознательно*, чѣмъ обычаи національные. Это выражается въ томъ, что международные обычаи проявляются въ дѣйствіяхъ правительствъ и ихъ различныхъ органовъ, независимо отъ того, кѣмъ они вначалѣ были высказаны (хотя бы, напр., какимъ-либо выдающимся юристомъ, политическимъ дѣятелемъ и т. д.) Во-2-хъ обычаи, чтобы стать международными, должны получить *общій* характеръ, т. е. быть усвоены въ той или иной формѣ, если не всѣми народами, то, по крайней мѣрѣ, большинствомъ изъ нихъ въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Правила, которымъ тутъ слѣдуютъ отдѣльныя правительства, но которыя не получили общаго признанія, не могутъ еще быть названы международными обычаями.

Важность обычнаго права — его непосредственная связь съ жизнью—съ тѣми потребностями людей, которыя ихъ производятъ и убѣжденіе въ юридической обязательности его нормъ со стороны примѣняющихъ его лицъ. Все это имѣетъ мѣсто и въ международной сферѣ: въ относящихся сюда обычаяхъ ранѣе и яснѣе всего сказыва-

вается фактическое и непрерывное сознание о правѣ со стороны государствъ, ихъ практикующихъ. Этою стороною обычаи отличаются отъ правилъ простой международной вѣжливости [*comitas gentium*, *courtoisie internationale*], играющихъ на практикѣ большую роль, но лишенныхъ юридической обязательности. Большинство нормъ и институтовъ Международнаго Права возникли и до нынѣ охраняются лишь благодаря обычаямъ, т. е. безмолвному согласію государствъ на ихъ признание и соблюденіе. Уже древніе знали нѣкоторыя правила относительно веденія войны. Еще болѣе въ средніе вѣка, благодаря влиянію христіанства и рыцарства установилось различіе между доброю, честною войной [*bonne guerre*] и разбоемъ [*mauvaise guerre*]. Отъ временъ рыцарей ведутъ свое начало многія понятія о чести и дисциплинѣ въ современныхъ европейскихъ арміяхъ, объ отношеніяхъ къ врагу и побѣжденнымъ, о неприкосновенности нѣкотораго рода имущества и т. д. Доселѣ многія нормы, составляющія право войны, не формулированы еще вовсе или высказываются недостаточно въ международныхъ соглашенияхъ и въ законахъ государствъ и остаются въ видѣ обычая, такъ-что не безъ основанія брюссельская конференція 1874 г. поставила себѣ цѣлью свести въ одно цѣлое законы и обычаи войны. Въ средніе же вѣка возникло морское Международное Право, начиная съ правилъ о товароотправленіи, о морскомъ страхованіи, объ отношеніяхъ между шкиперомъ и матросами и кончая правами нейтральной торговли—все оно сложилось первоначально въ видѣ обычая, скоро утратившихъ свою національную и территориальную окраску и перешедшихъ въ особые сборники [*Consolato del Mare* XIV в., *Rooles d'Oleron* XI в.; *Guidon de la Mer* XVI ст. Висбийское право XV ст. и т. д.], а позднѣе сдѣлавшихся частью законодательства различныхъ государствъ. Путемъ обычая выработалось далѣе международное договорное и посольское право. Также возникли права, которыми пользуются главы государствъ и ихъ представители на чужой территории и въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ вообще. Не меньшую роль игралъ обычай и въ частномъ Международномъ Правѣ.

Изъ всего этого ясно громадное практическое значеніе международныхъ обычаевъ даже для нашего времени: они составляютъ, какъ сказано, большую часть хотя и не писанныхъ, но положительныхъ нормъ Международнаго Права. Это ихъ значеніе проявляется собственно въ двоякомъ направленіи: обычаи представляютъ главное пособие при примѣненіи и толкованіи спорныхъ международныхъ нормъ: они либо восполняютъ существующіе въ послѣднихъ пробѣлы, либо помогаютъ точнѣе уяснить настоящій ихъ смыслъ. Затѣмъ они содѣйствуютъ отмѣнѣ извѣстныхъ нормъ положительнаго права, пришедшихъ въ несоотвѣстствіе съ реальными требованіями жизни. Было бы весьма желательнымъ собраніе и обнародованіе международныхъ обычаевъ въ одномъ сборникѣ. Эта работа необходимая, но не легкая, ибо соотвѣтствующія нормы обычного права слѣдовало бы извлекать изъ

самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ: историческихъ прецедентовъ, судебныхъ рѣшеній, постановленій различныхъ законовъ, международной практики и т. д. При все расширяющемся международномъ оборотѣ, обычаи естественно должны уступить въ наше время первое мѣсто другой формѣ Международнаго Права—трактатамъ.

б) *Трактаты* или международные договоры обозначаютъ всякаго рода обязательства, принимаемыя на себя государствами въ ихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Намъ нечего на нихъ останавливаться такъ, какъ имъ была посвящена въ этомъ Словарѣ особая статья (Договоры между полутомъ 20). Замѣтимъ, только что при изученіи положительнаго Международнаго Права трактаты являются главнымъ источникомъ, ибо они лучше всего свидѣлствуютъ о воззрѣніяхъ правительствъ въ данное время на ихъ взаимныя права и обязанности. Отъ обычаевъ они отличаются болѣею точностью и сознательностью выраженныхъ въ нихъ нормъ. Кромѣ вышеназванныхъ актовъ по военному праву заслуживаютъ вниманія слѣдующія договоры и постановленія: оба вооруженные нейтралитета 1780 и 1800 гг., статьи Вѣнскаго акта 1815 г. о международномъ рѣчномъ судоходствѣ, объ осужденіи неготорговли и о рангѣ дипломатическихъ агентовъ, къ послѣднему вопросу слѣдуетъ прибавить ахейскій протоколъ 1818 г. о министрахъ-резидентахъ; парижскій и берлинскій акты (1856 и 1878 гг.) о положеніи Турціи и подвластныхъ ей племенъ, о Дунаѣ и Черномъ морѣ и проливахъ; конвенціи: Берлинская 1885 г. о судоходствѣ по Конго, Нигеру и вообще о торговлѣ и занятіи новыхъ земель въ экваторіальной Африкѣ, Брюссельская 1890 г. о борьбѣ въ тѣхъ странахъ съ торговлею и захватомъ негровъ. Таковы наиболѣе важныя общіе международныя акты. Къ нимъ должны быть присоединены договоры о различныхъ уніяхъ между государствами и другіе хотя спеціальныя договоры по тому или иному вопросу (торговые, о выдачѣ преступниковъ и т. д.), заключенныя между двумя или лишь немногими государствами, но торжественныя по содержанію. Это указываетъ на общіе идеи и солидарность интересовъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Много существуетъ сборниковъ трактатовъ: общіе, національные и спеціальныя, посвященные одному какому-либо отдѣлу Международнаго Права. Сборники эти издаются либо правительствами, либо частными лицами и притомъ печатаются они въ опредѣленные сроки или же просто время отъ времени. Но давно уже было указано на существующую тутъ путаницу, неаккуратность, пробѣлы и на вытекающія отсюда крайнія затрудненія при пользованіи этими собраніями. Очевидно, важное дѣло изданіе трактатовъ должно вестись по рациональному, однородному и напередъ установленному плану и притомъ давать тексты договоровъ во всей точности своевременно и на одномъ для всѣхъ государствъ языкѣ (каковымъ наиболѣе удобнымъ былъ бы французскій). Лучшимъ способомъ осуществленія такой задачи признается даже многими правительствами учрежденіе между государствами уніи. Для этой цѣли была созвана

осевью 1894 г. конференція въ Бернѣ *), которая и выработала планъ подобной уніи для совмѣстнаго и однообразнаго изданія государствами трактатовъ. Къ сожалѣнію дѣло доселѣ на томъ и остановилось, но практическая несостоятельность его такова, что осуществленіе его представляется лишь вопросомъ времени. Важными пособиями при изученіи трактатовъ являются дипломатическіе переговоры и всякаго рода акты, подготавливающие рѣшеніе извѣстныхъ вопросовъ. Особенную цѣну для уразумѣнія постановленій конгрессовъ и конференцій имѣютъ ихъ протоколы. Также много интереса представляютъ инструкции, даваемые правительствами своимъ уполномоченнымъ для веденія переговоровъ съ иностранными дворами. Французское правительство нынѣ приступило къ печатанію такихъ своихъ инструкцій, выданныхъ имъ до первой революціи.

в) *Рѣшенія Международныхъ судовъ*. Строгіе позитивисты признають только обычаи и договоры источниками Международнаго Права. Но это воззрѣніе слишкомъ узко и исключительно-формальное. Правосознаніе народовъ, бесспорно, сказывается и въ ихъ *судебныхъ рѣшеніяхъ*, которыя при свободномъ, малоформальномъ еще характерѣ Международнаго Права не только призваны интерпретировать его норы, и даже проявлять нѣкоторое творчество въ правѣ. Эта функція суда, само собою разумѣется, лишь вспомогательная и въ той мѣрѣ сокращающаяся, въ какой точнѣе и полнѣе вырабатываются законодательныя нормы и обладать ею могутъ только международные суды. Къ типу таковыхъ, болѣе или менѣе, приближаются: 1. *Призовые суды*. Они учреждаются воюющими для разбора дѣлъ законности взятыхъ ими непріятельскихъ или нейтральныхъ судовъ (призовъ) и руководствуются при этомъ не только мѣстными отечественными законами, но и Международнымъ Правомъ. Сборники ихъ рѣшеній даютъ богатый матеріалъ по всѣмъ вопросамъ какъ войны, такъ и мира. Особенно прославились себя въ призовой юрисдикціи англійскіе и американскіе юристы, но все-таки нельзя видѣть въ ихъ рѣшеніяхъ, какъ дѣлають это ихъ соотечественники, какія-то непреложныя истины. Призовые суды страдаютъ многими крупными недостатками; они временны, носятъ характеръ гораздо менѣе судебный, нежели административный (военно-морской) и суть учрежденія государственныя, а не международныя. Между тѣмъ характеръ судебный и международный долженъ быть выраженъ гораздо рѣзче въ ихъ организаціи и дѣятельности, ибо они, по природѣ своей не административныя совѣты, а именно суды, призванные разсматривать часто очень запутанные споры о правѣ, въ которыхъ замѣшаны не одни воюющіе, но и нейтральные граждане и даже государство. Въ этомъ направленіи давно уже трудятся ученые. 2. *Смѣшанные суды въ Египтѣ* возникли въ 1874 г. Они состоятъ частью

изъ туземныхъ подданныхъ, частью (въ большинствѣ) изъ лицъ рекомендованныхъ европейскими правительствами и разбирають торговые гражданскіе и нѣкоторыя уголовныя дѣла между иностранцами разныхъ національностей и между иностранцами и туземцами. Ихъ международный характеръ выражается въ ихъ организаціи и въ тѣхъ кодексахъ, которые имъ даны въ руководство. Суды эти представляютъ любопытную попытку съ одной стороны извѣстнаго объединенія дѣйствующей на Востокѣ юрисдикціи консуловъ съ другой, — нѣкотораго сближенія на почвѣ права жителей христіанскихъ и восточныхъ странъ.

3. *Международные третейскіе суды* стали чаще учреждаться въ нашемъ столѣтіи. Въ пользу ихъ распространенія на практикѣ существуетъ цѣлая литература. Пока они отличаются еще довольно случайнымъ характеромъ, примѣняются (кромѣ двухъ вышеназванныхъ споровъ: Алабамскаго и о котикахъ въ Беринговомъ морѣ) къ неважнымъ случаямъ и поэтому рѣшенія ихъ не даютъ богатаго матеріала для науки Международнаго Права. Но этимъ судамъ принадлежитъ бесспорно будущее въ виду возрастающаго въ цивилизованныхъ народахъ желанія оканчивать свои споры не оружіемъ, не исхищреніями дипломатовъ, а мирно и по справедливости. Но расширение сферы дѣятельности этихъ судовъ не мыслимо безъ приданія имъ правильной организаціи и обязательнаго характера. г) *Внутренніе законы государствъ* являются важною дополнительною формою къ доселѣ перечисленнымъ нами главнымъ или прямымъ формамъ Международнаго Права. Они или подтверждаютъ существующія уже международныя нормы, придавая имъ государственную санкцію на извѣстной территоріи, или подготавливаютъ имъ дорогу, опережая ихъ въ провозглашеніи новыхъ, назрѣвающихъ уже идей, но не получившихъ еще общаго признанія. Наконецъ, они служатъ подспорьемъ при толкованіи трактатовъ въ видѣ тѣснаго взаимодействія между внутреннею жизнью государствъ и ихъ внѣшними сношеніями. Въ современныхъ законодательствахъ не мало существуетъ отдѣловъ, представляющихъ большія или меньшія между собой сходства именно потому, что ихъ вызвали къ жизни одинаковыя потребности и воззрѣнія. Таковы, напр., законы объ иностранцахъ, пребывающихъ въ странѣ, о консулахъ, морскіе законы и т. д. По идеѣ законы и трактаты не должны другъ другу противорѣчить, но въ случаяхъ коллизій между ними, предпочтеніе на почвѣ собственно международной должно быть отдаваемо трактатамъ, какъ такимъ общимъ нормамъ, которые не подлежатъ отмѣнѣ со стороны противорѣчащихъ имъ законовъ отдѣльныхъ государствъ.

д) *Рѣшенія государственныхъ судовъ* важны въ международной области въ двоякомъ направленіи во 1-хъ, поскольку ими затрогиваются различные вопросы частнаго международного права и стоящіе съ ними нерѣдко въ связи споры о подданствѣ, объ эмиграціи, о положеніи и правахъ иностранцевъ и т. п., 2-хъ, рѣшенія государственныхъ судовъ имѣютъ значеніе и для чисто публичнаго Международнаго Права,

*) О ней см. обстоятельную замѣтку въ международной хроникѣ *Revue génér. de Dr. internat. public.*, 1895, № 2, p. 221—229.

когда рѣчь заходитъ, напримѣръ, о правахъ и привилегіяхъ дипломатическихъ агентовъ и государей на иностранной территоріи, объ отвѣтственности ихъ по недвижимымъ имуществамъ, владѣемыхъ ими за границей, о правонарушеніяхъ, совершенныхъ воюющими на непріятельской территоріи и проч.

е) *Наука*. Быть можетъ ни въ одной отрасли права, наука не имѣетъ такого большого значенія, какъ въ сферѣ Международнаго Права. Она должна быть признава однимъ изъ главныхъ факторовъ, создавшихъ его. Ея представители не разъ оказывали вліяніе на международныя сношенія и содѣйствовали сложению нормъ, управляющихъ этими отношеніями. Съ этою цѣлю они не только собираютъ весь подлинный матеріалъ, извлекая его изъ перечисленныхъ нами выше источниковъ, но и сводятъ полученныя изъ него нормы въ стройную систему. Они заботятся о распространеніи въ обществѣ здоровыхъ воззрѣній на международныя сношенія и путемъ популярныхъ изложеній, печатнаго и устнаго слова и даже, изучая современную жизнь, нерѣдко выводятъ новыя послѣдствія изъ уже признанныхъ началъ, или прямо высказываютъ новыя идеи, опережая тѣмъ свое время. Это уже творческая дѣятельность науки, которую никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ фантазіей или субъективными иллюзіями, разъ эта дѣятельность опирается на глубокое знакомство съ явленіями реальной жизни и съ законами исторіи и логики. Не менѣе почтенна и практическая роль интернаціоналистовъ: примѣняя международныя нормы на практикѣ, содѣйствовать ихъ выясненію и укрѣпленію, поддерживать и расширять добрыя отношенія между всѣми государствами, устранять возникающіе между ними споры и вообще водворять въ ихъ совместной жизни великія начала справедливости и мира. Въ наше время наука Международнаго Права нашла себѣ прекрасный коллективный органъ въ *Институтъ Международнаго Права*, который возникъ въ 1873 г. по мысли Ролень-Жекмена, Блюнчли, Муанье и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ. Это обществочастное, вполне научное, въ составъ котораго входятъ выдающіеся интернаціоналисты всѣхъ странъ. Цѣль его содѣйствовать успѣхамъ Международнаго Права въ жизни и наукѣ и специально стремиться къ постепенной кодификаціи его началъ. Для сей цѣли члены его почти ежегодно собираются на сѣзды и при немъ состоятъ различныя комиссіи, разрабатывающія главнымъ образомъ вопросы новые, интересныя въ наукѣ и которые самымъ ходомъ жизни выдвинуты на очередь. Институтъ имѣетъ свои органы: „Ежегодникъ“ и „Обозрѣніе Международнаго Права“, которые являются настоятельными изданіями для всякаго интересующагося этою отраслью знанія.

ж) *О кодификаціи Международнаго Права*. Подобно всѣмъ остальнымъ областямъ права, Международное достигнетъ наибольшей опредѣленности и выработки лишь подъ условіемъ его кодификаціи, т. е. свѣденія его нормъ государствами въ одно цѣлое и признанія ихъ для себя обязательными въ качествѣ *международнаго закона* (кодекса). Это—

высшая и завершительная фаза для права вообще и не существуетъ никакого основанія, съ принципиальной точки зрѣнія оспаривать ея цѣлесообразность и справедливость и для Международнаго Права. Въ этомъ направленіи высказываются все чаще и чаще писатели и даже дѣлаются нѣкоторыя попытки правительствами, какъ мы указывали выше. Лица, скептически относящіеся къ кодификаціи Международнаго Права въ цѣломъ его составѣ допускаютъ ее для тѣхъ или иныхъ его отдѣловъ: какъ-то: для права войны, морского консульскаго и т. п. Правительственной кодификаціи должны предшествовать научныя работы этого же рода со стороны частныхъ лицъ. Современное Международное Право можетъ гордиться таковыми: кодексы Блюнчли, Фильда и Фиоре не только обнимаютъ весь предметъ ими излагаемый въ формѣ статей закона, но и принадлежатъ къ лучшимъ научнымъ системамъ въ этой области вообще. Работы Института Международнаго Права являются болѣе или менѣе удачными частями и образчиками для будущей кодификаціи соответствующихъ отдѣловъ. Засѣдавшія въ Гагѣ въ 1893 и 94 гг., правительственныя конференціи сдѣлали первыя подготовительныя работы къ кодификаціи гражданскаго Международнаго Права. Все это характерныя знаменія времени, указывающія на то, что и въ международной области вопросъ о кодификаціи подвигается впередъ. Вѣроятно, таковая произойдетъ постепенно и частично: отъ назрѣвшихъ и простыхъ отношеній къ болѣе сложнымъ и спорнымъ. Польза подобной работы внѣ сомнѣнія: она должна идти объ руку съ успѣхами международного суда въ жизни и объ эти задачи, восполняя другъ друга скрѣплять прочными юридическими узами самый миръ между государствами.

В. *Область примѣненія*. По идеѣ Международное Право есть право человечества, но, какъ право положительное, оно соединяетъ пока народы Европы и Америки, потому что оно явилось продуктомъ всей ихъ прошлой культурной жизни. Постепенно нормы его распространились на государства Азіи, гдѣ оно дѣйствуетъ лишь частично и только за послѣдніе годы, конвенціи берлинская и брюссельская втянули въ кругъ договорныхъ отношеній между европейскими кабинетами и дикія страны Африки. Поэтому, съ точки зрѣнія обязательности Международнаго Права, народы всего земного міра распадутся на слѣдующія три группы: 1. Европейско-Американскій міръ; 2. народы Азіи, или магометанскій и языческій міръ Востока и 3. всѣ остальные племена, варвары, почти недостигнувшіе какой-либо государственной организации. 1. Международное Право зародилось, какъ извѣстно, въ западной Европѣ въ XVIII стол., когда новыя государства, сложившись, вступили въ правильныя между собою сношенія и когда протестантизмъ утвердилъ принципы духовной и умственной свободы въ жизни народовъ. Тому же факту содѣйствовали, на рубежѣ новаго времени, многочисленныя изобрѣтенія и открытія въ разныхъ сферахъ мысли, открытіе Америки и морского пути въ Индію и вызван-

ныя ими оживленіе всемірной торговли и заведеніе европейцами во всѣхъ частяхъ свѣта колоній. Такимъ образомъ, съ успѣхами европейской цивилизаціи и колонизаціи распространялись начала Международнаго Права на другіе материкі. Прежде всего возникли цвѣтущія самостоятельныя государства въ Америкѣ. Сколько ни представляютъ политическихъ особенностей ея республики, сравнительно со странами Европы, но для всякаго очевидно, что сношенія между этими обоими материками должны покоиться на началахъ полного равенства и обоюдной независимости, но подъ условіемъ самаго широкаго и дружественнаго между ними общенія. Они—отрасли одного ствола и одна часть, безъ другой, долго не просуществуетъ. Въ этихъ видахъ нельзя не протестовать противъ формулы „Америка—для американцевъ“, какъ ее толкуютъ узкіе патріоты и фанатики въ С. Штатахъ. Америка не только обязана Европѣ своимъ населеніемъ и цивилизаціей въ прошломъ, но и все благосостояніе ея въ будущемъ обусловлено тѣснымъ и постояннымъ общеніемъ ея съ Европою. Поэтому С. Штаты, будучи передовою державою на своемъ материкѣ, призваны стоять на стражѣ его независимости и свободы, но они не имѣютъ ни малѣйшаго права ни закрывать Америку для европейскихъ эмигрантовъ и товаровъ, ни вытѣснять европейцевъ изъ принадлежащихъ имъ тамъ владѣній. Это были бы тяжкія нарушенія Международнаго Права, которыя узаконили бы противъ себя, со стороны европейскихъ державъ, самые энергичныя и коллективныя мѣры. С. Штаты до сихъ поръ не принимали участія въ обсужденіи великихъ политическихъ вопросовъ нашего материка, но съ точки зрѣнія права и какъ держава міровая, они вполне могли бы это дѣлать. За то многочисленны договоры, заключенные ими съ государствами Европы и ко многимъ обще-юридическимъ постановленіямъ ихъ они присоединились: къ женеvской конвенціи 1864 г., къ почтовому и промышленному союзу (но не къ телеграфному и литературному), къ метрической конвенціи 1875 г., къ парижской 1884 г. объ охранѣ кабелей въ мирное время и т. д. Делегаты Штатовъ засѣдали, но не обязывая свое правительство, на конференціяхъ берлинской 1884—85 г. и на брюссельской 1887—90 г. Съ прорытіемъ Панамскаго канала чрезвычайно важно будетъ установить надъ нимъ не американскій, а обще-международный контроль и управленіе.

2. *Народы Азіи*, хотя и пользуются древнею и богатою культурою, но она покоится на иныхъ основахъ, сравнительно съ европейскою, поэтому начала Международнаго Права къ нимъ примѣняются лишь по столько, по сколько они высказаны въ заключенныхъ съ ними договорахъ. Съ цѣлью охраны своихъ подданныхъ, пребывающихъ на Востокѣ и не довѣряя мѣстному правосудію, европейскія государства, а за ними и американскіе установили тамъ консульскую юрисдикцію, въ силу которой, какъ извѣстно, подданные ихъ подлежатъ въ Азіи не мѣстнымъ, а отечественнымъ судамъ своихъ консуловъ. Въ послѣд-

нее время подымали рѣчь о замѣнѣ этихъ консульскихъ судовъ такими же смѣшанными, какіе введены въ Египтѣ. Это было-бы шагомъ впередъ на почвѣ сближенія въ вопросахъ права между христіанскимъ міромъ и азіатскимъ,—шагомъ во всякомъ случаѣ болѣе осторожнымъ и желательнымъ, нежели простое упраздненіе консульской юрисдикціи, какъ на этомъ настояла Японія въ нѣкоторыхъ своихъ договорахъ (съ Англіей, С. Штатами, Германіей; реформа эта имѣетъ вступить въ силу черезъ нѣсколько лѣтъ).—Лишь въ нашемъ столѣтіи сношенія Европы съ Востокомъ приняли правильный и очень оригинальный характеръ: въ 1856 году на Парижскомъ конгрессѣ Турція принята великими державами „въ составъ европейскаго концерта“, причемъ послѣднія заявили о распространеніи на нее нормъ Международнаго Права (*avantages du droit publis*). Европа думала этимъ путемъ установить надъ нею коллективный надзоръ, ослабить влияніе на нее Россіи и продлить ея жалкіе дни. Но никакіе договоры не предотвратятъ распада „Блистательной Порты“. Только одно твердое и напередъ установленное, по справедливости и въ интересахъ всѣхъ, соглашеніе державъ въ состояніи ускорить наступленіе этого желаннаго момента при возможно благопріятныхъ и мирныхъ условіяхъ. Съ половины приблизительно нашего столѣтія вышли изъ своей тысячелѣтней замкнутости Китай и Японія. Послѣдняя особенно быстро стала воспринимать, хотя съ внѣшней стороны, начала европейской культуры. Тѣмъ не менѣе государства Европы въ сношеніяхъ своихъ съ народами Азіи должны бы неуклонно держаться двухъ основныхъ началъ: не смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ и высокомеріемъ; какъ на людей низшей расы, но соблюдать строго начала нравственности и справедливости. Кромѣ того, не втягивать ихъ никогда въ свои союзы и взаимныя распри. На раздорахъ европейскихъ кабинетовъ строить обыкновенно азіатскіе политиканы свою темную игру и оппозицію Европѣ. Особенно слѣдовало бы послѣдней позаботиться о томъ, чтобы не обучать азіатовъ своимъ военнымъ искусствамъ и техникѣ, не посылать къ нимъ собственныхъ инструкторовъ. Вообще хранить свои военныя силы и открытія въ тайнѣ и всѣмъ въ этомъ отношеніи дѣйствовать дружно и за одно. Тогда европейскимъ народамъ не будутъ страшны никакія полчища Азіи, народы которой, очевидно, вступили уже въ періодъ дряхлости и въ будущемъ призваны, при сохраненіи внутренней независимости, стать подъ болѣе или менѣе строгій надзоръ Европы, что уже сдѣлалось по отношенію Бухары, Хивы, владѣтельныхъ князей Индіи, Индо-Китаи и т. д.

3. Относительно, наконецъ, *варваровъ*, или дикихъ племенъ, которые либо достигли лишь низшей ступени государственности, либо ведутъ еще вполне кочевую жизнь, должно замѣтить, что и на нихъ Международное Право призвано простирать охранительную силу своихъ нормъ. Но это выражается лишь въ признаніи за ними ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ и въ уваженіи заключенныхъ съ ними сдѣ-

локъ и договоровъ. Нельзя не отмѣтить въ сношеніяхъ европейцевъ съ варварами значительнаго поворота къ лучшему въ нашемъ столѣтіи: предпринята энергическая борьба съ торговлею неграми и съ рабствомъ вообще, а въ эти послѣдніе годы европейскіе правительства признали своею обязанностью заботиться о матеріальномъ и духовномъ благосостояніи туземцевъ Африки во всѣхъ тѣхъ ея странахъ, гдѣ они утверждаютъ свою власть или протекторатъ. Въ этихъ видахъ они высказываютъ желаніе покровительствовать духовнымъ, научнымъ и филантропическимъ учрежденіямъ, преслѣдующимъ указанную цѣль, борются вездѣ съ устарѣлымъ институтомъ рабства и прямо запрещаютъ даже въ большой части Африки подвозъ къ туземнымъ ея населеніямъ огнестрѣльнаго оружія и спиртныхъ напитковъ, а также торговлѣ ими (акты берлинской конференціи 1885 г. и особенно Брюссельской 1890 г.). Это постановленія прекрасны; только надо ихъ примѣнять во всей строгости, а сферу ихъ дѣйствія не ограничивать одною Африкой (или даже „договорнымъ бассейномъ Конго“), но распространить на всѣхъ варваровъ вообще.

VI. Литература по Международному Праву чрезвычайно богата: въ ней принимаютъ участіе выдающіеся писатели всѣхъ народовъ. Богатое содержаніе Международнаго Права излагается то въ многотомныхъ трактатахъ, то въ сжатыхъ учебникахъ для начинающихъ, то въ научныхъ словаряхъ. Новые вопросы, постоянно возникающіе въ этой области съ ходомъ самой жизни, разрабатываются въ безчисленныхъ монографіяхъ, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести современной науки и въ специальныхъ журналахъ.

Само собою разумѣется, мы можемъ указать здѣсь лишь на самыя главныя явленія.

Писателей по Международному Праву обыкновенно распределяютъ по ихъ національности, но вѣрнѣе группировать ихъ по методу и научному направленію. Въ этомъ отношеніи они могутъ быть раздѣлены на четыре большія категоріи, смотря по тому: изслѣдуютъ ли они исторію международныхъ сношеній, или подвергаютъ достигнутые уже въ наукѣ результаты критическому анализу, или даютъ юридическую конструкцію всѣмъ ея положительнымъ элементамъ, или же стремятся, наконецъ, облечь свое изложеніе въ наиболѣе совершенную для каждаго права форму кодификаціи.

1. По исторіи международныхъ сношеній наиболѣе капитальнымъ трудомъ, несмотря на многочисленныя отступленія, является сочиненіе Лорана (Laurent. Etudes sur l'histoire 18 vls, 1850—70). Глубокая мысль, богатые указанія на литературу, блестящее изложеніе; останавливается на 1815 г. — Нѣсколько устарѣла, но хороша книга Мюллеръ-Йохмуса, посвященная древнимъ государствомъ (Müller-Jochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum 1848). Довольно полную картину международныхъ отношеній въ средніе вѣка даетъ Нисъ (Nys. Les origines du dr. intern. 1894 г.) Полной такой исторіи для новаго времени не существуетъ.

Въ русской литературѣ слѣдуетъ отмѣтить работы Каченовскаго (кн. II его курса 1886, исторія, доведена до реформациі); Иванова (характеристика международныхъ отношеній и Международнаго Права въ историческомъ развитіи, 1874) и бар. Таубе (Исторія зарожденія современнаго М. П. — Средніе вѣка. Т. I, 1894 г.),

2. Критическое направленіе характеризуетъ особенно нѣмецкую науку и является тамъ одною изъ формъ философскаго метода. Главою писателей этой школы выступилъ Кальтенборнъ (Kaltenborn. Kritik des Völkerrechts, 1847). Хорошая оцѣнка писателей съ точки зрѣнія ихъ системы и основныхъ научныхъ положеній и блестящій очеркъ собственныхъ воззрѣній на эти капитальные пункты. Продолжателями его являются Бульмерингъ [Bulmerincq. Die Systematik des Völkerrechts 1858 и Praxis, Theorie und Codification des Völkerr. 1874] и Гейльборнъ [Heilborn System des Völkerr. aus dessen Grundbegriffen entwickelt, 1896, останавливается особенно на воззрѣніяхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ государственниковъ].

3. Положительно научныя обработки Международнаго Права отмѣчены въ наши дни, главнымъ образомъ, юридическимъ методомъ. Этотъ приѣмъ сталъ господствующимъ съ появленія книги Гефтера (1-е нѣм. изд. 1844), хотя зачатки его можно прослѣдить гораздо ранѣе. Писатели этого направленія извлекаютъ матеріалы изъ трактатовъ, исторіи и другихъ проявленій ихъ въ дѣйствительной жизни и придаютъ имъ, сообразно съ ихъ природою и потребностями современнаго общества, юридическую норму и систему, тщательно выдѣляя ихъ отъ примѣси съ началами морали и политики. Изъ небольшихъ учебниковъ по дѣльности и ясности выдѣляются: въ нѣмецкой литературѣ — руководства Гарейса (Garais. Institutionen des Völk. 1889; перев. на русскій языкъ Казанскимъ 1893) и Бульмеринга (Bulmerincq. Völkerrecht 1884), а во французской Рено (Renault. Introduction à l'étude de dr. intern. 1879) и Лёсеръ (Leseur. Introduction à un cours de dr. intern. public. 1893). Но лучше и наиболѣе обстоятельно обработкою дѣйствующаго Международнаго Права съ точки зрѣнія практики государствъ должно быть признано обширное руководство Гольцендорфа, изданное имъ въ сотрудничествѣ съ тринадцатую большей частью нѣмецкихъ интернаціоналистовъ (Holtzendorff. Handbuch des Völkerr. 4 Bdc. 1885—89. Къ нему Указатель). Первый томъ посвященъ обширному введенію, гдѣ излагается (Гольцендорфомъ) исторія международныхъ сношеній до Вестфальскаго мира и Ривье) очеркъ литературы по Международному Праву (наиболѣе полный изъ существующихъ). Весьма обширны трактаты Кальво (Calvo Le dr. intern. théorique et pratique 4 édit., 5 vls 1887—88, (по богатству содержанія и практическому направленію безцѣнное пособіе для дипломатовъ, консуловъ, юристовъ) и Прадье-Фодере (Pradier-Fodère) Traité de dr. intern. public européen et américain. 6 большихъ томовъ, но еще не окончено; 1885—94. Изъ итальянскихъ сочиненій долженъ быть рекомендованъ прекрасный трудъ Фиоре (Fiore. Trattato di diritto inter-

nazionale publico 3 vol. 3 edit. 1887—91; есть французскій переводъ), а изъ англійскихъ Гоодъ (*Holl A. Treatise of International Law* 4 edit. 1895)—Много новыхъ курсовъ вышло за послѣднее время во Франціи и явилась книга Уестлека (перев. на франц.).

На русскомъ языкѣ существуютъ два хорошія сочиненія, обнидающія всю систему Международнаго Права: обстоятельный, переведенный на многіе иностранные языки курсъ *Мартенса*. (Современное М. П. цивилизованныхъ народовъ 2 т. Изд. 3. 1895—96) и Пособіе *Даневскаго* (Пособіе къ изученію исторіи и системы М. П. 1892).

4. *Опыты кодификаціи* сдѣланы доселѣ тремя первоклассными писателями, труды которыхъ должны быть отнесены вообще къ лучшимъ изложеніямъ Международнаго Права по глубинѣ и точности мысли, по ясности и красотѣ языка. Это кодексы Блунчли (*Bluntschli Modernes Völkerr.* 3 Aufl 1878, есть русскій переводъ; *Филадель* (*Field, International Code*, 2 edit. 1876, есть франц. пер.) и *Фиоре* (*Fiore Ordimento Giuridico della Società degli Stati*. 1890, есть также франц. пер.).

5. *Журналы*. Существуетъ три прекрасныхъ научныхъ журнала, которые ставятъ себѣ задачею теоретическую и практическую разработку вопросовъ Международнаго Права и возможно широкое распространение свѣдѣній о немъ въ средѣ образованнаго общества. При строгой научности помѣщаемыхъ въ нихъ статей, послѣднія отличаются живымъ интереснымъ содержаніемъ. Журналы эти суть: *Revue de dr. internat. et de législation comparée* (изд. Ed. Rolin въ Брюсселѣ; недавно вышелъ указатель къ нему за первсе 25-лѣтіе 1869—94). *Revue générale de dr. internat. public* (изд. Pillet et Fauchille) и *Revue de dr. public et de la science politique en France et à l'étranger* (изд. Larnade). Оба послѣднія изданія выходятъ въ Парижѣ съ начала 1894 г.

Д о г м а.

Субъектъ Международнаго Права.

Опредѣленіе субъекта международнаго права. Господствующая теорія. Настоящій субъектъ.

Лицомъ или субъектомъ права называютъ существо, способное имѣть права, т. е. пріобрѣтать, реализовать и вступать, слѣдовательно, во всякаго рода обязательства. Кого считать субъектомъ права въ международной области? Долгое время между писателями по международному праву существовало по этому поводу большое разногласіе. По ученію Гефтера существуютъ три субъекта международнаго права: государства, государи и частныя лица; по ученію Блунчли и Рено—два, но различные: первый признаетъ субъектами государства и системы государствъ (священный союзъ, пентархія и т. д.), второй—государства и частныя лица. Но въ послѣднее время большинство писателей придерживается теоріи, которая признаетъ международными лицами или субъектами международнаго права исключительно государства. Этой же теоріи въ прежнихъ своихъ трудахъ придерживался извѣстный итальянскій ученый Фиоре, но въ послѣднемъ своемъ сочиненіи субъектами права онъ признаетъ не только государства, но и церкви и отдѣльныхъ людей. Съ господствующей теоріей можно до извѣстной степени согласиться, если обратить вниманіе на то, что въ международной области нормы международнаго права высказываются *государствами* и ими же, такъ или иначе, защищаются.

Передадимъ сущность господствующей теоріи. Для слѣдователей ея представляетъ огромную важность вопросъ о государствахъ.

Большая часть интернаціоналистовъ (Гарейсъ, Фиоре) довольствуются при опредѣленіи государства слѣдующими четырьмя внѣшними признаками: 1) населеніе, 2) занимающее опредѣленную территорию, 3) и управляемое верховной властью, 4) на основаніи законовъ, соединяющихъ эги разрозненные элементы въ одно политическое и юридическое цѣлое.

Нѣкоторые писатели, напримѣръ, Блунчли, полагаютъ достаточнымъ даже двухъ признаковъ—населенія и верховой власти, хотя бы

въ самой грубой формѣ. Но населеніе, не прикрѣпленное къ землѣ, хотя и управляемое верховной властью, будетъ орда, а не государство.

Для выясненія роли государства въ области международного права при опредѣленіи его недостаточно однихъ внѣшнихъ признаковъ; къ нимъ надо присоединить еще внутренніе признаки, а именно: государства 1) суть организмы, 2) суть личности.

Съ точки зрѣнія органической теоріи государства представляютъ собою не механическія скопленія людей, подчиненныхъ какимъ-либо внѣшнимъ законнымъ органамъ, а живыя тѣла, развивающіяся изнутри сообразно народному духу.

Еще важнѣе другой внутренній признакъ—государства суть личности. Личностью можетъ быть только организмъ, но не всякій организмъ можетъ быть личностью. Только такіе организмы суть личности, которые одарены волею и, слѣдовательно, индивидуальны. Въ этомъ смыслѣ и государства суть организмы—личности. Государство, какъ личность, отличается отъ лицъ физическихъ и юридическихъ; эти послѣднія входятъ въ государство—личность, какъ составные элементы, а потому по отношенію къ нимъ государство является личностью сложной. Регулированіе отношеній между государствами—личностями составляетъ задачу международного права.

Возвращаясь къ изложенію господствующей теоріи о субъектѣ международного права, нужно замѣтить, что она вполнѣ основательно указываетъ на то, что къ субъектамъ международного права не могутъ быть отнесены различныя общественныя группы, которыя то предшествуютъ образованію государства, то существуютъ одновременно съ нимъ и въ его границахъ, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. И если нѣкоторые писатели (Блюнчли, Фиоре) признаютъ эти общественныя группы субъектами международного права, то это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что эти группы пользуются покровительствомъ международного права.

Поэтому къ международнымъ лицамъ не должно относить тѣ различныя общественныя группы и союзы, которые то предшествуютъ образованію государства, то, хотя живутъ подъ ихъ сѣнію, но преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли. Нельзя также съ этими лицами смѣшивать *международныя органы* или лица и учрежденія, которыя являются представителями государствъ, высказывая ихъ волю.

Отсюда къ субъектамъ международного права не относятся:

1. *Дикія племена*. Не имѣя прочной осѣлости, они ведутъ кочевой образъ жизни. У нихъ нѣтъ прочной территоріи и они въ цѣломъ не доросли еще до настоящей государственной организаціи. Но, какъ показываетъ опытъ, цивилизованныя государства вступаютъ съ ними въ договоры, ведутъ войну и т. д. Эти отношенія опредѣляются болѣе правилами нравственности, чѣмъ требованіями права; однако международное право въ силу своего общечеловѣческаго ха-

рактера, принимаетъ подъ свою охрану личныя и имущественныя права дикарей.

Послѣдніе—хозяева тѣхъ пространствъ земли, которыя они занимаютъ, и преступно лишаютъ ихъ пастбищъ и урочищъ путемъ обмана или насилія. Договоры, съ ними заключенные, должны быть исполнены. Если представится нужда примѣнить къ нимъ репрессаліи, то онѣ при всей строгости, не должны быть безчеловѣчны.

2. *Политическія партіи* съ оружіемъ въ рукахъ стремящіяся къ отдѣленію отъ государства. Онѣ получаютъ иногда частичное признаніе и являются зачаткомъ новаго политическаго тѣла. Но пока борьба длится, онѣ не суть международныя лица, хотя и имѣютъ право на международную охрану, если сами уважаютъ начала этого права. Другими словами, ихъ нельзя считать просто разбойниками и къ нимъ примѣнимы начала не уголовного, а военнаго права. Это сказывается въ обращеніи, которымъ должны пользоваться ихъ плѣнные, раненые и больные. Частичное же признаніе выражается въ признаніи ихъ *воюющей стороною* *).

3. *Торговыя союзы, общества и компаніи* въ дѣйствительности нерѣдко выступали въ международной области, какъ государства. Они преслѣдовали свои опредѣленныя цѣли, обладали войскомъ или флотомъ и вели войны, а равно вступали въ договоры съ иностранными правительствами. Такъ могло быть въ эпохи слабаго и недостаточнаго развитія государственной организаціи, но теперь эти союзы самостоятельнаго политическаго значенія не имѣютъ, а дѣйствуютъ всегда подъ контролемъ государства, на территоріи котораго они возникли, и которое дало имъ призваніе. Изъ исторіи извѣстны: союзъ германскихъ городовъ, получившій съ 1315 г. названіе Ганзы; Остъ-Индская компанія, много содѣйствовавшая утвержденію англичанъ въ Индіи и упраздненная въ 1858 г.; Международная Африканская ассоціація, поставившая себѣ цѣлю съ 1876 г. изслѣдованіе экваторіальной Африки и превратившаяся въ 1885 г. въ независимое, нейтрализованное государство Конго.

4. *Христіанскія церкви* изъ всѣхъ союзовъ имѣютъ наиболѣе самостоятельную отъ государствъ жизнь и организацію. Особенно можно это сказать про католическую церковь съ независимымъ владыкою, папою во главѣ. Въ средніе вѣка она возвышалась надъ государствами и присвоила себѣ немало функций послѣднихъ. Но и гораздо позднѣе папы въ качествѣ свѣтскихъ государей вступали съ монархами въ соглашенія, извѣстныя подъ именемъ *конкордатовъ*. Тѣмъ не менѣе однако *церковь есть субъектъ* международного права; ей по природѣ чужды политическія цѣли и она не располагаетъ матеріальною силой. Конкордаты, строго говоря, не относятся къ области международного

* Такъ, на примѣръ, отдѣлившіеся отъ союза (въ 1861 г.) южныя Штаты, были призваны воюющей стороною Англіей и Франціей.

права, а, какъ соглашенія sui generis, должны быть причислены частью къ государственнымъ законамъ, частью къ церковнымъ.

Спеціально папа съ 1870 г. пересталъ быть свѣтскимъ государемъ. Но по италіянскому закону „о гарантіяхъ“ 1871 г. ему оставлены: извѣстный кварталъ въ Римѣ и многія верховныя и почетныя правъ государей (активное и пассивное посольское право, такъ-называемая внѣземельность и т. д.).

5. Италіянскіе публицисты Лоранъ и др. хотятъ основать въ наше время и международное право по идеѣ *національности*, а не государства. Для нихъ національности суть естественныя и живыя союзы людей, противопоставляемые государствамъ, какъ формамъ искусственнымъ и насильственнымъ. Безспорно, начало національности играетъ большую роль въ современной жизни и политикѣ; оно содѣйствуетъ вѣрному пониманію самаго государства, какъ личности, но оно не можетъ имѣть значенія, приписываемого ему италіянцами. Національности суть личности, но культурныя и историческія, а не политическія. Лишенные политической организаціи и воли, онѣ не могутъ быть вслѣдствіе этого международными лицами. Но международное право, видя въ нихъ одинъ изъ основныхъ элементовъ государства, вообще охраняетъ ихъ право на индивидуальность и духовную самобытность. Въ извѣстныхъ случаяхъ, съ точки зрѣнія его началъ, представляется вполне законнымъ оказаніе имъ помощи и даже содѣйствіе къ ихъ политическому освобожденію.

6. Относительно *государей* должно замѣтить, что развѣ въ неограниченныхъ монархіяхъ, гдѣ вся политическая жизнь народовъ сосредоточивается въ ихъ особѣ (по извѣстной формулѣ: *l'Etat c'est moi*), можно еще ихъ считать субъектами международного права, но въ сущности, съ международной стороны, государи суть не болѣе, какъ представители, верховныя органы управляемыхъ ими государствъ. Поэтому послѣдніе и должны считаться субъектами постоянными и живыми вопреки смѣнѣ ихъ правителей и династій.

7. Еще болѣе органами въ этомъ смыслѣ, а не лицами являются *дипломатическіе агенты*, отвѣтственные не только предъ своимъ отечествомъ, но и предъ назначившимъ ихъ правительствомъ. Они не столько высказываютъ международныя нормы, сколько примѣняютъ ихъ.

8. *Отдѣльный человекъ* также не можетъ быть признанъ субъектомъ международного права. Онъ прежде всего пользуется охраною того государства, чей онъ гражданинъ. Международная защита является къ ней дополненіемъ, а иногда замѣною. Впрочемъ, субъектомъ можно считать отдѣльнаго человека въ области частнаго международного права. Тутъ все болѣе сказывается: съ одной стороны—приравненіе иностранцемъ къ туземцамъ (въ гражданскомъ отношеніи), съ другой—стремленіе признать за человѣческой личностью, независимо отъ ея религіознаго, національнаго или сословнаго характера, повсюду извѣстную сумму правъ, вытекающихъ изъ самой ея природы. Такимъ обра-

зомъ мы приближаемся, хотя медленно, но неукоснительно къ тому идеалу всемірнаго гражданства, о которомъ училъ Кантъ.

Такова господствующая теорія, но мы на ней остановиться не можемъ.

Государства, дѣйствительно, высказываютъ и охраняютъ международныя нормы, но не они творятъ ихъ. Международное право есть продуктъ многовѣковой исторической жизни новѣйшаго человѣчества. Оно коренится въ общемъ *сознаніи* цивилизованныхъ народовъ и вырабатывается ихъ *совмѣстной жизнью*. Если бы государство творило его, оно превратилось бы въ внѣшнее государственное право (*äusseres Staatsrecht; Droit public externe*), какъ его и называютъ многіе ошибочно; но оно имѣетъ собственное, отъ государствъ независимое бытіе. Правительства, высказывая его нормы, то опережаютъ свое время, то обыкновенно отстаютъ отъ него, но нормы эти становятся международными лишь подъ условіемъ, чтобы онѣ, соотвѣтствуя идеямъ и потребностямъ даннаго времени, были признаны остальными государствами. Поэтому мы и говоримъ, что въ международной области государства высказываютъ право не отъ своего имени, а лишь въ качествѣ членовъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они входятъ и которое называется *международнымъ союзомъ*. Этотъ союзъ и является лицомъ, создающимъ общее для государствъ право. Въ наше время сюда относятся *государства Европы и Америки*, т. е. народы христіанской или европейской цивилизаціи, но по идеѣ и въ дали временъ онъ призванъ объять *все человѣчество*. Вотъ настоящій и единственный субъектъ международного права. Но говоря о человѣчествѣ, мы разумѣемъ эту идею не въ отвлеченномъ смыслѣ философовъ, а въ конкретномъ и историческомъ и добавляемъ: *человѣчество, политически организованное въ государства*, таковъ субъектъ международного права; отдѣльныя же государства являются не болѣе, какъ его *носителями, выразителями*.

Лишь эта точка зрѣнія внутренне и принципиально отдѣляетъ международное право отъ государственнаго и возводитъ его на степень совершенно самостоятельной отрасли права. Подобно тому, какъ гражданское право своимъ субъектомъ имѣетъ человека, государственное—государство, каноническое—церковь, международное получаетъ особаго, ему свойственнаго, субъекта въ человѣчествѣ.

Изложенная нами теорія отличается отъ господствующей въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

- 1) Она признаетъ въ принципиальномъ отношеніи особый субъектъ для международного права—человѣчество, а не отдѣльныя государства.
- 2) Она въ основаніи не согласна съ воззрѣніемъ на государства въ абсолютномъ смыслѣ, не согласна съ идеей всемогущества государства.
- 3) Она признаетъ носителями международной защиты и другія общественныя группы, помимо государствъ, такъ что международной охраной должны пользоваться въ предѣлахъ международного союза:

церкви, различные общественныя группы, союзы. Этимъ мы не хотимъ сказать, что эти союзы имѣютъ въ международномъ отношеніи равное съ государствами значеніе. Прежде всего для отдѣльнаго человѣка, какъ и для группъ, стоитъ государство, но помимо охраны государственной, для нихъ можетъ и должна быть еще охрана международная; въ области международной человѣкъ является субъектомъ права самъ по себѣ, а не только въ качествѣ гражданина того или другого государства.

Признаніе новыхъ государствъ.

СУЩЕСТВО ПРИЗНАНІЯ. ЕГО ВИДЫ И ФОРМЫ.

Международное право, изучая отношенія между государствами, должно прежде всего остановиться на *главныхъ моментахъ* ихъ существованія. Исторія показываетъ намъ, что государства, подобно всему живому, подлежатъ закону измѣненія и роста, они возникаютъ, подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ и прекращаются. Это ведетъ въ международной области къ ученіямъ: объ ихъ признаніи, правахъ и обязанностяхъ и объ ихъ прекращеніи (преемствѣ).

Вопросы, когда и какъ возникаютъ новыя государства, не относятся къ международному праву; на нихъ отвѣчаетъ либо право государственное, либо исторія.

Въ различные историческія эпохи дѣйствіемъ различныхъ причинъ вызываются къ жизни новыя политическія тѣла, но въ предѣлахъ международного союза процессъ этотъ совершится однимъ изъ трехъ способовъ: 1) *посредствомъ отдѣленія* областей отъ цѣлаго, съ которымъ онѣ до того были связаны и 2) *посредствомъ сліянія* двухъ или нѣсколькихъ государствъ въ новыя политическія тѣла. Новая исторія представляетъ много любопытныхъ примѣровъ того и другого процесса: мы видимъ отдѣленіе въ 1776 г. Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, Южно-Американскихъ республикъ отъ Испаніи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Бельгіи отъ Голландіи въ 30-хъ годахъ, государствъ на Балканскомъ полуостровѣ: Греціи, Румыніи, Сербіи и до нѣкоторой степени Болгаріи отъ Турціи, наконецъ, въ 1861 г. чуть не произошло распаденіе Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ на двѣ половины: Южную и Сѣверную. Съ другой стороны мы видимъ, какой результатъ сліянія государствъ, образованіе Итальянскаго корелевства и Германской имперіи. Третій путь образованія новыхъ государствъ, который не подходитъ подъ перечисленныя двѣ главныя категоріи, состоитъ въ томъ, что извѣстныя колоніи и земли, получившія политическую организацію, будутъ признаны мирно со стороны нѣкоторыхъ державъ или даже всего международного союза новыми самостоятельными государствами; это есть путь международной инвеституры, признаніе политической самостоятельности за землями, дотошъ ея не имѣвшими. Таково при-

знаніе въ 1855 г. въ актѣ Берлинскаго конгресса государства Конго самостоятельнымъ со стороны всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Тутъ нѣтъ ни отдѣленія, ни сліянія, а есть признаніе, какъ бы созданіе новаго политическаго тѣла совокупностью другихъ государствъ. Эти различные способы возникновенія государствъ осуществляются то насильственнымъ путемъ, то мирнымъ путемъ договоровъ. Но какъ бы ни возникло государство, оно должно быть признано другими. Многие отрицаютъ необходимость признанія; для государства, по ихъ мнѣнію, достаточно факта существованія. Главныя основанія своего существованія государство дѣйствительно черпаетъ въ себѣ самомъ, и разъ оно сложилось, то этотъ фактъ, казалось бы, не требовалъ никакого подтвержденія; но это разсужденіе было бы только въ томъ случаѣ вѣрнымъ, еслибы международный союзъ не составлялъ того высшаго цѣлаго, въ составъ котораго они не могутъ входить безъ согласія его прежнихъ членовъ, разсматривающихъ вопросъ о томъ, способно ли новое государство нести лежащія на немъ права и обязанности. Принципъ этотъ въ 1881 году на Лондонской конференціи формально получилъ признаніе со стороны правительствъ.

Другое заблужденіе относительно признанія состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ государствъ, признающихъ или не признающихъ новый политическій организмъ; такъ это бываетъ на практикѣ, гдѣ каждое государство даетъ признаніе вновь возникающему исключительно по своему усмотрѣнію, руководствуясь своими интересами, симпатіями къ вновь возникающему политическому тѣлу, антипатіями къ старому. Интересы и симпатіи отдѣльныхъ государствъ—вотъ пружины, дѣйствующія въ дѣлѣ признанія. Исторія показываетъ намъ, что всего неохотнѣе даютъ признаніе старыя государства, отъ которыхъ отдѣляются новыя; другія государства—тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе затрогиваются въ страдательномъ смыслѣ ихъ интересы. Чѣмъ государства болѣе прочны во внутреннемъ политическомъ устройствѣ, чѣмъ они развитѣе и чѣмъ болѣе держатся началъ либеральной политики, тѣмъ скорѣе они даютъ признаніе. И наоборотъ, чѣмъ болѣе они слабы и консервативны, тѣмъ неохотнѣе смотрятъ на возникновеніе въ средѣ своей новыхъ членовъ. Такимъ образомъ, признаніе новаго государства дается, обыкновенно, одновременно. Все это показываетъ, что до сихъ поръ практика управляется нетвердыми принципами права, а эластичными соображеніями политики, что до сихъ поръ нѣтъ юридически выработанной теоріи признанія. Эта теорія предполагаетъ два условія: 1) чтобы признаніе давалось по принципамъ, для всѣхъ яснымъ; 2) чтобы оно исходило не отъ отдѣльныхъ государствъ, а отъ всего международного союза. Вотъ въ чемъ юридическая теорія признанія должна отличаться отъ настоящей практики. Итакъ, что же такое признаніе? *Подъ признаніемъ слѣдуетъ разумѣть принятіе международнымъ союзомъ въ свою сферу новаго государства на правахъ взаимности и равенства.*

Чрезвычайная трудность примѣненія на практикѣ юридической теоріи признанія заключается въ томъ, что тутъ сталкиваются противоположные и неудобопримиримые интересы троякаго рода: 1) того государства, которое зарождается и требуетъ признанія; 2) интересы того государства, отъ котораго отдѣляется новое; 3) интересы всѣхъ постороннихъ въ этой борьбѣ государствъ.

Вотъ почему необходимо выработать относительно признанія определенную юридическую теорію, которая будетъ служить компасомъ среди этихъ опасныхъ на практикѣ мелей и скалъ.

Отмѣтимъ прежде всего *отрицательные признаки признанія*.

1) Въ немъ нельзя видѣть ни основанія, ни санкции суверенитета признаваемого государства. Каждое государство независимо само по себѣ, и каждый народъ, какъ таковой, черпаетъ въ себѣ самомъ право на независимое духовное и политическое бытіе.

2) Въ признаніи не заключается никакого сужденія о *правомѣрности* возникновенія новаго политическаго тѣла. Постороннія государства не судятъ въ этомъ дѣлѣ. Исторія учитъ насъ, что государства возникали обыкновенно путемъ революцій и войнъ *). Поэтому къ переломамъ такого рода начала легитимизма не примѣнны. Иное быть можетъ въ будущемъ, когда сложится международная организація и принципъ народовластія получитъ серьезное признаніе на практикѣ.

3) Актъ признанія не гарантируетъ *прочности* признаваемого государства, еще менѣе обозначаетъ онъ заключеніе съ ними *союза*. На практикѣ, конечно, встрѣчаются уклоненія отъ этого правила. Когда Турція была допущена на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. въ составъ „Европейскаго концерта“, ей гарантирована цѣлость и неприкосновенность. Но международному праву чуждо такое смѣшеніе признанія съ гарантіею.

4) Международный союзъ долженъ избѣгать двухъ крайностей: 1) слишкомъ поспѣшнаго признанія новаго государства; въ этомъ можетъ заключаться причина вражды къ старому государству, которое можетъ увидѣть въ такомъ признаніи *casus belli*. Не надо, напримѣръ, чтобы оно было даваемо во время продолжающейся войны за освобожденіе. Тутъ можетъ быть рѣчь только о признаніи косвенномъ. Такъ, Англія увидѣла *casus belli*, когда французы въ концѣ прошлаго вѣка поспѣшили не только признать Соед. Штаты, но и заключить союзъ съ ними. Греція была признана въ 1827 г. Россіей, Франціей и Англіей, когда Турція не думала отъ нея отказываться. Далѣе, Англія въ 1860 году поспѣшила признать королевство Итальянское, когда неаполитанскій король еще не думалъ отречься и жилъ въ Гаэтѣ. 2) Другая крайность заключается въ позднемъ признаніи, въ которомъ высказывается враждебность къ новому политическому тѣлу.

*) Любопытные примѣры вполнѣ мирнаго и правомѣрнаго возникновенія государствъ въ новѣйшее время представляютъ республика Либерія, основанная въ 1821 г. и получившая независимость въ 1847 г., а равно государство Конго, признанное въ 1884—85 г.

Съ *положительной же стороны* признаніе придаетъ возникающему государству, какъ замѣчено, характеръ болѣе или менѣе сложившейся международной личности, съ которою считаются возможными правильныя международныя сношенія. Давая признаніе, государства должны равно тщательно избѣгать обѣихъ крайностей: слишкомъ поспѣшнаго и слишкомъ поздняго признанія. Въ первомъ лежитъ враждебность по отношенію къ старому государству, отъ котораго новое стремится отдѣлиться *); во второмъ можетъ заключаться нерасположеніе къ новому и неуваженіе къ интересамъ собственныхъ гражданъ, настоятельно требующихъ иной разъ признанія. Чтобы избѣгать по возможности этихъ крайностей, государствамъ слѣдуетъ давать признаніе при существованіи двухъ слѣдующихъ основныхъ условий: 1) когда новое государство дѣйствительно сложилось, т. е. успѣло фактически отвоевать себѣ независимость, установить извѣстное правительство и явиться для постороннихъ, безпристрастныхъ наблюдателей жизнеспособнымъ. 2) Когда оно ясно высказало свое намѣреніе соблюдать существующія нормы международного права и лежащія на немъ права и обязанности **).

Но когда считать новое политическое тѣло родившимся?

Практика показываетъ, что старое государство, отъ котораго отдѣлилось новое и которое еще продолжаетъ утверждать о своемъ нарушенномъ правѣ, долго упорствуетъ и не признаетъ новаго государства самостоятельнымъ тѣломъ. Какихъ держаться тутъ правилъ?

Юристы для рѣшенія этого вопроса предлагаютъ обращать вниманіе на обстоятельства, среди которыхъ слагается новое государство и, во всякомъ случаѣ, для того, чтобы государство было признано, не требуется признанія со стороны стараго государства. Напротивъ, признаніе другихъ государствъ можетъ побудить и старое. Достаточно одной борьбы за независимость и достаточно факта отвоеванія новымъ государствомъ права на независимость.

Второй важный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы признаніе исходило отъ международного органа. Пока такого органа на существуетъ. Поэтому отдѣльные члены должны давать признаніе хотя бы на основаніи указанныхъ чисто юридическихъ признаковъ. Но большой шагъ впередъ будетъ сдѣланъ при установленіи международного органа, преслѣдующаго данную цѣль. Здѣсь Фиоре высказываетъ такое положеніе: „признаніе новаго государства конференціей или конгрессомъ должно считаться обязательнымъ для всѣхъ государствъ, хотя бы въ

**) Далеко не всѣ попытки этого рода вѣнчаются успѣхомъ: кромѣ двукратнаго возстанія Польши въ 1830—32 и 1863 гг. вспомнимъ, что Соединенные Штаты колебались относительно признанія Венгрии въ 1848—49 г. и Кубы въ 1869 г. Въ последнемъ случаѣ въ пользу признанія высказалась палата представителей, но оно было отклонено сенатомъ и президентомъ.

*) Эти условія признанія обстоятельно излагаются въ депешахъ англійскаго правительства приводимыхъ у Блунчли.

этомъ признаніи заключалось какъ бы нѣкоторое поощреніе возставшей, отдѣлившейся части государства“.

Однако, на практикѣ всѣ эти теоретическія положенія являются далеко не осуществимыми. Такъ мы стоимъ передъ вопросомъ о признаніи правительства въ Болгаріи. Дѣло въ томъ, что по берлинскому трактату 1878-го года Болгарія была признана внутри независимой, но по статьѣ 3-й того же трактата она должна управляться княземъ, избраннымъ населеніемъ и утвержденнымъ, съ согласія великихъ державъ, Портой. Однако въ трактатѣ не сказано, что должно быть прежде: признаніе ли Порты или согласіе великихъ державъ. И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Болгаріи княжить Фердинандъ Кобургскій, но ни державы, ни Порта не рѣшаются признать его княземъ. Причина понятна: признаніе со стороны одного государства можетъ вызвать протестъ и даже войну со стороны другого. Для избѣжанія такого порядка вещей, кажется намъ, необходимо пересмотрѣть существующаго въ Болгаріи порядка на конференціи державъ, при чемъ Болгаріи должно дать право самой устраивать свои внутреннія дѣла и управляться своимъ княземъ, избираемымъ болгарскимъ народомъ безъ вмѣшательства иностранныхъ государствъ; по отношенію же къ другимъ государствамъ Болгарія, подобно Греціи, должна быть признана независимой.

Смотря по *объектамъ* признанія мы различаемъ слѣдующія ихъ *виды*: признаніе новаго государства (прямое), о чемъ уже достаточно было говорено; признаніе части какого-либо государства, съ оружіемъ отстаивающей свободу—всклющей стороною (признаніе *косвенное*) и признаніе новой династіи или же новаго титула.

Здѣсь мы рассмотримъ такъ-называемое косвенное признаніе.

Вопросъ о немъ получилъ животрешущій интересъ, когда Англія и Франція признали всюющей стороною Южные Штаты, отдѣлившіеся отъ Сѣвера въ 1861—65 гг. Это вызвало негодованіе Вашингтонскаго правительства, но юристы старались тогда доказать, что шагъ, сдѣланный обѣими западными державами, могъ быть оспариваемъ съ точки зрѣнія политики, но никакъ не права.

Теорія косвеннаго признанія покоится на вполне вѣрной идеѣ, что не только войны международныя, но и междоусобныя относятся къ области международного права. Последнее, какъ увидимъ сейчасъ, выставляетъ нѣкоторые критеріи, дающіе возможность отличить ихъ отъ простыхъ мятежей и разбойническихъ походовъ. Признаніе, о которомъ мы теперь говоримъ, становится необходимымъ, коль скоро въ какомъ-либо государствѣ возстаніе обхватитъ болѣе или менѣе широкую область, такъ что какъ бы раздвоить старое государство. Хотя новсе государство еще не возникло (вотъ въ чемъ главное отличіе отъ прямого признанія), война продолжается, но выступаютъ уже наружу составные элементы и условія каждаго политическаго тѣла. Международное право признано охранять эти элементы слагающагося новаго

государства подобно тому, какъ гражданское защищаетъ человѣка въ періодъ его утробной жизни.

Отдѣлившаяся отъ цѣлаго область можетъ быть признана воюющей стороною при слѣдующихъ условіяхъ: а) когда она достигла извѣстной военной организаци и успѣла установить правительство, хотя бы временное; б) когда она ведетъ войну изъ-за вопросовъ публичнаго права, дѣйствуя какъ бы, по замѣчанію Блюнчли, отъ имени государства, и в) сама соблюдаетъ законы и обычаи войны. Эти черты достаточно ясно указываютъ на различіе возстанцевъ отъ итальянскихъ напр. *briganti*, *флибустьеровъ* и т. п. шаекъ, которыя, хотя и имѣли нѣкоторую военную организацию, повиновались атаманамъ, но сражались не изъ-за политическихъ идей и дѣйствовали какъ настоящіе головорѣзы.

Послѣдствіями косвеннаго признанія являются: во-первыхъ, обязанность для государствъ, его дающихъ, соблюдать нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ. Союзъ съ возстанцами или оказаніе имъ помощи есть актъ самостоятельный, о правомѣрности котораго мы говоримъ ниже, въ главѣ объ обязанностяхъ государствъ; во вторыхъ, сторона, признанная воюющею, становится подъ охрану международного права, т. е. получаетъ право совершать всѣ дѣйствія воюющаго государства.

Противъ этой теоріи можно возражать съ точки зрѣнія государственнаго права и порядка, видя въ ней какъ бы поощреніе возставшимъ. Но спокойное ея разсмотрѣніе должно привести насъ къ противоположному выводу. Слѣдуетъ помнить, что возстаніе съ указанными признаками никогда не происходитъ безъ вины самого стараго государства. Просвѣщенная политика его правителей должна всегда умѣть предупреждать подобные перевороты. Для возстанцевъ же старое государственное право рушилось, новое же не успѣло еще сложиться, и они поставлены на *перепутьи между безправіемъ и защитой*, даваемою *международнымъ правомъ*. Примѣненіе къ нимъ нормъ государственнаго или еще болѣе уголовного права слишкомъ узко, формально и не соотвѣтствуетъ обыкновенно реальной правдѣ событий. Въ интересахъ всѣхъ сторонъ нормы международного права являются тутъ наиболѣе справедливыми и человѣчными, скорѣе всего содѣйствуя восстановленію и укрѣпленію мира.

Со стороны *формы* признанія бываютъ *официальныя и фактическія*. Первые состоятъ въ какомъ-либо торжественномъ *заявленіи* со стороны признающаго государства (въ деклараціи, дипломатической нотѣ объ этомъ) или прямо въ дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ о признаніи: открытіе дипломатическихъ сношеній со вновь возникшимъ государствомъ; заключеніе съ нимъ торговыхъ конвенцій и т. п. Это официальное признаніе дается просто безъ оговорокъ (*безусловное*), или же оно бываетъ *условнымъ*, что мы видимъ, на прим. въ актѣ Берлинскаго конгресса (1878 г.), гдѣ признаніе великими державами независимости Сербіи, Румыніи и Черногоріи обусловлено принятіемъ ими принципа

религиозной и политической равноправности между всеми их гражданами. Эта оговорка понятна в соглашениях с народами полуобразованными и не нашей цивилизации, но с точки зрения теории условное признание должно быть отвергнуто.

Фактическое признание состоит в том, что государство, не предвзятое вопроса о формальном признании нового, в силу практических соображений завязывает с ним некоторые сношения (напримѣръ, торговля).

По существующей *практикѣ*, ввиду отсутствия международной организации, каждое государство отдѣльно и по своему судит о времени и цѣлесообразности признания нового государства. При этом оно руководствуется своими интересами и симпатіями. Нельзя не видѣть в этом самую слабую сторону всего вопроса о признании. Если последнее обозначает принятие нового члена в семью народов или в международный союз, то очевидно, обсуждение и рѣшение этого вопроса должно быть общее, коллективное. Оно должно совершаться по твердым *принципамъ права* [международнаго], а не по эластичнымъ политическимъ соображениямъ того или иного правительства. Иногда в последнее время новые государства получали признание на конгрессахъ и конференціяхъ, и эта форма должна быть признана самой торжественною, но и она имѣетъ значеніе при существующихъ порядкахъ лишь для государствъ, принявшихъ в нихъ участіе, а не для третьихъ сторонъ.

Основные права государствъ.

ИХЪ КЛАССИФИКАЦІЯ.

Государства, подобно человеческой личности, владѣютъ извѣстными правами, которыя либо вытекаютъ изъ самой ихъ природы, либо признаются и устанавливаются ими в отдѣльныхъ соглашенияхъ. Отсюда двѣ главныя категоріи этихъ правъ: основныхъ и договорныхъ *).

Первыя такъ называются потому, что будучи выраженіемъ самой природы государствъ, они лежатъ в основѣ всѣхъ взаимныхъ между ними сношеній. Ихъ называютъ также общими в томъ смыслѣ, что по идеѣ они в равной степени общи всемъ государствамъ, независимо отъ ихъ политическихъ или историческихъ особенностей. Эти права (вытекающія изъ самой природы государства) не нуждаются ни въ какомъ постороннемъ признаніи; они по общему правилу неотчуждаемы и нарушенія ихъ относятся къ самымъ тяжкимъ оскорбленіямъ, составляя

*) Прежніе писатели, а между новѣйшими Прадье-Родзере, называютъ эти права *абсолютными* и *относительными* (ипотечными). Но эту терминологию нельзя признать вѣрною: государство по самому своему существу не абсолютно. Оно, какъ показываетъ намъ исторія, ограничено въ пространствѣ и во времени: по теоріи же, вытекающей изъ условий земной природы человека, оно не абсолютно и въ идеѣ. Поэтому никакія абсолютныя права ему и не принадлежатъ; развѣ только ихъ можно назвать, по сравненію съ другими правами, *верховными*.

въ большинствѣ случаевъ *casus belli*. При столкновеніи ихъ съ правами договорными они должны брать верхъ. Наконецъ, они обыкновенно не формулируются, а всегда предполагаются.

Въ дѣйствительной жизни, вслѣдствіе политическихъ потребностей, государства находятъ себя иногда вынужденными согласиться на ограниченіе или видоизмѣненіе этихъ правъ, но подобныя стѣсненія должны быть всегда на практикѣ толкуемы в ограничительномъ смыслѣ.

Въ настоящей главѣ мы должны говорить лишь объ общихъ правахъ; что касается до договорныхъ, то они устанавливаются, какъ сказано, чаще всего трактатами, но также и обычаями, историческими прецедентами и т. п. Ученіе о нихъ есть в сущности все международное право въ его отдѣльныхъ институтахъ.

Писатели различно классифицируютъ эти основныя права. Возникающія отсюда противорѣчія происходятъ оттого, что, при перечисленіи названныхъ правъ, они не отправляются отъ какого-либо опредѣленнаго, юридическаго принципа и часто смѣшиваютъ точку зрения государственную съ международною. Новѣйшіе интернаціоналисты (Гольцендорфъ, Гарейсъ) къ основнымъ правамъ государствъ относятъ: 1) право самосохраненія; 2) независимости; 3) право на международныя сношенія, и 4) на уваженіе.

Но намъ кажется, что эту классификацію можно упростить, сведя все дѣленіе правъ къ двумъ группамъ: именно, если обратить вниманіе на природу государствъ и ихъ взаимныя отношенія, то мы увидимъ, что, какъ отдѣльный человекъ требуетъ свободы, такъ и государство должно пользоваться свободой въ своей внутренней и внѣшней жизни. Это и есть *суверенитетъ* или верховенство—первое и коренное право государствъ. Но полнота бытія государствъ требуетъ, чтобы они не изолировали себя, а вступили бы въ общеніе съ другими, подобными же имъ, политическими тѣлами. Отсюда второе право на общеніе. Нѣкоторые противъ этого дуализма правъ государства дѣлаютъ возраженіе, говоря, что всякая наука должна имѣть въ своемъ основаніи одинъ верховный принципъ, а не нѣсколько (Бульмерингъ). Намъ однако кажется, что это возраженіе болѣе поражаетъ своею логической строгостью, чѣмъ касается сущности дѣла. Двойственность принциповъ здѣсь только кажущаяся, потому что оба эти принципа соотвѣтствуютъ двумъ сторонамъ жизни одного и того же лица—государства, а именно внутренней сторонѣ, внутренней независимости государства соотвѣтствуетъ право суверенитета; внѣшней же сторонѣ, выражающейся въ сношеніяхъ съ другими государствами, соотвѣтствуетъ право общенія. Оба эти принципа вытекаютъ изъ природы государства, въ единствѣ котораго и лежитъ единство международного права. И какъ безъ принципа суверенитета государство обратилось бы въ тѣло безъ силы или стало бы членомъ федераціи, что бываетъ, но что не необходимо, такъ безъ принципа общенія международное право утратило бы свою реальность и самостоятельность.

Разсмотрѣвъ общія права государства въ ихъ совокупности, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію въ частности права суверенитета.

А. Право суверенитета.

Понятіе. — Права, вытекающія изъ суверенитета съ государственной стороны. — Права, основанныя на его международной сторонѣ: а) *Право на сохраненіе*. Вопросъ о разоруженіи европейскихъ государствъ. б) *Право на развитіе* Системы протекціонизма и свободной торговли въ международной области. в) *Право на равенство*.

Подъ суверенитетомъ слѣдуетъ разумѣть юридическій принципъ самостоятельности и независимости государствъ, какъ въ ихъ внутренней, такъ и внѣшней жизни.

По идеѣ каждое государство суверенно, ибо въ существѣ его лежитъ требованіе—быть верховнымъ союзомъ людей, населяющихъ извѣстную территорію. Но въ дѣйствительности, конечно, встрѣчаются многочисленныя уклоненія вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ: то мы видимъ государства зависимыя, суверенитетъ которыхъ является какъ бы умаленнымъ, зависящимъ отъ суверенитета другого верховнаго правительства (сюзерена), то государства бываютъ сложными, когда ихъ законы распредѣляютъ функции суверенитета между центральнымъ, высшимъ правительствомъ и различными мѣстными правительствами ихъ членовъ. Перваго рода явленія характеризуютъ процессы возникновенія или распада политическихъ тѣлъ и по существу ненормальны и преходящи. Напротивъ, примѣры второго рода свидѣтельствуютъ о сложности, а иногда и о высшемъ развитіи политической жизни народовъ.

Въ международномъ правѣ суверенитетъ, какъ основной принципъ въ жизни государствъ, получилъ ранѣе всего признаніе и обработку. Долго даже на немъ строили всю систему нашей науки. До сихъ поръ писатели, которые отказались отъ этого крайне односторонняго воззрѣнія и присоединяютъ къ суверенитету еще начало общенія, въ сущности отдають постоянно перевѣсъ первому надъ послѣднимъ, что навѣрно и происходитъ отъ устарѣвшаго нынѣ пониманія самаго суверенитета. Дѣло въ томъ, что принципъ этотъ, сообразно съ традиціями неограниченной монархіи, они все еще принимаютъ въ неограниченномъ, абсолютномъ смыслѣ *). Но тогда онъ перестаетъ быть принципомъ юридическимъ и ведетъ логически къ выводамъ въ родѣ тѣхъ, которыхъ держатся новѣйшіе отрицатели международного права (Лассонъ и Цорнь **).

*) Даже, напримѣръ, Мартенсъ выражается такъ, „абсолютное въ смыслѣ государственнаго права начало суверенитета опредѣляется въ международномъ общеніи взаимными отношеніями между народами и ими ограничивается“.

**) Первый сводитъ все международное право къ внѣшней политикѣ отдѣльныхъ государствъ; второй заявляетъ, будто суверенитетъ и международное право суть два понятія, которыя другъ друга въ принципѣ исключаютъ.

Ограниченность суверенитета и въ государственномъ отношеніи вытекаетъ изъ относительнаго (а не абсолютнаго) характера самого государства, какъ мы говорили выше, и это положеніе наиболѣе подтверждается и разъясняется намъ именно въ международномъ правѣ, которое одно вполне превращаетъ верховенство государствъ въ юридическое понятіе.

Не должно подъ суверенитетомъ разумѣть, читаемъ мы у Блюнчли, абсолютной независимости и свободы государствъ, ибо сами они существа не абсолютныя, а юридически ограничанныя личности. Абсолютизмъ, о которомъ идетъ рѣчь, противорѣчитъ какъ юридической природѣ современнаго конституціоннаго государства, такъ и общему международному порядку. Противъ международного права ни одно государство не можетъ сослаться на свой суверенитетъ, ибо основаніе этого права покоится не на произволѣ государствъ, а на самой природѣ человѣчества.

Существо современнаго правоваго государства, говоритъ Гольцендорфъ, требуетъ, чтобы его верховныя правительственные органы въ отношеніи къ народу сами ограничивали себя нормами закона, а съ международной точки зрѣнія само собой понятно, что ни одинъ державный народъ не можетъ относиться къ существамъ ему подобнымъ, т. е. къ другимъ такимъ же народамъ, исключительно по своему усмотрѣнію и произволу. Вотъ почему мы говоримъ, что какъ въ фактическомъ, такъ и въ нравственномъ юридическомъ, отношеніяхъ въ самомъ понятіи суверенитета лежитъ уже моментъ его ограниченности, но въ смыслѣ самоограниченности. Только установить твердо эту исходную, принципиальную точку зрѣнія, можно понять природу современнаго правового государства, все ученіе о соединеніяхъ государствъ и необходимость завершенія ихъ существованія общою и высшею организаціей международной, съ кодексомъ и судомъ во главѣ.

На суверенитетъ нужно смотрѣть, сообразно съ природой государствъ, съ двухъ сторонъ: съ государственной и съ международной. Это ведетъ къ различной классификаціи вытекающихъ изъ него отдѣльныхъ правъ государствъ.

Въ первомъ отношеніи изъ суверенитета вытекають:

1) Право каждаго государства избирать себѣ извѣстную политическую форму, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его историческому прошлому и его политическимъ и національнымъ потребностямъ въ данное время.

Каждое государство является само себѣ судьей. Ни одно государство поэтому не должно вмѣшиваться по этимъ кореннымъ вопросамъ въ дѣла другого. Это самое главное и наиболѣе священное для каждаго народа право жить политически такъ, какъ онъ понимаетъ свое политическое призваніе, свои политическіе идеалы и свое положеніе среди другихъ народовъ. Къ несчастію,—въ дѣйствительной жизни правительства очень часто понимаютъ это право совершенно

превратно, что ведетъ къ постояннымъ вѣшнимъ вѣшателствамъ и интервенціямъ одного государства въ дѣла другого. Нечего говорить, что подобное вѣшателство съ точки зрѣнія права совершенно несостоятельно. Имъ нарушаются основныя права государства. Какъ же однако смотрѣть съ точки зрѣнія международного права на множество политическихъ принциповъ и формъ, существующихъ въ жизни? Съ точки зрѣнія международныхъ принциповъ здѣсь можно выставить слѣдующія положенія: различныя политическія формы должны быть признаны равными, потому что всѣмъ имъ присущи извѣстныя прекрасныя стороны и извѣстные недостатки. Поэтому: съ одной стороны—необходима смѣна этихъ политическихъ формъ, а съ другой—ихъ хорошія и дурныя стороны могутъ проявляться очень разнообразно, смотря потому, на какую почву попадутъ эти формы. Въ силу этого тѣ политическія формы должны быть признаны наилучшими, которыя во-1 хъ, болѣе всего соотвѣтствуютъ желаніямъ и потребностямъ каждаго народа въ данную эпоху, а во-2 хъ, лучше всего обезпечиваютъ общій міръ. Это не значить, что въ чистой теоріи всѣ политическія формы представляють одну общую массу безъ различія.

Мы принимаемъ, что съ точки зрѣнія отвлеченной политической теоріи и съ точки зрѣнія международного права лучшей формой является та, которая предоставляетъ своимъ гражданамъ возможность высшей политической свободы и права активнаго участія въ судьбахъ своего отечества. Эти требованія болѣе всего соотвѣтствуютъ чистой идеѣ государства. Но нельзя забыть, что не всѣ народы могутъ ввести у себя сразу политическую форму, удовлетворяющую указаннымъ условіямъ. Во-первыхъ, не всѣ народы доросли до нея; во-вторыхъ, народы вводятъ у себя эту форму постепенно по мѣрѣ воспитанія; въ-третьихъ, достигается установленіе этой формы болѣе всего внутренними усиліями самого народа; она не можетъ быть имъ навязана искусственно. Вотъ почему мы осуждаемъ политическія интервенціи и не только съ точки зрѣнія международного права, но съ точки зрѣнія политики, которая съ близорукой точки зрѣнія утверждаетъ, что извѣстная политическая форма, принятая у одного народа, требуетъ поддержки и установленія ея у другихъ для того, чтобы достигнуть однообразія. Но это явилось бы политическимъ порабощеніемъ; вотъ почему съ точки зрѣнія международного права надо осудить, какъ попытку французской революціи навязать народамъ демократическое правленіе, такъ и провозглашеніе монархическими кабинетами Европы солидарности въ борьбѣ съ прогрессивнымъ движеніемъ послѣднихъ временъ.

2) Изъ принципа суверенитета вытекаетъ право государствъ на изданіе законовъ и внутреннее управленіе. Каждое государство издаетъ законы, обязательные для всѣхъ лицъ, живущихъ на его территоріи, какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ. Въ силу этого, никакое дѣйствіе иностранной власти не можетъ получить на чужой террито-

рія силы безъ согласія правительства этой страны. Поэтому, каждая территорія представляетъ одно политическое и юридическое цѣлое, и всѣ вещи, на ней находящіяся (въ особенности недвижимыя), подчиняются ея законамъ независимо отъ того, кому онѣ принадлежатъ—подданнымъ или иностранцамъ. Иностранныя войска не могутъ безъ разрѣшенія вступать на чужую территорію, хотя бы послѣдняя служила убѣжищемъ извѣстнымъ преступнымъ лицамъ... Иногда пограничныя власти дозволяютъ другъ другу обоюдный обыскъ, но это должно быть предусмѣренно соглашеніемъ.

Исключеніемъ изъ этого правила являются случаи, оправдываемые или общимъ международнымъ правомъ, или специальными соглашеніями, напр. экстерриториальностью, даруемой иностраннымъ государямъ, посланникамъ, христіанскимъ консуламъ на востокѣ и пр. Въ силу вѣзельности, лица эти признаются пребывающими на своей территоріи и являются не подвластными законамъ той территоріи, гдѣ они пребываютъ. Затѣмъ исключеніе составляютъ и различныя международныя повинности, ограничивающія суверенитетъ въ силу обычая и договора.

3) Право вступать въ сношенія съ другими государствами и для этого назначать особыхъ представителей, которые являются выразителями воли назначившаго ихъ государства (посланниковъ, консуловъ и проч.). Это такъ-называемое *jus repraesentationis*.

4) Право вести войну и заключать миръ. Но справедливо говоря, съ точки зрѣнія международного права, государства должны согласиться ограничить это право ради общей пользы и добра, ради обезпеченія мира. Въ этомъ смыслѣ особенно ясно выражается Фіоре, который говоритъ, что миръ будетъ болѣе обезпеченъ, если государства согласятся ограничить это свое дѣйствительное верховное право—вести войну.

Таковы въ немногихъ словахъ права, вытекающія изъ суверенитета, разсматриваемаго съ точки зрѣнія каждаго отдѣльнаго государства. Они переносятся, само собою разумѣется, и въ международную область; но тутъ они расширяются и скрѣпляются новыми слѣдующими правами на *сохраненіе, развитіе и равенство*.

Б. Съ точки зрѣнія международной изъ суверенитета вытекають права—на сохраненіе, на развитіе и на равенство.

а) *Право сохраненія* или безпрепятственнаго существованія есть право и коренное право для всего живущаго, а слѣдовательно и для государства. Оно лежитъ въ основаніи всѣхъ его основныхъ правъ. Собственно, вѣ международнаго союза это право является простымъ фактомъ, но на международной почвѣ оно получаетъ юридическое обоснованіе и охрану. Въ юридическомъ смыслѣ право сохраненія означаетъ право государства на неприкосновенность и цѣлость всѣхъ

составныхъ элементовъ его территоріи, населенія и политическаго строя, а равно и право на защиту отъ опасностей или уже наступившихъ, или только угрожающихъ ему. Для этого государства должны заботиться о поддержаніи и развитіи своихъ военныхъ силъ на сушѣ и на морѣ. Сюда относятся также мѣры къ поднятію военного образованія, устройство арсеналовъ, военныхъ крѣпостей, сооруженіе флота, морскихъ портовъ и т. д. Кромѣ того, могущество государства въ значительной степени можетъ быть подкрѣплено и даже расширено посредствомъ искуснаго заключенія союзовъ. Эти союзы по своей цѣли бывають либо охранительные, либо наступательные, либо тѣ и другіе вмѣстѣ (оборонительно-наступательные). По всѣмъ этимъ вопросамъ государства независимы и могутъ руководиться своими интересами подлѣ условіемъ уваженія чужихъ правъ. Но поскольку законны въ военномъ дѣлѣ оборонительныя мѣры, постольку наступательныя, состоящія въ посягательствахъ на независимость другихъ народовъ, должны быть отвергнуты. Но гдѣ же провести границу между дѣйствіями оборонительными и наступательными? Конечно, въ теоріи невозможно установить какія-либо твердыя границы; тутъ дѣло практики, дѣло политики обсуждать мѣры правительствъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ; но безспорно, что государства могутъ предупреждать угрожающую имъ опасность и несомнѣнно, что предупрежденія лучше пресѣченія зла, когда оно уже наступило. Здѣсь надо только дѣйствовать съ большою осмотрительностью, ибо злему умыслу здѣсь открываются двери настежь: наступленіе можетъ прикрыться маскою обороны. Во всякомъ случаѣ оборона должна быть понимаема въ юридическомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ военномъ: нападаетъ не тотъ, который первый открываетъ военныя дѣйствія, а тотъ, кто первый вынудилъ принять эти мѣры, нарушивъ права того, кто прибѣгъ къ защитѣ. Вынужденныя дѣйствія—вотъ гдѣ граница между наступленіемъ и обороной. Напримѣръ, иногда бываетъ, что государство вдругъ среди мира начинаетъ вооружаться, стягивать свои войска къ границѣ; въ этихъ случаяхъ остальные государства, встревоженные этими мѣрами, имѣютъ право обратиться съ запросомъ къ этому государству, особенно, если эти мѣры выходятъ изъ границъ обыкновенныхъ мѣръ, принимаемыхъ среди глубокаго мира. Въ этихъ случаяхъ отвѣтъ на этотъ запросъ долженъ быть данъ прямой и честный, иначе угрожаемая государства въ правѣ отвѣчать тѣмъ же самымъ, а отсюда легко могутъ возникнуть натянутость отношеній и даже вспыхнуть война. При спорахъ по поводу отзывать войска или уменьшенія ихъ числа, первымъ должно приступить къ тому государству, которое первымъ начало стягивать войска; здѣсь можетъ быть употребленъ и другой способъ разрѣшенія споровъ: правительства могутъ приступить одновременно въ опредѣленный ими срокъ къ отозванію войска отъ границъ; въ настоящее время сдѣлать это чрезвычайно легко при существованіи желѣзныхъ дорогъ.

Здѣсь представляется еще другой важный вопросъ: существуетъ ли для государствъ такъ-называемое право или состояніе крайней необходимости, могущей оправдать нарушеніе правъ другого—*jus necessitatis*. Еще римляне говорили, что *salus populi — suprema lex*. Хотя съ одной стороны не слѣдуетъ забывать, что подлѣ предлогомъ охраненія безопасности государства совершали величайшія насилія и несправедливости, однако, съ другой стороны нельзя не допустить, что такое состояніе крайней необходимости можетъ наступать. Во всякомъ случаѣ здѣсь должно имѣть въ виду, что состояніе крайней необходимости можетъ считаться оправданнымъ лишь тогда, когда опасность дѣйствительно наступила и что все-таки оно ведетъ къ обязанности вознаградить того, чье право было нарушено. Но нельзя оправдать необходимостью занятіе нейтральной стороны въ видахъ болѣе успѣшныхъ дѣйствій противъ противника или насильственного прохода чрезъ ея территорію съ цѣлью напасть на врага. Такимъ нарушеніемъ права было бы, въ случаѣ войны, занятіе Бельгіи или Швейцаріи со стороны Германіи или Франціи, даже, если бы первыя и согласились на такое занятіе; нейтральныя государства не могутъ вступать въ эгомъ отношеніи ни въ какое соглашеніе съ другими правительствами; они не могутъ располагать своей территоріею, потому что они нейтральны, во имя блага всѣхъ государствъ. Такимъ образомъ, занятіе этихъ странъ воюющими противниками было бы нарушеніемъ: 1) суверенитета данныхъ земель и 2) общаго положенія международнаго права.

Въ исторіи мы видимъ нерѣдко примѣры ограниченія посредствомъ трактатовъ верховенства государствъ. Трактаты эти бывають результатомъ несчастныхъ войнъ и по природѣ преходящи, потому что они унижательны для народовъ, задрѣваютъ ихъ въ самыхъ священныхъ правахъ и могутъ считаться какъ бы первымъ шагомъ къ ихъ пораженію. Таковы ограниченія численности войскъ, срытіе старыхъ крѣпостей и запрещеніе сооруженія новыхъ. Особенно богаты такими ограничительными условіями берлинскій трактатъ 1878 г. Иногда подобныя ограниченія дѣлаются отъ имени международнаго союза въ виду общаго блага; тогда эти ограниченія, особенно среди мира, не могутъ считаться унижательными ни для кого. Напримѣръ, по лондонскому трактату 1867 г. положено было срыть крѣпости Люксембурга, что едва не вызвало войны между Франціей и Пруссіей. Подобныя ограничительныя условія желательны относительно всѣхъ міровыхъ дорогъ (Босфоръ и Суэцкій каналъ).

В. Право на развитіе.

Второе основное право государствъ, также вытекающее изъ ихъ суверенитета, есть право на развитіе. Въ сущности оно неразрывно связано съ правомъ на самосохраненіе, коренясь въ природѣ личности.

Для личности существовать, жить—значитъ развиваться, совершенствоваться, т. е. раскрывать тѣ особенности, которыя заложены въ нее самой природою. Государства, будучи личностями, имѣютъ опредѣленную физіономію, могутъ развиваться, совершенствоваться, т. е. проявляютъ всѣ духовные элементы своего существа.

Переходя на почву болѣе конкретную, почву права, мы скажемъ, что подѣ правомъ на развитіе должно разумѣть право государствъ на преуспѣяніе въ области политической и экономической. Подробное разсмотрѣніе этого ученія относится къ области политики; право же призвано только указать на его границы и предѣлы осуществленія.

Относительно развитія государствъ въ политической области слѣдуетъ замѣтить, что каждое изъ нихъ имѣетъ право на совершеніе тѣхъ реформъ въ своей политической жизни, которыя оно признаетъ необходимыми: такъ они имѣютъ право измѣнять свою политическую форму, соединяться съ другими, сродственными имъ народами, отдѣляться и т. д. Устанавливаемая иногда зависимость одного правительства отъ другого, даже опека, представляютъ не болѣе, какъ уклоненіе отъ суверенитета и строгихъ началъ международнаго права—уклоненіе, могущее найти себѣ объясненіе въ историческихъ условіяхъ того или иного государства.

Такою же свободой пользуются государства и въ сферѣ экономической. Здѣсь на нихъ падаетъ забота о развитіи торговли, отъ открытіи для нея новыхъ путей и рынковъ, о заведеніи колоній, устройствѣ эмиграцій, о расширеніи и содержаніи въ исправности путей сообщенія и портовъ и допущеніи судоходства по рѣкамъ; сюда же относятся рѣшенія вопросовъ объ учрежденіи порто-франко и всѣхъ прочихъ сложныхъ вопросовъ таможенной политики.

Къ сожалѣнію, государства узко понимаютъ свои экономическіе интересы: въ своей хозяйственной политикѣ они придерживаются системы протекціонизма; многіе отождествляютъ даже эту систему съ патріотизмомъ. Система эта смѣнила предшествовавшую ей систему свободной торговли. Эта послѣдняя господствовала въ западной Европѣ въ 60-хъ годахъ нашего столѣтія и вела къ заключенію между государствами коммерческихъ трактатовъ и договорныхъ тарифовъ, которыми и опредѣлялись и торговые отношенія. Впрочемъ, Россія и Сѣв. Штаты были искони враждебны этой системѣ и держались протекціонизма, идеи котораго съ франкфуртскаго мира 1871 г. получили въ Европѣ снова очень большое распространеніе. Въ Германіи ихъ поборникомъ явился князь Бисмаркъ, а во Франціи—Тьеръ и его единомышленники. Понемногу примѣръ увлекъ и остальные правительства, такъ что за традиціи свободной торговли, и то не всегда, послѣдовательно стоятъ еще пока Англія, Бельгія и Швейцарія.

Протекціонизмъ въ связи съ той цѣлью, которую онъ преслѣдуетъ, называется еще охранительной системою. Мы понимаемъ тѣ серіозные мотивы, которые заставляютъ правительства обратиться иной разъ къ

нему. Имѣются въ виду или фискальные интересы, или правительства думаютъ съ помощью его лучше всего охранить національную промышленность ихъ иностранной конкуренціи, обеспечивъ за ней внутренніе рынки. Однимъ изъ способовъ достиженія при протекціонизмѣ намѣченныхъ цѣлей являются, въ противоположность договорнымъ тарифамъ при системѣ свободной торговли, тарифы независимые или автономные, издаваемые правительствами односторонне, подобно законодательнымъ актамъ. Эти тенденціи сами по себѣ серіозны и при извѣстныхъ условіяхъ справедливы; но должно помнить, что онѣ по существу своему временны и, доведенныя до крайности, несправедливы и опасны.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обѣихъ экономическихъ системъ, какъ съ національной, такъ и международной точекъ зрѣнія, мы должны отдать предпочтеніе системѣ свободной торговли, понимаемой въ національномъ и умѣренномъ смыслѣ. Съ точки зрѣнія собственно національнаго благосостоянія не слѣдуетъ забывать, что фискальныя цѣли охранительной системы представляютъ не болѣе, какъ палліативъ при современныхъ чудовищныхъ размѣрахъ расходовъ на военное дѣло; сколько бы не увеличивали таможенные доходы, сколько бы не измыслили новыхъ налоговъ, все это непроизводительно поглотитъ милитаризмъ, въ самыхъ корняхъ подкашивая народное благосостояніе. Съ какой преступной легкостью заключаются въ наши дни новые военные займы, предоставляя потомству расчитываться за всѣ ошибки нашей близорукой и безумной политики. Съ уничтоженіемъ милитаризма ненужны были бы фискальныя пошлыны протекціонизма.

Вторая задача протекціонизма—охрана національнаго труда. Нельзя утверждать, будто послѣдній поддерживается главнымъ образомъ столь искусственной и вѣтшной мѣрою, каковы высокія пошлыны на иностранные товары. Окрѣпшая вполне и развившаяся промышленность не должна бояться никакой конкуренціи. Но протекціонизмъ не въ состояніи, кромѣ того удовлетворить интересамъ различныхъ классовъ населенія и различныхъ областей одного и того же государства. Онъ питаетъ антагонизмъ какъ въ національной, такъ и въ международной жизни. Округа земледѣльческіе, въ избыткѣ производящіе хлѣбъ, нерѣдко нуждаются въ заграничныхъ рынкахъ; напротивъ, мѣстности фабричныя и промышленныя требуютъ высокихъ пошлынъ, чтобы безъ соперничества сбывать свои издѣлія въ странѣ. Напр., Сѣв. Штаты держатся чрезвычайно высокихъ ввозныхъ пошлынъ и въ то же время вынуждены отправлять огромныя количества хлѣба на европейскіе рынки. Интересы земледѣльческой Венгріи и промышленной Австріи діаметрально противоположны.

Наконецъ, охранительныя пошлыны не могутъ абсолютно предохранить страну отъ наплыва иностранныхъ товаровъ; это дѣлается только тайными, обходными путями и ведетъ къ широкому развитію контрабандной торговли. Отсюда нескончаемыя пререканія съ сосѣдями.

Вслѣдствие высокихъ пошлинъ потребители осуждаются или на приобретение худшихъ товаровъ, или на большія издержки сравнительно съ действительной стоимостью. Наконецъ, въ природѣ этихъ пошлинъ лежитъ требованіе ихъ постоянного возвышенія. Национальная промышленность, разъ къ нимъ привыкшая, будетъ все считать себя недостаточно огражденной и требовать отъ правительствъ—то увеличенія пошлинъ, то распространенія ихъ на новыя отрасли народнаго труда. Вопросъ представляется еще болѣе серьезнымъ съ точки зрѣнія международной. Тутъ вполне подтверждается вѣрность изрѣченія: *summum jus—summa injuria*. Дѣло въ томъ, что государство, которое только по собственному усмотрѣнію то повышаетъ, то понижаетъ свои тарифы, дѣйствуетъ, конечно, вполне правомѣрно; но такія повышенія и пониженія тарифа могутъ задѣвать интересы другихъ государствъ, которыя, въ свою очередь, могутъ прибѣгнуть къ репрессивнымъ тарифамъ, и вотъ начинается тарифная война между народами, война экономическая, глухая, не признанная, но тѣмъ не менѣе неумолимая при сохраненіи вѣнскихъ признаковъ мира. Въ состояніи такой борьбы находятся, напримѣръ, въ настоящее время Россія и Германія, Италия и Франція.

Намъ говорятъ въ утѣшеніе, будто эта экономическая борьба вполне совмѣстима съ политическимъ миромъ, но это совершенно не вѣрно. Если при тарифной войнѣ нѣтъ кровопролитныхъ сраженій, то они ежеминутно могутъ возникнуть изъ нея. Экономическая рознь въ сильной степени увеличиваетъ антагонизмъ между государствами. Справедливо называетъ одинъ талантливый публицистъ Швейцаріи—Дрозъ такое состояніе Европы экономической анархіей. Охарактеризовавъ его мѣткими чертами, онъ ставитъ на видъ противорѣчіе, сказывающееся въ политикѣ европейскихъ государствъ, которыя на берлинской конференціи 1885-го года торжественно провозгласили для экваторіальной Америки начала свободной торговли и судоходства, а между тѣмъ у себя дома всячески стараются провести экономическое разобщеніе и обособленіе. Поэтому онъ предлагаетъ, чтобы они, наконецъ, признали свою экономическую взаимную солидарность и въ видахъ добрыхъ между собою отношеній, а равно общаго мира, согласились облагать иностранные товары пошлиною, не превышающей 10% ихъ цѣны, за исключеніемъ тѣхъ только предметовъ, которые представляютъ фискальный интересъ, напр. спиртъ, табакъ и т. д. Затѣмъ желательно, чтобы были свободны отъ пошлинъ или облагались невысоко всѣ предметы первой необходимости для населенія, а также сырье для фабрикъ и разныхъ отраслей промышленности. При этомъ авторъ оговаривается, что идеаломъ экономическихъ сношеній народовъ надо признать свободу обмѣна, понимаемую, конечно, въ увѣренномъ и относительномъ смыслѣ. Народы должны дорости до нея постепенно и добровольно усвоить себѣ ея начала.

Дрозъ въ этой прекрасной статьѣ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ

и мечтаетъ объ установленіи между государствами (конечно Европы) экономической уніи, въ родѣ такихъ союзовъ по телеграфному и почтовому дѣлу. Не посягая на независимость отдѣльныхъ государствъ, осуществленіе этой идеи ввело бы съ общаго согласія въ экономическую политику нѣкоторыя общія правила; это обстоятельство, въ свою очередь, укрѣпило бы миръ экономическій и вмѣстѣ съ нимъ и политическій¹⁾.

Мы отступили нѣсколько отъ нашей задачи, но поступили такъ въ виду жгучести вопроса, разобраннаго нами. На первомъ планѣ тутъ должны работать юристы и экономисты; юристы не могутъ молчать тамъ, гдѣ дѣло касается общаго мира.

Государства, сказали мы выше, могутъ свободно развивать всѣ свои духовныя, политическія и экономическія силы. Пока дѣло идетъ объ ихъ внутреннемъ развитіи, никто не въ правѣ останавливать его или препятствовать ему, но писатели колеблются въ своихъ мнѣніяхъ, когда рѣчь заходитъ не объ ихъ внутреннемъ развитіи, а о расширеніи владѣній (о присоединеніи новыхъ территорій, колоній и т. д.). Могутъ ли государства, угрожаемая ростомъ одного изъ нихъ, воспротивиться этому росту силою и, въ случаѣ крайности, первыми объявить ему войну? Въ виду таинственности и лживости политики, тутъ конечно, болѣе всего умѣстны мѣры предупрежденія и система искусно составленныхъ союзовъ. Возможность нападенія еще не составляетъ сама по себѣ юридическаго основанія для войны: война является законнымъ способомъ обороны только въ случаѣ нарушенія права.

Рѣшеніе этого вопроса можно свести къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) стремленіе къ всемірному могуществу съ чьей бы то ни было стороны составляетъ посягательство на свободу и независимость всѣхъ остальныхъ народовъ и даетъ имъ право обороны или войны противъ того, кто его проявляетъ; 2) энергично должно быть осуждено всякое незаконное расширеніе территоріи, но нельзя не признать законность такихъ расширеній, которыя совершаются мирно, сообразно съ принципами международной справедливости и съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

с) Право на равенство.

Право на равенство есть 3-е право, вытекающее изъ суверенитета. Фактически государства чрезвычайно отличаются другъ отъ друга: они

1) Нельзя обойти молчаніемъ двухъ крупныхъ попытокъ, отдѣленныхъ государствами на нашихъ глазахъ въ дѣлѣ приближенія къ указанной уніи. Въ концѣ 1889 г. въ Вильмунтонѣ состоялся такъ-называемый панамериканскій конгрессъ. На этомъ конгрессѣ присутствовали представители отъ пятнадцати американскихъ республикъ; на конгрессѣ должна была быть установлена экономическая уніа между этими государствами. Попытка эта не удалась, такъ какъ Соединенные Штаты добивались закрытія съ помощью высокихъ таможенныхъ пошлинъ воѣхъ рынковъ Новаго Свѣта для европейскихъ товаровъ, а это было выгодно однимъ только С. Штатамъ, и попытка не удалась. Болѣе успѣхъ стремленіе къ экономической уніи имѣло въ Европѣ: въ 1891 г. Германія, Австрія, Италия, Швейцарія и Бельгія заключили между собою торговые договоры съ значительными выгодами для подданныхъ.

не равны по величинѣ, могуществу, богатству, политическому строю и всему своему духовному развитію. Это является основаніемъ ихъ политическаго неравенства, которое, оказываясь на каждомъ шагу въ жизни, проявляется въ ихъ дѣеспособности. Но нельзя это неравенство возводить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, въ юридическій принципъ. Подобно тому, какъ люди при всемъ разнообразіи ихъ способностей и общественнаго положенія равны передъ закономъ, такъ и государства въ области международнаго права равны между собою въ качествѣ самостоятельныхъ духовныхъ единицъ, т. е. народовъ, въ нихъ живущихъ и черезъ нихъ дѣйствующихъ. Собственно, принципъ равенства между государствами — въ началѣ взаимности, которая управляетъ внѣшними сношеніями государствъ. Само собою разумѣется, что это начало примѣнимо лишь между народами европейской культуры: государства, только отчасти вошедшія въ международный союзъ, пользуются равенствомъ съ остальными его членами постольку, поскольку ихъ внутреннее развитіе дѣлаетъ возможнымъ эту взаимность. Въ силу начала взаимности и вытекающаго изъ него права на равенство, ни одно государство не можетъ требовать правъ или привилегій, въ которыхъ оно отказывается другимъ. На этомъ основаніи каждое государство имѣетъ право наравнѣ съ другими принимать участіе въ общихъ дѣлахъ; каждому въ международномъ союзѣ слѣдуетъ предоставить только одинъ голосъ; причемъ должно отвергнуть принятую въ нѣкоторыхъ сложныхъ государствахъ систему усиленныхъ голосовъ или, наоборотъ, дробей и долей ихъ, смотря по могуществу ихъ членовъ. Далѣе, принципъ равенства требуетъ устраненія всякаго преобладанія одного члена международнаго союза надъ другимъ, и если на практикѣ устанавливается такое преобладаніе, то они есть всегда результаты конкретныхъ отношеній между сторонами, которое не подрываетъ общаго правила и, какъ исключеніе, должно быть трактуемо въ ограниченномъ смыслѣ. Поэтому, при установленіи международной организациі требуется допускать въ составъ ея представителей всѣхъ государствъ съ разными голосами. Это не значитъ, что слабыя государства чравнѣ съ могущественными принимаютъ одинаковое активное участіе въ рѣшеніи международныхъ дѣлъ; дѣеспособность государствъ не равна, потому что не равны ихъ политическія силы; но при обсужденіи этихъ дѣлъ имъ долженъ быть данъ такой же голосъ, какъ и всѣмъ остальнымъ государствамъ. Фактически руководство въ международныхъ дѣлахъ всегда принадлежало великимъ державамъ. До послѣдняго времени наиболѣе важныя политическія дѣла въ Европѣ рѣшались совѣтъ великихъ державъ, называвшійся по числу ихъ пентархией; нынѣ совѣтъ этотъ обратился въ шестидержавіе, такъ какъ къ нему присоединилась Италія. Не смотря на то, что почти вся политическая и военная сила принадлежитъ этимъ шести державамъ (Россія, Германія, Англія, Франція, Австрія и Италія), онѣ не могутъ по своему произволу распоряжаться судьбами другихъ, слабѣйшихъ госу-

дарствъ иначе, какъ при слѣдующихъ условіяхъ: а) съ согласія самихъ слабѣйшихъ государствъ; и б) дѣйствуя строго въ предѣлахъ международнаго права. Больше равенство между великими державами и остальными существуетъ при обсужденіи вопросовъ социальныхъ и культурныхъ. Тутъ нерѣдко устанавливались между ними общія соглашенія и, какъ увидимъ ниже, даже союзы.

Фактическое наравенство государствъ установило между ними извѣстную іерархію. Въ силу обычая, трактатовъ и подъ давленіемъ иной разъ обстоятельствъ, государства стали различаться какъ по своему политическому значенію, такъ и по носимому ихъ правителями титулу. Международная вѣжливость внесла въ эти различія множество оттѣнковъ и разнообразныхъ формъ, выражающихся въ сношеніяхъ и встрѣчахъ ихъ представителей.

Эти различія въ почетѣ играли громадную роль въ эпоху процвѣтанія въ Европѣ абсолютизма и господствовавшего тогда при дворахъ этикета. Нерѣдко возникали между представителями различныхъ державъ оживленные споры о первенствѣ или предсѣданіи (*droit de préséance*). Все это сильно измѣнилось въ наше время, но еще и теперь государства дѣлятся на государства, пользующіяся *королевскими почестями* и не пользующіяся ими. Государствами съ королевскими почестями называются тѣ, представители которыхъ носятъ высшіе титулы, имѣютъ особые гербы и различныя церемоніальныя отличія, которыя имѣютъ право назначать дипломатическихъ агентовъ перваго класса, т. е. пословъ. Къ этимъ государствамъ относятся всѣ тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ императоры, короли и великіе (курфюрсты) герцоги. Прежде сюда же причислялись папы, Германскій союзъ и великіе курфюрсты. Представители этихъ государствъ пользовались всегда высшимъ почетомъ и правомъ предсѣательства. Впрочемъ, королевскими почестями, не смотря на ихъ названіе, никогда не пользовались однѣ только монархіи: онѣ всегда также принадлежали и могущественнымъ республикамъ. Такъ и въ наше время почести эти принадлежатъ Франціи, Соедин. Штатамъ и Швейцаріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что эти отличія по рангу не должны ослаблять высшаго юридическаго начала — равенства всѣхъ народовъ.

В. Право общенія.

Опредѣленіе. — Фазисы его историческаго развитія. — Разумныя основанія общенія. — Практическіе выводы. — Вопросъ о международной организациі.

Вторымъ основнымъ правомъ государствъ въ международномъ союзѣ является *право общенія*. Подъ нимъ мы разумѣмъ юридическій принципъ сношеній между государствами, не случайныхъ сношеній и не временныхъ, а правильныхъ, покоящихся на началахъ равенства и взаимности и болѣе или менѣе организованныхъ. Если суверенитетъ

есть юридический принцип независимости государств, то общение обозначает юридический же принцип их взаимных сношений или солидарности. Последнее начало не отрицает первого, но в качестве коренного и высшего принципа всего международного права умѣряет его практическія проявленія и ставитъ его въ юридическія рамки. Не безъ основаній поэтому его называютъ иногда принципомъ объективнымъ, вытекающимъ изъ всего строя международной жизни, въ противоположность суверенитету—принципу субъективному, коренящемуся въ природѣ и волѣ отдѣльных государствъ.

Слѣдуетъ строго отличать общение отъ сношеній вообще. Писатели позитивисты, упускающіе это изъ вида, говорятъ о существованіи права общения во всѣ эпохи исторіи и у всѣхъ народовъ. Но это грубое заблужденіе; сношенія между народами дѣйствительно существовали, но эти сношенія далеко не были тѣмъ, что въ наше время понимается подъ международнымъ правомъ общения. Вѣшнія сношенія народовъ XVII ст. отличались крайне субъективнымъ характеромъ; временныя и случайныя—они возникали и исчезали исключительно по волѣ сторонъ, которыя, кромѣ своихъ личныхъ выгодъ, ничего другого не признавали. Но главное, эти сношенія не вытекали изъ общаго правосознанія, а также изъ опредѣленныхъ общихъ имъ всѣмъ интересовъ; безъ этихъ же условій немыслимо правильное международное общение. Вотъ почему мы говоримъ, что сношенія между народами, существовавшія съ давнихъ поръ, не есть общение въ современномъ смыслѣ этого слова, а представляютъ собою лишь наиболѣе юную и несовершенную форму его.

Общение есть средній строго юридическій выводъ между двумя противоположными воззрѣніями, существовавшими до него у народовъ на ихъ взаимныя отношенія: между ихъ изолированностью съ одной стороны и стремленіемъ къ взаимному поработанію съ другой. Принципъ общения, уважая индивидуальныя особенности и независимость отдѣльныхъ народовъ, соединяетъ ихъ на равныхъ правахъ въ одно гармоническое цѣлое, скрѣпленное юридическими началами.

Въ наукѣ общение получило признаніе и обработку, сравнительно говоря, недавно, а именно не ранѣе 40-хъ годовъ нашего столѣтія и болѣе всего благодаря стараніямъ нѣмецкихъ юристовъ. До этого времени международное право строили исключительно на идеѣ суверенитета государствъ. Кальтенборнъ, указавъ на всю односторонность этого воззрѣнія на международное право, прибавилъ къ суверенитету, какъ субъективному началу, другое высшее—начало общения, называемое имъ объективнымъ. Затѣмъ Р. Мольтъ въ превосходной монографіи ставитъ разработку этого принципа главной задачей нашей науки, а Залънский сдѣлалъ попытку выяснитъ его экономическую сторону и отношеніе къ суверенитету. Кромѣ того Бульмерингъ и Э. Мартенсъ говорятъ о немъ также болѣе или менѣе обстоятельно. Новѣйшіе нѣмецкіе писатели разумѣютъ его подъ рубрикой „право государства на

сношенія“, которое они также причисляютъ къ основнымъ правамъ. Не смотря на все это, принципъ общения далеко не получилъ еще въ нашей наукѣ того преобладающаго значенія, которое ему должно принадлежать. Писатели какъ-будто все еще боятся отвести ему первенствующее въ принципиальномъ отношеніи мѣсто передъ суверенитетомъ и предоставляютъ его по старымъ привычкамъ послѣднему.

Чтобы понять, какъ слѣдуетъ, принципъ общения, его должно изучать съ трехъ различныхъ сторонъ: съ исторической, теоретической или философской и практической.

Фазисы историческаго развитія общения. Историческое разсмотрѣніе общения чрезвычайно важно и относится собственно къ исторіи международныхъ сношеній, но и мы не можемъ обойти его молчаніемъ: оно даетъ намъ возможность лучше понять этотъ принципъ. Исторія приводитъ насъ къ двумъ выводамъ: 1) общение не есть измышленіе теоріи, а есть продуктъ всей исторической жизни новѣйшаго человѣчества и 2) оно послѣдовательно прошло черезъ нѣсколько стадій развитія, прежде чѣмъ стало слагаться въ самостоятельный принципъ права и притомъ международного, какъ его центральная и верховная идея. Ранѣе всего общение зародилось между народами Европы въ области религіи. Еще въ средніе вѣка, въ періодъ феодализма, когда отсутствовала государственная власть въ современномъ значеніи, христіанская церковь явилась первымъ и сильнымъ элементомъ, связавшимъ народы Европы въ одно цѣлое. Не зная національныхъ или иныхъ земныхъ границъ, она неустанно проповѣдывала въ эти грубые вѣка раздѣленія и вражды объ единствѣ и братствѣ людей. Папство сдѣлалось величавымъ вѣшнимъ выраженіемъ этой идеи единства. То же сказало въ международныхъ церковныхъ собраніяхъ (соборахъ), въ введеніи каноническаго права, какъ особой цѣльной системы права, исходившаго отъ церкви и, наконецъ, въ крестовыхъ походахъ, которые впервые объединили лицъ разныхъ сословій и національностей въ одной, общей для всѣхъ, религіозной цѣли. Почти въ то же время торговля была второю связывающей силою. Не находя себѣ защиты отъ территоріальныхъ властей, подвергаясь, напротивъ, повсюду нападеніямъ какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, торговые люди должны были сами позаботиться о своей безопасности. Въ городахъ возникли ихъ союзы, которые скоро вышли за предѣлы тогдашнихъ политическихъ или, вѣрнѣе, феодальныхъ единицъ. Могущественнѣйшій изъ этихъ союзовъ Ганза былъ государствомъ своего рода съ федеративными формами, но существовали и многіе другіе подобные союзы. Всѣ они держались помимо всякой, правительственной власти, дѣйствіями торговыхъ сословій, самостоятельно вели войны, заключали договоры, такъ что жизнь ихъ весьма интересна и съ международной точки зрѣнія. Въ этой области экономическихъ интересовъ сложилось болѣе всего путемъ обычая и практики морское и торговое право, имѣвшее международное значеніе и дошедшее до насъ въ различныхъ сборникахъ, изъ

которых наибольшей известностью пользуется *consolato del mare*. За религією и торговлею слѣдуетъ политика. Еще въ періодъ Германско-Римской имперіи европейскіе народы соединялись нѣкоторыми общинами, но весьма слабыми узами, носившими, впрочемъ, характеръ поработенія единой монархической власти и образованіе новыхъ политическихъ тѣлъ, не только вступившихъ въ постоянныя взаимныя сношенія, но и сознавшихъ себя членами одного политическаго цѣлаго, получившаго характерное названіе „системы политическаго равновѣсія“. Явились органы для этихъ внѣшнихъ сношеній и на общихъ собраніяхъ стали рѣшаться дѣла, болѣе или менѣе общія для народовъ нашего континента. Общеніе, существовавшее въ средніе вѣка на религіозной почвѣ, теперь перешло въ почву политическую и стало связывать уже государства и ихъ гражданъ. Мало-по-малу принципъ общенія началъ освобождаться отъ неустойчивыхъ политическихъ расчетовъ и слѣдуетъ въ настоящую систему права—это четвертый и высшій фазисъ его развитія. Предшествующія ему сношенія, вызывающіяся религіозными, торговыми или политическими интересами, вовсе имъ не управляютъ, но дополняются и скрѣпляются болѣе дѣйствительною охраною права. Въ общемъ можно сказать, что этотъ фазисъ наступилъ съ французской революціей и характеризуетъ нашъ вѣкъ, но еще далеко отъ завершения. Въ общемъ ходъ его развитія, какъ въ развитіи всѣхъ великихъ идей и учрежденій, замѣчаются сильныя колебанія между движеніями поступательными и понятными.

Какъ бы то ни было, но общеніе въ сферѣ права обусловливается двумя основными чертами: 1) выдѣленіе изъ политики нѣкоторыхъ твердыхъ *юридическихъ нормъ*, пользующихся общимъ признаніемъ и авторитетомъ (подъ политикой мы въ данномъ случаѣ разумѣемъ совокупность политическихъ правилъ), и 2) установленіемъ особыхъ чисто *международныхъ органовъ и союзовъ*. Въ настоящее время общеніе оказываетъ огромное вліяніе на всѣ отрасли государственной дѣятельности (законодательную, административную и судебную), а посредствомъ союзовъ объединяетъ даже и самыя государства, хотя и въ тѣсной сферѣ опредѣленныхъ, конкретныхъ интересовъ съ социальнымъ характеромъ. Союзы эти напоминаютъ аналогичное явленіе среднихъ вѣковъ, но есть между ними и важное различіе: тогда они возникали вслѣдствіе слабости и даже отсутствія государственной власти по инициативѣ частныхъ лицъ, сословій и городовъ, а теперь сами государства, могущественныя и организованныя, вступаютъ по отдѣльнымъ вопросамъ въ союзы между собою, понимая, что этимъ путемъ они полнѣе и скорѣе удовлетворятъ интересамъ своихъ гражданъ, нежели односторонними законами и мѣропріятіями. Разобщенные глубоко по политическимъ вопросамъ, они въ сферѣ социальныхъ интересовъ соглашаются какъ бы составить одну территорію, управляемую однообразными нормами. Такими являются союзы: почтовый, телеграфный, промышлен-

ный, литературный и т. д. Число ихъ призвано расти, а собственная ихъ организація крѣпнуть и развиваться.

Но и независимо отъ этихъ союзовъ, мы видимъ, что государства силою вещей приводятся къ тому убѣжденію, что исполненіе лежащихъ на нихъ задачъ требуетъ, чтобы они оказывали другъ другу содѣйствіе. Замыкаясь только въ предѣлахъ своей территоріи и игнорируя сосѣдей, они тяжело погрѣшаютъ прежде всего противъ собственныхъ гражданъ. Интересы самосохраненія, торговли и научнаго образованія вынуждаютъ народъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ, и чѣмъ эти сношенія правильнѣе и организованныѣе, т. е. болѣе облечены въ форму правового общенія, тѣмъ болѣе выигрываетъ каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Каждое государство, напр., заинтересовано въ томъ, чтобы подданные его могли посѣщать учебныя заведенія, научныя и художественныя сокровищницы другихъ государствъ, участвовать на международныхъ съѣздахъ различнаго рода и т. д. Борьба со многими общественными бѣдствіями (эпидеміями, эпизоотіями, голодомъ и т. д.) ведется отдѣльными правительствами тѣмъ успѣшнѣе чѣмъ дружнѣе ему помогаютъ другія. То же слѣдуетъ сказать о регулированіи переселенческаго дѣла, о болѣе успѣшномъ отправленіи правосудія и т. д. Все это требуетъ международныхъ трактатовъ и учрежденій, число которыхъ и умножается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Учреждаются международныя комиссіи по нѣкоторымъ специальнымъ отраслямъ управленія (рѣчныя, парижская метрическая комиссія, санитарная инспекція въ Константинополѣ) и дѣлу вспомошествованія больнымъ и раненымъ войнамъ.

Обращаясь отъ управленія къ области законодательной, мы замѣчаемъ здѣсь аналогичное явленіе: съ одной стороны не только растетъ число трактатовъ, но и умножаются нормы положительнаго международного права, а съ другой все большее и большее число этихъ нормъ входитъ въ законы различныхъ государствъ. Это далеко не изъ послѣднихъ гарантій прочности международного права. Брюссельская конференція сдѣлала извѣстныя постановленія, изложенныя ею въ особой деклараціи, которая, какъ извѣстно не была признана правительствами, но начала, ею превозглашенныя, приняты позднѣе въ законахъ нѣкоторыхъ правительствъ. Въ Англіи до акта натурализаціи 1870 года господствовалъ въ теченіе многихъ столѣтій взглядъ, что ея граждане никогда не могутъ выйти изъ ея подданства, такъ что тысячи англичанъ, эмигрировавшихъ въ Америку и другія страны и тамъ натурализовавшихся, продолжали считаться въ Англіи ея подданными и, въ случаѣ войны, подвергались опасности быть судимыми, какъ измѣнники. Съ другой стороны иностранцы, какъ бы долго они ни находились въ Англіи, всегда оставались для англійскаго суда и закона иностранцами. Нечего говорить, какъ это противорѣчитъ международному общенію, будучи уродливымъ проявленіемъ территоріальнаго самодержавія. И вотъ, по закону 1870 года каждому англичанину доз-

волено отказаться отъ подданства Англии, а иностранцамъ послѣ пятилѣтняго пребыванія въ предѣлахъ англійской территоріи предоставлено право принимать англійское подданство.

Другой характерный примѣръ представляетъ гражданское уложение Италіи 1865 года. Мы видимъ тутъ замѣчательную попытку изложенія въ отдѣльныхъ статьяхъ закона тѣхъ началъ частнаго международного права, которыя, вытекая изъ принципа общенія, основывались до этого на теоріи юристовъ и судебной практикѣ. Русскій законъ еще въ прошлое царствованіе уравнивалъ въ гражданскомъ отношеніи иностранцевъ съ природными подданными (за нѣкоторыми исключеніями), но все еще не регулировалъ сообразно съ принципами общенія выходъ изъ русскаго подданства.

Но и этого мало; юристы уже давно мечтаютъ о возможности *общаго международнаго законодательства* по такимъ вопросамъ, которые возникая изъ мирового торговаго оборота, не отмѣчены узко національнымъ характеромъ и могутъ удобно подлежать однообразной кодификаціи. Этому сочувствуютъ и нѣкоторыя правительства: въ 1878 году Германія выступила съ предложеніемъ ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ объ изданіи общаго вексельнаго устава. Германія въ 1874 году предложила издать общій законъ относительно исполненія рѣшеній иностранныхъ гражданскихъ и коммерческихъ судовъ. Оба предложенія, говоритъ Мартенсъ, были приняты весьма сочувственно большинствомъ державъ и, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ получатъ практическое осуществленіе. Швейцарія взяла на себя инициативу въ международномъ регулированіи нѣкоторыхъ частей фабричнаго законодательства.

Въ сферѣ судебной власти также замѣчено усиленіе общенія между современными государствами. Не одно изъ нихъ не можетъ, хотя бы на своей территоріи, игнорировать ни законовъ, ни дѣйствій иностранныхъ государствъ; приходится съ ними постоянно считаться и даже обращаться къ содѣйствію иноземныхъ судовъ и властей. Это вытекаетъ изъ широкаго развитія современнаго гражданскаго оборота. Часто приходится для лучшаго констатированія вины какого-либо преступника обращаться къ иностраннымъ судамъ съ просьбами объ отобраніи или свидѣтельскихъ показаній, или о сообщеніи другихъ какихъ-либо свѣдѣній и т. п. Правительства соглашаются между собою относительно опредѣленныхъ случаевъ и формъ прямыхъ сношеній между ихъ судами. Отъ этого только болѣе обезпечивается внутренній порядокъ и уваженіе къ закону на территоріяхъ контрагентовъ. Правительства заключаютъ между собою многочисленныя конвенціи о выдачѣ преступниковъ; такъ преслѣдованіе виновнаго, успѣвшаго скрыться на иностранную территорію, становится возможнымъ лишь съ вѣдома и содѣйствія властей этой территоріи. Судамъ одного часто приходится примѣнять законы другого по поводу тяжбныхъ дѣлъ между иностранцами или между ними и своими подданными. Если про-

исходитъ столкновеніе между иноземнымъ закономъ и мѣстнымъ, не разрѣшимое съ точки зрѣнія суверенитета даннаго государства, суды по необходимости примѣняютъ начала частнаго международного права, которое также, какъ и публичное, все покоится въ началѣ общенія.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ принципъ общенія содѣйствуетъ урегулированію сношеній не только между государствами, но и ихъ подданными. Различныя общественныя группы, общины, торговая компанія и т. п., законно существующія въ своей странѣ, получаютъ право на признаніе и содѣйствіе своимъ интересамъ и въ другихъ государствахъ. Говоря иначе, въ качествѣ юридическихъ лицъ, имъ дозволяется и тамъ владѣть имуществомъ, защищать свои права въ судебномъ порядкѣ, имѣть своихъ агентовъ и т. д.

Итакъ, историческое разсмотрѣніе общенія показываетъ намъ, что оно постепенно расширяется на новыя области жизни и внутренне все крѣпнѣетъ. Будучи продуктомъ не отвлеченной теоріи, а дѣйствительной жизни, оно имѣетъ *глубокія разумныя основанія*, раскрытіе которыхъ составляетъ задачу теоріи.

Разумныя основанія принципа общенія. Общеніе вытекаетъ изъ самой природы государства, какъ физической матеріальной, такъ и духовной. Страны различаются между собою чрезвычайно по тѣмъ дарамъ, которыми надѣлила ихъ природа. Разныя мѣстности производятъ различные продукты; многіе изъ нихъ, не достаемые въ одной странѣ, изобилуютъ въ другой. Отсюда вытекаетъ необходимость и полезность обмѣна, а слѣдовательно, и общенія между народами. Съ развитіемъ культуры потребности людей становятся болѣе многочисленными и искусственными, а земля, между тѣмъ, истощается; въ однихъ странахъ часто не хватаетъ земли для населенія, а въ другихъ наоборотъ, не хватаетъ рукъ для обработки ея. Въ странахъ, бѣдныхъ землею, развивается обрабатывающая промышленность, а въ странахъ, богатыхъ ею, — добывающая; такимъ образомъ хозяйства этихъ странъ взаимно дополняютъ другъ друга и взаимно необходимы другъ другу; отсюда, государства вынуждаются къ постояннымъ между собою сношеніямъ. Понемногу національныя хозяйства находятъ себѣ дополненіе и расширеніе въ *идеѣ мирового хозяйства*. Экономическая зависимость народовъ другъ отъ друга усиливается, становится и въ этой области необходимымъ раздѣленіе труда между отдѣльными политическими единицами; необходимымъ же является правильный обмѣнъ продуктовъ ума и труда, а послѣдній немислимъ безъ юридическаго международного порядка.

На этой идеѣ *общей экономической солидарности народовъ* покоится общеніе, какъ на твердой естественной скалѣ.

Другое основаніе принципа общенія, не менѣе важное, чѣмъ физическія особенности государствъ, это ихъ духовная природа. Современная наука справедливо признаетъ государства за личности живущихъ въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствующихъ народовъ. Но никакая

личность не может жить обособленно, внѣ общенія и содѣйствія другихъ ей подобныхъ личностей. Право, регулирующее отношенія между личностями вообще, регулируетъ ихъ и между государствами и опредѣляетъ ихъ совмѣстное бытіе. Но такое совмѣстное бытіе не обозначаетъ поглощеніе одной личности другою; полному уподобленію ихъ и слитію въ одну массу нельзя сочувствовать: случись это съ государствами, тогда исчезло бы и самое международное право. Личность, индивидуальность есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ въ исторіи человѣчества; народы, какъ политическія личности, одарены извѣстными способностями и имѣютъ каждый свою опредѣленную задачу въ великой семьѣ человѣчества. Въ этомъ отношеніи правы національности, когда онѣ съ удареніемъ говорятъ о самобытныхъ, индивидуальныхъ дарахъ народовъ; но онѣ не правы, когда обостряютъ эти особенности до какой-то принципиальной между ними вражды. Поэтому намъ кажутся печальнымъ заблужденіемъ мысли Данилевскаго (Россія и Европа) о неотразимой будто бы борьбѣ (въ смыслѣ истребительной войны) между Россіею, какъ представительницею славянскаго культурнаго типа, и Европою, составляющею германо-романскій типъ. Объяснить этотъ взглядъ можно только тѣмъ, что Данилевскій, очевидно, и понятія не имѣетъ о международномъ правѣ. Личности призваны, по свидѣтельству исторіи и по требованію разума, не къ изолированности и не къ взаимному истребленію (ибо тогда онѣ перестали бы быть нравственными единицами), а къ взаимной помощи и восполненію другъ друга. Въ древности и въ средніе вѣка, когда разобщеніе и враждебность возводились въ законъ внѣшнихъ сношеній, это до такой степени противорѣчило природѣ человѣка, что за отсутствіемъ правильныхъ сношеній они устанавливались насильственнымъ путемъ: война понижала воздвигавшіяся китайскія стѣны, клала свою печать на торговлю и, такимъ образомъ, приводила народы, хотя насильственно, въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, устанавливала между ними нѣкоторое общеніе. Въ наше время общеніе слѣдилось кореннымъ принципомъ международного права и призвано устанавливать сношенія между народами мирными и нравственными путями.

Практическіе выводы. Изъ вышесказаннаго вытекаютъ весьма важные практическіе выводы: 1) ни одно государство не имѣетъ права совершенно изолировать себя или другое государство отъ остальныхъ. Этимъ оно поставило бы себя внѣ международного права и, доводя идею свою суверенитета до послѣдней крайности, погрѣшило бы противъ своей природы. Иное дѣло временное закрытіе какой-нибудь границы въ силу необходимости (въ случаяхъ войны, возстаній, эпидемій) или прекращеніе также на время сношеній съ какимъ-либо отдѣльнымъ государствомъ большей частью вслѣдствіе не признанія совершившихся въ немъ политическихъ переворотовъ. Такъ Екатерина II-я не хотѣла нѣкоторое время поддерживать сношенія съ Франціей послѣ казни Людовика XVI. Въ настоящее время Россія не имѣетъ ника-

кихъ сношеній съ Болгаріей. Такого рода переправы въ сношеніяхъ не должны подрывать принципа общенія.

2) Въ силу же принципа общенія государства не въ правѣ не допускать иностранцевъ на свои территоріи. Смотра по своимъ экономическимъ или политическимъ потребностямъ, правительства придерживаются различныхъ системъ. Такъ мы видимъ, что иногда правительства совершенно закрывали свою территорію для иностранцевъ. Допетровская Россія по общему правилу была закрыта для иностранцевъ. Иногда, наоборотъ, правительства вызываютъ къ себѣ иностранцевъ, поощряя ихъ различными льготами, давая преимущества однимъ иностранцамъ передъ другими. Съ точки зрѣнія международного права слѣдуетъ замѣтить, что наиболѣе справедливымъ является одностороннее обращеніе съ иностранцами всѣхъ національностей и уравниеніе ихъ въ гражданскомъ правѣ съ природными подданными; политическія же права не должны быть имъ предоставлены. Изъ этого общаго правила допускаются изыятія, но они должны быть мотивированы и состоять въ согласіи съ международнымъ правомъ. Допуская иностранцевъ на свою территорію, государства имѣютъ двоякаго рода обязанности: а) радѣя о пользѣ своихъ гражданъ, они должны слѣдить, чтобы иностранцы не эксплуатировали мѣстное населеніе, и б) они должны слѣдить за тѣмъ, чтобы иностранцы не угрожали безопасности другихъ сосѣднихъ государствъ. Это относится особенно къ Швейцаріи, которая славится своимъ правомъ убѣжища. Надо удивляться такту и мужеству этой маленькой республики, которая старается лавировать между признаніемъ за иностранцами права убѣжища, дающаго имъ возможность укрываться отъ своихъ властей, и между необходимостью оказывать уваженіе къ иностраннымъ правительствамъ, обязывающее не держать у себя какъ бы подземнаго лагеря, враждебнаго имъ. Право убѣжища необходимо получаетъ въ предѣлахъ международного права извѣстныя юридическія границы. Отсюда необходимость надзора и контроля надъ иностранцами.

3) Ни одно государство не должно лишать другое пользованія путями сообщенія и тѣми удобствами, которыя вытекаютъ изъ его географическаго положенія. Первое право въ прежнее время называлось *jus transitus* или *passagii innoxii*; въ настоящее время оно никѣмъ не оспаривается. Нарушеніе этого права вело бы къ насильственному обособленію государства. Но если нельзя съ точки зрѣнія международного права обособлять себя, то еще менѣе можно дѣлать это съ другими. Поэтому государства, отрѣзанные другими отъ морей, имѣютъ естественное право требовать себѣ отъ сосѣдей свободнаго доступа къ нимъ (таковы Швейцарія, Боливія и Парагвай); они могутъ имѣть свой торговый флотъ и свои стоянки на нихъ, такъ какъ моря и океаны суть достояніе всего человѣчества.

Относительно выгодъ, связанныхъ съ географическимъ положеніемъ страны, надо имѣть въ виду совмѣстное владѣніе или, по край-

ней мѣрѣ, пользование рѣками, озерами, общими нѣсколькимъ государствамъ: ни одно изъ нихъ не должно лишать другія государства возникающихъ отсюда выгодъ (относительно рыболовства и сообщений) или производить какія бы то ни было работы безъ согласія прочихъ сосѣдей. Изъ начала равенства, подкрѣпляемого принципомъ общенія, вытекаетъ требованіе одинаковаго для всѣхъ пользованія океаномъ и его сокровищами, а равно всѣми путями сообщенія, признаваемыми нынѣ международными.

4) Общеніемъ требуется, чтобы государства по возможности не препятствовали взаимной, свободной торговлѣ. Каждое изъ нихъ, руководствуясь собственными потребностями, заботится о мѣрахъ для охраны національной промышленности и для оживленія торговли; но эти мѣры не должны превращаться въ совершенный запретъ иностраннаго ввоза.

5) Нѣкоторыя формы торговыхъ сношеній, прямо осужденныя положительнымъ международнымъ правомъ (торговля неграми и подобная ей куліями) должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны всѣхъ государствъ не только въ предѣлахъ ихъ территорій, но и повсюду, съ правомъ привлеченія виновныхъ къ отвѣту, къ какой бы національности они не принадлежали. Словомъ, общеніе со стороны его практическаго примѣненія можетъ быть выражено въ слѣдующей формулѣ: оно призвано всячески содѣйствовать *свободѣ движенія лицъ, вещей и идей по всему земному шару.*

Общеніе, какъ принципъ юридическій, не можетъ быть абсолютнымъ; точно также, какъ и принципъ суверенитета, оно подлежитъ ограниченіямъ. Прежде всего общеніе умѣряется сообразно общей справедливости, требующей устраненія неравенства положенія въ союзѣ: государство не обязано поддерживать сношенія, которыя представляютъ ему однѣ только тягости, а всѣ выгоды падаютъ на другое государство. Другое ограниченіе вытекаетъ изъ принципа самосохраненія, въ силу котораго государство можетъ отклонить сношенія, которыя поставили бы его въ зависимость отъ другихъ государствъ. Тутъ общеніе, въ свою очередь, умѣряется суверенитетомъ, подобно тому, какъ суверенитетъ умѣряется общеніемъ.

Итакъ, общеніе есть правовой порядокъ сношеній между государствами. Оно нисколько не отнимаетъ у нихъ обязанности заботиться о благѣ и безопасности собственныхъ гражданъ: самостоятельность есть первое условіе для развитія индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ; но общеніе указываетъ на необходимость для послѣднихъ въ области права, какъ и въ мѣрѣ нравственномъ, оказывать другъ другу содѣйствіе.

Вопросъ о международной организаціи. Общеніе получить точное и исполнѣ юридическое выраженіе лишь тогда, когда введена будетъ *международная организація.* Существующіе въ настоящее время международные органы очень несовершенно соотвѣтствуютъ этой идеѣ,

будучи органами главнымъ образомъ внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ. Организація же, о которой мы говоримъ, должна, не подрывая самостоятельности народовъ, создать для ихъ общей жизни такую форму, которая предоставила бы ихъ объединеніе не въ политическомъ отношеніи. Организація эта не можетъ быть сколомъ съ какой бы то ни было формы внутренне—государственного быта, но сообразно съ сложными потребностями и условіями международного союза, она должна выработаться изъ жизни самого этого союза. На это нужно много времени и усилій; дѣло науки прокладывать для нея путь въ сознаніи и жизни народовъ. Справедливо видятъ въ этомъ высшую конечную проблему международного права, какъ науки. Только при существованіи правильной международной организаціи общіе интересы государствъ и самый миръ между ними получаютъ должное признаніе и охрану, тогда только будетъ найдено гармоническое соотношеніе между суверенитетомъ и общеніемъ, независимостью и солидарностью народовъ—этими двумя коренными идеями государственнаго и международного права.

Значеніе измѣненій, претерпѣваемыхъ государствами.

Въ параграфѣ первомъ мы рассматривали государство, какъ субъектъ международного права; во второмъ—его основныя права. Теперь намъ остается рассмотреть различныя видоизмѣненія, которымъ подвергается государство во время своего существованія, и, наконецъ, прекращеніе его бытія.

Государства, какъ намъ уже и раньше приходилось говорить, суть организмы и, какъ таковые, подвергаются всякаго рода измѣненіямъ. Измѣненія эти можно свести къ двумъ группамъ: а) измѣненіямъ политическимъ и б) территориальнымъ. Къ первой группѣ относятся перемѣны, касающіяся политическаго строенія государства. Мѣняются не только отдѣльныя лица, династии, но и формы правленія. Общее правило при всѣхъ этихъ перемѣнахъ то, что онѣ не вліяютъ на юридическія отношенія государствъ, въ которыя вступили они до перемѣны. Правило это логически вытекаетъ изъ представленія о государствѣ, какъ международной личности. Государство, какъ международная личность, всегда остается однимъ и тѣмъ же. Впервые принципъ исторической и юридической непрерывности государства—личности былъ провозглашенъ голландскимъ писателемъ Бинксюкомъ. Торжественно признанъ былъ этотъ принципъ въ протоколахъ лондонской конференціи 1830 г. по случаю отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи.

Трактаты, заключенные государствомъ, не теряютъ своей обязательности, не смотря ни на какіе внутренніе перевороты. Если бы обязательства, въ которыя вступило государство, теряли свою силу вмѣстѣ съ перемѣною правителей, династій или формъ правленія, то

это было бы отличное средство погашать тягостныя для народа обязательства.

Государство обязано соблюдать договоры, заключенные какъ законнымъ правительствомъ, такъ и правительствомъ, узурпировавшимъ власть. Для международного права безразлично, законно ли правительство съ точки зрѣнія государственнаго права или не законно; представителемъ народа оно считаетъ то правительство, которое фактически въ данную минуту обладаетъ верховной властью въ государствѣ. Съ точки зрѣнія международного права фактическое правительство законно, если не нарушаетъ основныхъ началъ международного права, и не законно, если нарушаетъ ихъ.

Положенія, указанныя относительно политическихъ переменъ государства, не суть достояніе только теоріи, но съ давнихъ поръ признаются на практикѣ. Во время англійской революціи въ XVII вѣкѣ Кромвель и принцъ Оранскій признали договоры Карла V. Первая французская республика не считала себя свободной отъ обязательствъ, принятыхъ на себя Людовикомъ XV и его предшественниками.

Конечно, въ международной практикѣ бывали случаи, представлявшіе собою исключеніе изъ указаннаго общаго положенія, но они встрѣчались энергичный отпоръ со стороны международного союза. Такъ, на примѣръ, когда министръ иностранныхъ дѣлъ второй французской республики Ламартинъ торжественно объявилъ въ деклараціи, что республика не признаетъ постановленій вѣнскаго трактата, то великія державы выражали энергичный протестъ по этому поводу и Франція должна была уступить.

Исключеніе изъ общаго правила относительно обязательности договоровъ, независимо отъ измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, составляютъ, во-первыхъ, — соглашенія между правителями, носящія личный характеръ, во-вторыхъ обязательства правительствъ, не получившихъ международного признанія. Какъ на примѣръ личныхъ соглашеній между отдѣльными правителями можно указать на соглашенія между Людовикомъ XIV и Яковомъ II Стюартомъ или на договоръ между Наполеономъ III и Максимилианомъ по поводу подержанія престола послѣдняго.

Съ другой стороны обязательства, принятые на себя Костюшкою въ 1794 г. и Кошутымъ въ 1849 г., потеряли силу вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, такъ какъ партіи, въ глазахъ которыхъ они стояли, не получили международного признанія. Но когда Гессенскій курфюрстъ отказался отъ договоровъ, заключенныхъ его предшественникомъ, королемъ Вестфальскимъ, узурпировавшимъ власть, великія державы потребовали ихъ исполненія, такъ какъ правительство Вестфальскаго короля было признано международнымъ союзомъ.

Вторая группа измѣненій, претерпѣваемыхъ государствомъ, обнимаетъ собою территоріальныя измѣненія. Государства то лишаются какой-либо части своей территоріи, то присоединяютъ къ ней земли

иного государства. При территоріальныхъ измѣненіяхъ, какъ и при политическихъ, весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о вліяніи этихъ измѣненій на государство, какъ международную личность. По общему правилу государство остается тою же личностью, съ тѣми же правами и обязанностями, какія принадлежали ему до территоріальныхъ измѣненій. Правило это признано не только теоріей, но и практикой международныхъ отношеній XIX вѣка.

Пруссія по тильзитскому миру 1807 г. лишилась цѣлой трети своихъ владѣній; однако, съ одной стороны, это не помѣшало ей остаться независимымъ государствомъ и королевствомъ, а съ другой — не освободило ее отъ обязательствъ, заключенныхъ ею до мира. Королевство Саксонское потеряло въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ половину своихъ владѣній; Австрія потеряла свои богатѣйшія провинціи Ломбардію и Венецію; первую въ 1832 году, вторую въ 1866 году. Значительныя территоріальныя измѣненія потерпѣла Турція по берлинскому договору въ 1878 году и другія государства Балканскаго полуострова.

Утрачиваются государствами территоріи или вслѣдствіе внѣшней несчастной войны или путемъ внутренней, междоусобной. Въ первомъ случаѣ территорія переходитъ къ побѣдившему государству, во второмъ отдѣлившаяся территорія или образуетъ новое государство или присоединяется къ одному изъ существующихъ.

При переходѣ территорій отъ одного государства къ другому весьма важное значеніе имѣетъ вопросъ о томъ, переходятъ ли вмѣстѣ съ территоріей права и обязанности одного государства къ другому и если переходятъ, то въ какихъ размѣрахъ. По общему правилу всѣ обязательства, специально лежавшія на утраченной или отдѣлившейся территоріи, переходятъ къ новому государству. Обязательства эти могутъ быть раздѣлены на мѣстныя и личныя. Мѣстными обязательствами называются такія, которыя прикрѣплены къ самой отходящей территоріи, которыя возникаютъ, на примѣръ, изъ частно-правовыхъ владѣній прежняго государства въ данной мѣстности. Когда, на примѣръ, Германія по Франкфуртскому трактату приняла на себя всѣ желѣзныя дороги въ Эльзасѣ-Лотарингіи, то она приняла вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ лежавшія на нихъ долговыя обязательства.

Подъ личными обязательствами разумѣются такія обязательства, въ силу которыхъ населеніе утраченной территоріи можетъ требовать отъ новаго государства соблюденія тѣхъ своихъ правъ, которыми оно пользовалось въ старомъ государствѣ. Эти обязательства не имѣютъ большого значенія: государства соблюдаютъ ихъ обыкновенно только въ томъ случаѣ, если они не противорѣчатъ интересамъ народа.

Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ вопросъ о томъ, должны ли утраченныя или отдѣлившіяся области участвовать въ уплатѣ общаго государственнаго долга своего прежняго отечества или нѣтъ. Обра-

щаясь къ трактатамъ, заключавшимся по поводу территоріальныхъ измѣненій, слѣдуетъ замѣтить, что они въ этомъ отношеніи колеблются, хотя замѣчается болѣе рѣшительная тенденція въ пользу уплаты.

Нельзя не признать передоженіе части государственнаго долга на отходящую территорію вполне справедливымъ, такъ какъ утраченная или отдѣлившаяся область несомнѣнно пользовалась выгодами этого долга до отдѣленія. Бельгія въ 1830 году при отдѣленіи отъ Голландіи обязалась выдавать ей ежегодно по пяти милліоновъ франковъ на уплату государственнаго долга, накопившагося за періодъ времени отъ Вѣнскаго конгресса до 1830 года. Хотя сумма, которую обязалась уплачивать Бельгія, не велика, но важно уже то обстоятельство, что былъ признанъ принципъ участія отошедшей области въ уплатѣ общаго государственнаго долга прежняго государства. По Цюрихскому трактату Сардинія обязалась уплатить часть Австро-Ломбардскаго долга, потому что къ ней была присоединена Ломбардія — богатѣйшая провинція Австрійской монархіи. По Берлинскому трактату Болгарія, Сербія и Черногорія обязались уплатить часть турецкаго долга.

Однако нужно замѣтить, что возложеніе на отходящую территорію части государственнаго долга справедливо въ томъ только случаѣ, если она пользовалась выгодами общаго государственнаго долга.

Вопросъ о томъ, какія начала должны быть положены въ основаніе разверстки государственнаго долга, есть дѣло практическаго обсужденія. Юристы утверждаютъ, что при такой разверсткѣ должны быть приняты во вниманіе величина отходящей территоріи, ея экономическое благосостояніе, численность населенія и т. д. Мы съ своей стороны прибавимъ, что должна быть произведена по возможности оцѣнка той пользы, которую извлекла изъ общаго государственнаго долга отходящая область.

Иногда области переходятъ отъ одного правительства къ другому на извѣстныхъ условіяхъ. Условія эти заключаются государствомъ, приобретающимъ область, или съ государствомъ, отъ котораго эта область отходитъ, или съ ея населеніемъ. Условія эти заносятся въ трактаты по обычной терминологіи дипломатовъ на „вѣчныя времена“. Нарушеніе этихъ условій, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели, дѣлаетъ недействительнымъ право государства на приобретенную область, но ученіе новѣйшихъ писателей несогласно съ этимъ взглядомъ на условія соединительнаго акта. Профессоръ Мартенсъ слѣдующимъ образомъ аргументируетъ для оправданія нарушенія этихъ условій. Онъ указываетъ на то, что само населеніе своимъ поведеніемъ иногда даетъ законный поводъ для нарушенія названныхъ условій; кромѣ того все въ мірѣ подчинено закону развитія, не могутъ оставаться неизмѣнными никакіе законы и договоры; они должны соответствовать потребностямъ даннаго времени и общества, но общество развивается, развиваются и потребности его, такъ что, если бы законы оставались неизмѣнными, то они, очевидно, вызвали бы застой въ общественной

жизни. Нельзя отрицать вѣрности взгляда профессора Мартенса, — этотъ взглядъ справедливъ, какъ общее начало; спорять о тѣхъ конкретныхъ условіяхъ, при которыхъ правительства получаютъ право на измѣненіе договоровъ и присоединительныхъ актовъ.

Разбираемый нами вопросъ имѣетъ особое практическое значеніе для Россіи. По Ништадскому миру Швеція отдала Россіи Остзейскій край, но на условіяхъ, въ которыхъ выговаривались привиллегіи для дворянства и духовенства этого края.

Въ послѣднее время въ виду преобразованій, производимыхъ нашимъ правительствомъ въ этомъ краѣ, дворянство и духовенство, требуя неприкосновенности своихъ правъ и привиллегій, не разъ ссылались на постановленія этого древняго соединительнаго акта; на условіяхъ же было присоединено къ Россіи въ 1709 году великое княжество Финляндское.

Въ заключеніе ученія о территоріальныхъ измѣненіяхъ, мы скажемъ нѣсколько словъ вообще о завоеваніяхъ.

Казалось бы, что цивилизованнымъ государствамъ пора отказаться отъ завоеваній; въ наше время не должны происходить насильственные переходы цѣлыхъ областей отъ одного государства къ другому; такіе переходы могутъ допускаться только въ томъ случаѣ, если они добровольны, т. е. совершаются съ согласія населенія области. Противъ этого возражаютъ обыкновенно, что прекращеніе завоеваній не мыслимо, такъ какъ оно тѣсно связано съ исчезновеніемъ войны, а объ этомъ-де мы можемъ только мечтать. Требовать прекращенія завоеваній, не уничтожая войны, это значитъ, господствующему мнѣнію, требовать уничтоженія слѣдствій, не требуя уничтоженія причины.

Вопросъ весьма важный и сложный, но мы не можемъ по недостатку времени разобрать его, какъ онъ того заслуживаетъ, но не можемъ совершенно и умолчать о немъ. Нельзя согласиться съ тѣмъ общепринятымъ взглядомъ, что насильственный переходъ земель отъ одного государства къ другому непрерывно связанъ съ войною. Говорятъ, что пока существуетъ война, необходимо должно быть и вознагражденіе побѣдителю въ видѣ завоеваній. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ необходимости вознагражденія побѣдившему государству. Но нельзя ли найти другихъ способовъ вознагражденія помимо отнятія областей? Мы съ своей стороны можемъ предложить вѣсто отнятія области временное владѣніе ею. Сроку этого владѣнія долженъ быть таковъ, чтобы въ теченіе его побѣдившее государство могло вознаграждать себя за расходы по веденію войны. Расходы эти вполне можно исчислить, но при этомъ надо принимать въ разсчетъ только прямые расходы, прямо относящіеся къ войнѣ, а не косвенные. Расходы должны опредѣляться не самимъ побѣдившимъ государствомъ, а третейскимъ судомъ изъ представителей нейтральныхъ государствъ. По удовлетвореніи претензій побѣдителя, область, если пожелаетъ, мо-

жетъ возвратиться къ своему старому отечеству. Какъ просто были бы рѣшенъ вопросъ относительно Эльзась-Лотарингіи, если были приняты изложенныя нами начала. Что касается правъ присоединяемой на время области, то они должны быть опредѣлены на основаніи общихъ правилъ о территориальныхъ измѣненіяхъ. Ограниченіе правъ населенія присоединяемой области во всякомъ случаѣ должно производиться законодательнымъ путемъ, причемъ должно сообразоваться не только съ интересами государства, присоединяющаго область, но и съ интересами населенія этой области, такъ какъ оно не мертвая масса, не инвентаръ и пользуется международною охраною подобно всему остальному человечеству.

Прекращеніе существованія государствъ.

Въ этомъ параграфѣ намъ слѣдуетъ рассмотретьъ вопросъ о прекращеніи бытія государства и о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя оно влечетъ за собою.

Прежде всего мы должны указать тѣ способы, которыми прекращается жизнь государственнаго организма. Мы не будемъ останавливаться на элементарныхъ явленіяхъ изъ этой области, такъ какъ они въ наше время почти совершенно невозможны, хотя о нихъ и упоминаютъ нѣкоторые интернационалисты (Гейкенъ, Гарейсъ). Такъ напри- мѣръ, существованіе государства прекратится, если его территория будетъ затоплена: это, напри- мѣръ, можетъ случиться тогда, если государство расположено на островѣ. Тоже самое произойдетъ, если вымретъ все населеніе или будетъ уничтожено непріателемъ, или уведено въ плѣнъ, какъ это слѣдвало, напр., ассирияне по отношенію къ евреямъ. Наконецъ, государственная организація можетъ распасться путемъ анархіи. Всѣ указаные способы смерти государства, за исключеніемъ развѣ послѣдняго, совершенно немислимы въ наше время среди цивилизованныхъ народовъ.

Теперь намъ слѣдуетъ рассмотретьъ тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собою смерть государства, и главнымъ образомъ вопросъ о томъ, существуетъ ли преемство или наслѣдованіе въ отношеніи государствъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣсколькими ученіями. Гарейсъ отвергаетъ преемство, какъ общее правило. Оно, по его мнѣнію, нарушаетъ суверенитетъ государствъ. „Нельзя“, говоритъ онъ; „заставлять государства принимать на себя обязательства, которыя могутъ даже противорѣчить ихъ интересамъ. Другое дѣло, если государство соглашается на преемство, тогда на него переходятъ не только права, но и обязанности, лежащія на исчезнувшемъ государствѣ“.

Теорія эта несостоятельна, такъ какъ основаніе преемства лежитъ въ международномъ правѣ, а международное право преслѣдуетъ интересы не одного какого-либо государства, а всѣхъ государствъ, всего международного союза.

Ривье отличаетъ частно-правовыя отношенія отъ публично-правовыхъ. Первые переходятъ на преемника. Ко вторымъ онъ относитъ: а) договоры о дружбѣ, судоходствѣ, выдачѣ преступниковъ и т. д. Всѣ принадлежащія къ этой группѣ юридическія отношенія государства, предполагающія продолженіе его существованія, исчезаютъ вмѣстѣ съ его политической личностью; б) другія публично-правовыя же отношенія тѣсно связаны съ самой территоріею. Къ нимъ относятся международныя повинности, лежащія на территоріи, акты объ опредѣленіи границъ и проч; всѣ подобнаго рода юридическія отношенія переходятъ на новое государство.

И дѣйствительно, возможно ли, чтобы государство исчезло цѣлкомъ безъ всякаго слѣда? Оно исчезаетъ, какъ политическая международная личность, но его основные элементы остаются и переходятъ на другое государство, наслѣдующее ему. Тутъ повторяется великій космическій законъ, что въ природѣ ничего не пропадаетъ, что матерія остается, измѣняются только ея формы. Вотъ почему намъ кажется наиболѣе правильнымъ взглядъ Мартенса. Всѣ международныя права и обязанности, по его ученію, лежавшія на умершемъ государствѣ, должны переходить къ его преемникамъ. Но это преемство не вліяетъ на наслѣдующее государство, какъ на международную личность; оно остается тѣмъ же субъектомъ международного права; ему долженъ принадлежать только одинъ голосъ при рѣшеніи международныхъ вопросовъ. Затѣмъ наслѣдующее государство принимаетъ на себя всѣ обязательства умершаго безъ соображенія актива наслѣдства съ его пассивомъ. Это послѣднее обстоятельство рѣзко отличаетъ наслѣдованіе по международному праву отъ наслѣдованія по гражданскому.

Все наслѣдство Мартенсъ дѣлитъ на: а) обязательства и трактаты и б) публичныя имущества (пути сообщенія, общественныя учрежденія и т. д.), имущества фиска или государственныя имущества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (капиталы, домены и т. д.)

Трактаты и обязательства переходятъ на слѣдующее государство всѣ безъ исключенія. Публичныя имущества также передаются по наслѣдству, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что новое государство можетъ пользоваться ими только въ духѣ и направленіи стараго. Наконецъ, государственныя имущества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, переходятъ въ полную собственность новаго государства и оно можетъ пользоваться ими по своему собственному усмотрѣнію.

Практика международныхъ отношеній, вопреки теоріи Гарейса, постоянно признавала и признаетъ преемство между государствами. Когда итальянскій король прекратилъ существованіе Папской области въ 1866 г., онъ принялъ на себя всѣ обязательства, заключенныя папою, какъ свѣтскимъ государемъ.

Если существуетъ преемство между физическими и юридическими лицами въ гражданскомъ правѣ, то оно должно существовать

и по отношенію къ международнымъ личностямъ въ международномъ правѣ. Могутъ исчезать договоры и союзы, тѣсно связанные съ умершимъ государствомъ, какъ политическою личностью, но всѣ остальные договоры и обязательства переходятъ на новое государство.

Если государство достается нѣсколькимъ преемникамъ, то дѣлается разверстка правъ и обязательствъ исчезнушаго государства на основаніи общихъ юридическихъ началъ. Основное правило при разверсткѣ таково: сначала дѣлать главное, потомъ второстепенное; затѣмъ принимается во вниманіе величина присоединяемой области, количество населенія, его податная способность и т. д.

Когда въ 1797 году былъ положенъ конецъ существованію Польши, какъ самостоятельнаго государства, произошла разверстка ея между Россіей, Австріей и Пруссіей. Въ 1815 г. отошла къ Россіи и осталая часть Польши (герцогство Варшавское).

Ученіе о международныхъ договорахъ *).

До сихъ поръ мы говорили о субъектахъ и объектахъ международного права въ отдѣльности. Юридическія отношенія устанавливаются между ними посредствомъ договоровъ или обязательствъ, къ которымъ мы теперь и обращаемся. Международныя обязательства облекаются большею частію въ форму трактатовъ. Трактатъ есть договоръ, заключаемый между отдѣльными государствами для опредѣленія ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. *Ducum vel plarium in idem consensus*. Въ этомъ отдѣлѣ международное право наиболѣе соприкасается съ частнымъ, и общія начала послѣдняго относительно обязательствъ приложимы и къ нашему предмету, конечно, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ различій, вытекающихъ уже изъ самой природы международного права. На такое различіе намъ слѣдуетъ уже указать при самомъ началѣ. Ученіе о трактатахъ соотвѣтствуетъ ученію о договорахъ въ гражданскомъ правѣ. Но послѣдніе получаютъ свою высшую санкцію въ законѣ извѣстнаго государства. Этого положительнаго авторитета въ международномъ правѣ нѣтъ. Откуда же беретъ начало обязательная сила международныхъ договоровъ. Контрагенты здѣсь—юридическія личности вполне другъ отъ друга независимыя и не признающія надъ собою никакого положительнаго закона. Писатели далеко несогласны между собою относительно этого важнаго пункта: одни выводятъ обязательную силу договоровъ изъ требованій пользы (Бентамъ), другіе—изъ предписаній разума (какъ его постулатъ, Кантъ). Но понятіе о „пользѣ“ слишкомъ эластично;—о „разумѣ“ же очень

*) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen 1874. Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge 1880. Laghi. Teoria dei trattati internazionali Thl. I. Общее учение о трактатахъ 1892. Unger. Ueber die Gultigkeit von Staatsverträgen (Grunhut's Zeitschr. B. VI. S. 349).

отвлеченно и допустимо развѣ въ области чистаго умоузнанія. Гефтеръ основываетъ обязательную силу договоромъ на добровольномъ согласіи контрагентовъ: ein Vertrag an sich setzt nur durch die Einheit des Willens ein Recht и прибавляетъ: folglich auch nur so lange diese Einheit dauert.

Но и это мнѣніе не вѣрно: оно даетъ объективнымъ началомъ международного права слишкомъ тѣсное, субъективное основаніе: одна свобода воли, говоритъ Блюнчли, не дѣлаетъ еще договоры обязательными на томъ основаніи, что тогда всякій актъ воли создавалъ бы право (so müsste alles Gewollte Rechte sein). Если consensus творитъ обязательства, то всякое измѣненіе въ немъ, или dissensus разрушалъ бы ихъ.

Поэтому необходимо признать, что обязательная сила договоровъ вытекаетъ изъ верховнаго закона общежитія. Воля государствъ творитъ право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того юридическаго порядка (*gemeinsame Rechtsordnung*), который основывается не на произволѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ. Обязательность договоровъ вытекаетъ прямо и съ логическою необходимостью изъ основныхъ положеній права, обезпечивающаго мирное сожитіе народовъ. На этомъ основаніи уже древніе говорили:—*Pacta sunt servanda usu, Ein Mann ein Wort* и т. п.

Основные условія трактатовъ.

Основные условія международныхъ договоровъ касаются трехъ пунктовъ: 1) субъектовъ трактатовъ; 2) ихъ объектовъ или содержанія и 3), самой ихъ формы, какъ совершенія, такъ и утвержденія или ратификаціи.

1) Кто можетъ заключать международные договоры?

Очевидно отвѣтъ на этотъ одинъ: заключать трактаты могутъ только субъекты международного права или каждое государство отдѣльно и самостоятельно существующее. Государства полусамостоятельныя и вассальные только отчасти пользуются этимъ правомъ. Договоры главнаго государства (сюзерена) часто и для нихъ обязательны. Члены союзнаго государства обыкновенно лишены права заключать договоры: оно принадлежитъ союзу, но въ союзѣ государства каждый членъ въ этомъ отношеніи свободенъ, на сколько это однако не противорѣчитъ цѣлямъ цѣлаго союза. Въ первомъ отношеніи достаточно указать на штаты Сѣверо-Американскіе и на кантоны Швейцаріи по конституціи 48 года: во второмъ—на отдѣльныя нѣмецкія государства по союзному акту 1815 года. Иногда и государства вполне самостоятельныя ограничиваютъ себя въ свободѣ заключать трактаты: это бываетъ при союзахъ, опредѣляющихъ болѣе или менѣе тѣсно сферу ихъ политической дѣятельности.

Самостоятельность есть единственное условие компетенции для заключения трактата: все остальные условия, определяющие фактически государства, не изменяют ее: как напр., религия, форма правления, могущество и т. д. Уже Гроций доказывает, что в заключении трактатов могут действовать и государства нехристианския, а Ваттель говорит: *La loi naturelle seule regit les traités des nations; la difference de religion y est absolument étrangère.*

Но государства, как личности юридическия, нуждаются в представителях, которые уже действуют от имени: вопрос о том, кому непосредственно предоставляется власть заключать трактаты, решается по началам государственного, а не международного права. Общее положение здесь следующее: власть эта принадлежит только действительному представителю государства, кто бы он ни был, значить и узурпатору. В неограниченных монархиях это право принадлежит государю, в республиках — президенту, сенату или исполнительному совету. Трактат недействительный в этом отношении по началам государственного права, не действителен и в международной сфере. Поэтому мы должны обращаться каждый раз к конституции, известной страны, если желаем решить вопрос, кто в ней имеет право заключать договоры. В Северо-Американских штатах президент может только тогда заключать трактат, когда $\frac{2}{3}$ голосов в Сенате изъявят на то свое согласие. По современной конституции Германской империи (от 16 апреля 71-го г.) заключение трактатов предоставлено императору, но не иначе, как с согласия союзного совета и утверждения рейхстагом (*Zustimmung des Bundesraths und Genehmigung des Reichstags*). В конституционных монархиях трактаты, чтобы были действительны, должны быть контрасигнованы ответственным министром, иногда утверждены палатой.

В республиках главы исполнительной власти (президенту) принадлежит как бы неполная власть вступать в международные договоры. Для этого требуется предварительное согласие какого-либо органа законодательной власти (напримѣръ, сената).

Некоторые конституции требуют утверждения палат для трактатов, возлагающих на государство финансовые обязательства, или требующих уступки территорий, а для остальных предписывают только сообщение их палатам.

Если требуется утверждение палат, договоры, заключенные без этого условия, не действительны не только с государственной, но и с международной точки зрения. Вопрос же о простом сообщении их палатам не имеет значения для их действительности. Но нет нужды, чтобы трактаты совпадали с внутренними законами государств. Они не делаются от этого не действительными, хотя суды лишаются возможности их прилагать, когда речь заходит, напримѣръ, о правах частных лиц. Государство, заключившее такой договор, может привлечь к ответственности лиц, сделавших это, но оно

остается ответственным предъ другим контрагентомъ. Верховный судъ Нью-Йорка высказалъ даже мысль, что трактатъ, не согласный съ известнымъ закономъ государства, равносильнъ отменѣ этого закона. Во всякомъ случаѣ, говоритъ Фиоре, для государства, заключающаго трактатъ, изъ послѣдняго тѣмъ самымъ вытекаетъ обязательность согласовать съ нимъ свои законы.

Иногда бываетъ, что отъ имени государства заключаетъ трактатъ лицо, не уполномоченное на это отъ своего отечества. По аналогіи римскаго права такое лицо называется *sponsor*, а обязательства, имъ заключаемые, *sponsiones*.

Такія *sponsiones* государство не обязываетъ до тѣхъ поръ, пока оно ихъ само не утвердитъ, но и *sponsor*, если только онъ дѣйствовалъ добросовѣстно и безъ злого умысла ни къ чему не обязывается: онъ можетъ лишь стараться о полученіи ратификаціи со стороны своего государства для вѣдѣнныхъ имъ переговоровъ, но, въ случаѣ неуспѣха, не подлежитъ ответственности. Въ Римѣ наоборотъ *sponsor* не утверждался, *sponsor* выдавался головою (*Регуль*). Въ критическія минуты такія *sponsiones* бывають необходимы: знаменитый примѣръ въ новѣйшей исторіи представляетъ конвенція генерала Йорка отъ 30-го декабря 1812 г., не только заключенная, но и приведенная въ исполненіе безъ полномочія. Прусскій корпусъ самовольно отдѣлился отъ главной арміи Франціи и занялъ нейтральныя квартиры. Чрезвычайныя обстоятельства вполне оправдали въ послѣдствіи умное распоряженіе Йорка.

Наконецъ трактаты получаютъ обязательную силу подобно договорамъ въ гражданскомъ правѣ только тогда, когда лица, ихъ заключающія, дѣйствовали свободно, а не подъ вліяніемъ принужденія, обмана или заблужденія. Но въ международной сфере вопросъ этотъ усложняется соблазномъ въ томъ, могутъ ли государства дѣйствовать подъ вліяніемъ принужденія, и на сколько тогда обязательны договоры? Фиоре отвѣчаетъ категорически: всякій договоръ, заключенный народомъ подъ вліяніемъ насилія, *eo ipso* не действителенъ. Мнѣніе это очевидно крайнее и очень опасное, потому что оно узаконяетъ войны и дѣлаетъ действительное ихъ окончаніе возможнымъ лишь подъ условіемъ полного пораженія противника. Все мирныя трактаты оно превращаетъ въ самыя неопредѣленныя и шаткія перемирія. Во второмъ изданіи своего международного права Фиоре однако говоритъ, что нравственное давленіе на государство (вслѣдствіе, напримѣръ, войны) не можетъ считаться основаніемъ для оспариваемости трактата, ибо въ действительности всегда будетъ трудно доказать, что нравственное насиліе съ одной стороны было непреодолимо и безъ достаточнаго юридическаго основанія, а съ другой — будто бы не было возможности ему противостоять. Въ этихъ случаяхъ справедливо говорили римляне: *quamvis coactus voluit, attamen voluit*. Иначе стали бы не мыслимы мирныя договоры между народами и войны оканчивались бы всегда совершеннымъ пораженіемъ или истребленіемъ слабѣйшей стороны.

Довольно темно и неопредѣленно рѣшаетъ этотъ вопросъ Гефтеръ: не всякое принужденіе, говоритъ онъ, и насиліе ведетъ къ не дѣйствительности договоровъ, но лишь такое насиліе, которое способно сломить самую сильную волю и прямо угрожаетъ физическому или нравственному существованію государства, такъ что долгъ само-сохраненія вынуждаетъ его уступить.

Гораздо рѣзче и послѣдовательнѣе выражается Брюнчли: въ частномъ правѣ угроза и принужденіе уничтожаютъ силу договора, но въ международномъ—существуетъ предположеніе, что государства сами собою всегда дѣйствуютъ свободно, если только ихъ уполномоченные дѣйствуютъ лично свободно. Поэтому обязательны и тѣ договоры, которые заключило государство, принужденное къ тому войною или силою обстоятельствъ. Иногда самые коллегіальные органы верховной власти могутъ быть на столько въ состояніи несвободы, что трактаты, ими утвержденные, вслѣдствіе этого не дѣйствительны. Такъ польскій сеймъ, въ послѣдніе дни республики, долженъ былъ утверждать договоры въ то время, какъ войска окружали залы его засѣданій.

2. Другія условія дѣйствительности трактатовъ относятся къ ихъ объекту или содержанію. Гефтеръ называетъ это *jura causa* договоровъ. Предметомъ (*causa*) международныхъ обязательствъ можетъ быть все, что только принадлежитъ къ области международныхъ отношеній и оборотовъ. Само собою разумѣется, что каждое государство можетъ обязываться только относительно тѣхъ вещей и правъ, которыя состоятъ въ его власти и распоряженіи. Общее положеніе здѣсь состоитъ въ томъ, что трактатъ не можетъ заключать въ себѣ такихъ условій, которыя противны нравственности и справедливости. Какъ часть нравственности право не можетъ предписывать безнравственнаго. При этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что понятія народовъ о нравственности мѣняются и совершенствуются по мѣрѣ ихъ развитія. Служа конкретнымъ выраженіемъ юридическихъ истинъ въ извѣстной эпохѣ, трактаты уже по этому вслѣдствіе чисто внутренней причины должны смѣняться. По воззрѣніямъ современнаго человѣчества не дѣйствительными слѣдуетъ признать трактаты, которые захотѣли бы узаконить невольничество, осужденное уже почти всѣми государствами; b) или которые объявили бы безправными иностранцевъ; c) хотѣли бы воспрепятствовать свободнымъ сношеніемъ народовъ между собою по международной территоріи, т. е. ограничить принципъ свободы морей и международныхъ рѣкъ; d) не дѣйствительны трактаты, стѣсняющіе свободу вѣроисповѣданій, какъ она признана на вестфальскомъ и вѣнскомъ конгрессахъ, или узаконяющіе религиозное преслѣдованіе; e) трактаты, имѣющіе цѣлю универсальное владычество извѣстнаго государства; f) вообще нарушающіе права третьей стороны или направленные къ порабоженію другого государства, способнаго къ жизни. Новый договоръ не долженъ противорѣчить старому, еще неотмѣненному. Наконецъ, все договоры заключаются въ предположеніи знаменитой оговорки: *rebus sic stantibus*.

Это—одинъ изъ самыхъ темныхъ и щекотливыхъ вопросовъ договорнаго права. Трактаты обыкновенно заключаются на вѣчныя времена. Но это—пустая и опасная фраза. Противорѣчіе уже скрывается въ прилагательномъ „вѣчный“, приложенномъ къ слову „время“. Какъ историческія формы проявленія права, договоры, по самой своей природѣ, вѣчными быть не могутъ. Государства обязываются договорами въ виду извѣстныхъ государственныхъ цѣлей, и договоры обязательны, когда они согласны съ послѣдними. Поэтому, существенное измѣненіе во взаимномъ положеніи сторонъ прекращаетъ между ними трактаты; исполненіе которыхъ является не возможнымъ или опаснымъ.

Австрія отказалась отъ конкордата 1855 г. вслѣдствіе превозглашенія папою Піемъ IX въ 1870 г. догмата о непогрѣшимости римскаго первосвященника.

Поэтому „на вѣчныя времена“ въ сущности должно обозначать: пока времена и обстоятельства существенно не измѣнились. Каждый договоръ заключается при извѣстныхъ условіяхъ, измѣненіе въ которыхъ естественно ведетъ къ измѣненію, прямо или косвенно, самого договора. Вотъ смыслъ оговорки: *rebus sic stantibus*.

Исчислить всѣ частные случаи, когда *rebus mutatis*, договоры измѣняются, невозможно: здѣсь требуется прежде всего *bona fides*, ибо невѣрность даннымъ обѣщаніямъ чрезвычайно подрываетъ кредитъ государства. Даже отжившія формы договоровъ, говоритъ Бернеръ, заслуживаютъ того уваженія, которое оказывается высокому покойнику. Иногда договоры становятся невыносимыми, вслѣдствіе происшедшихъ перемѣнъ въ конституціи. Тутъ государственное право приходитъ въ столкновеніе съ международнымъ. Какъ поступить въ такихъ случаяхъ? Требовать, чтобы договоры абсолютно задерживали политическую жизнь народовъ, невозможно. Въ случаѣ ихъ коллизіи съ основными государственными законами они дѣлаются невыполнимыми. Обязательная сила договоровъ, говоритъ Брюнчли, должна однако уступить основному праву государства на его существованіе и необходимое развитіе. Въ прусскомъ манифестѣ 9 октября 1806 г. эта мысль выражена такъ: *Vor allen Tractaten haben die Nationen ihre Rechte*.

3. Переходимъ теперь къ формамъ совершенія договоровъ и рассмотримъ этотъ вопросъ сперва съ внутренней, а потомъ съ внѣшней стороны.

a) Для того чтобы договоръ вступилъ въ силу, былъ совершенъ, требуется два основныхъ условія: 1, намѣреніе одной стороны, ясно выраженное, принять на себя извѣстное обязательство по такому то или такому предмету; и 2, другая сторона должна также ясно и несомнѣнно принять обѣщаніе первой.

Изъ этихъ двухъ основоположеній легко вывести дальнѣйшія послѣдствія: всякое одностороннее обѣщаніе (*pollicitatio*) не даетъ еще другой сторонѣ право требовать исполненія этого обѣщанія, даже если бы обѣщаніе было дано торжественнымъ образомъ и уже при-

ступленно отчасти къ его выполнению. Иногда до заключенія самого договора стороны опредѣляютъ въ предварительномъ соглашеніи основанія, на которыхъ онѣ хотятъ заключить этотъ договоръ (*partum de contrahendo*). Это есть обѣщаніе. Вообще, покуда договоръ находится въ формѣ предварительныхъ совѣщаній, онъ не имѣетъ никакой юридической обязательности. Договоръ не возникаетъ еще также въ томъ случаѣ, если идутъ только предварительные переговоры, хотя и приведшіе уже къ соглашенію сторонъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ. Если въ трактатѣ нѣсколько постановленій главныхъ и дополнительныхъ, между собою связанныхъ—и отдѣльныхъ, необходима заключительная декларация или протоколъ, констатирующие согласіе сторонъ на счетъ всего договора.

Молчаніе одной стороны при извѣстныхъ дѣйствіяхъ другой также не выражаетъ еще формальнаго согласія первой и не можетъ считаться договоромъ, ибо молчаніе въ юридическомъ отношеніи обозначаетъ только склонность, готовность къ чему-либо, но никакъ не твердое намѣреніе, которое одно, если ясно выражено, даетъ начало договорамъ. Наконецъ, и такъ называемые предположительные договоры или презумптивные конвенціи—когда одна сторона дѣйствуетъ на основаніи какого-либо юридическаго принципа, предполагая, что и другая сторона будетъ дѣйствовать согласно съ этимъ принципомъ—не создаютъ договоръ въ прямомъ смыслѣ, но остаются въ области факта. Словомъ, пока обѣ стороны явно и формально не выразили свою волю, договоры обязательной силы не имѣютъ.

Договоры совершаются уполномоченными государствами, дѣйствующими по инструкціямъ своихъ правительствъ. Но они вступаютъ въ силу лишь съ момента ихъ торжественнаго утвержденія (ратификаціи) верховною властію. Въ ратификаціи лежитъ окончательная проверка договора. Вопросъ о ней имѣетъ огромное не только юридическое, но и политическое значеніе и не мало занималъ публицистовъ. Впрочемъ, мнѣніе послѣднихъ о ней довольно разнообразно.

Въ гражданскомъ правѣ дѣйствія повѣреннаго въ предѣлахъ его довѣренности обязательны для вѣрителя. Но эта аналогія не приложима къ международному праву, гдѣ дѣло идетъ не о частныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ, а великихъ вопросахъ государственной жизни. Гроціи дѣлаетъ различіе между тайными инструкціями (*arcana mandata*) и явными (*instrumentum procuratorium*). Государь обязанъ подтвердить то, что совершено его уполномоченнымъ согласно съ его явными инструкціями. Ваттель того мнѣнія, что въ международныхъ дѣлахъ весьма опасно давать кому бы то ни было безграничныя полномочія и что въ силу этого договоры не дѣйствительны до ратификаціи, но что отказъ въ ней необходимо предполагаетъ самыя серьезныя основанія. Мартенсъ (петербургскій профессоръ) допускаетъ, что для обязательности договора ратификація настолько же необходима, насколько необходима санкція для закона. Но едва-ли можно съ нимъ

согласиться, когда онъ далѣе утверждаетъ, что въ исключительныхъ случаяхъ право ратификаціи можетъ быть поручено извѣстнымъ лицамъ, или особымъ повѣреннымъ. Такъ, напримѣръ, во время войны главнокомандующему дается иногда полномочіе не только на самостоятельное заключеніе картелей, но предварительнаго мира, даже право привести предположенные мирныя условія въ исполненіе, не дожидаясь утвержденія государя.

Кромѣ того, санкція договоровъ ввѣряется иногда управителямъ дальнихъ и пограничныхъ провинцій (у насъ туркестанскій генералъ-губернаторъ пользуется этимъ правомъ въ отношеніи договоровъ съ средне-азиатскими властями, а въ Англіи вице-король Остъ Индіи). Нѣтъ надобности въ ратификаціи, когда въ неограниченныхъ монархіяхъ государя сами непосредственно заключаютъ другъ съ другомъ договоръ. (Въ этой формѣ заключили между собой весьма важный оборонительный и наступательный союзъ Екатерина II и Іосифъ II, обмѣнявшись письмами въ 1781 г.).

Виттонъ допускаетъ отказъ въ ратификаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда уполномоченные не дѣйствовали согласно съ своими предписаніями и кромѣ того, когда 1, выполненіе договора невозможно по физическимъ или нравственнымъ причинамъ; 2, когда окажется такое заблужденіе, что договоръ самъ по себѣ можетъ считаться не состоявшимся и 3, когда между заключеніемъ договора и его ратификаціею совершаются важныя перемѣны въ обстоятельствахъ. Гефтеръ считаетъ ратификацію простымъ подтвержденіемъ того, что уполномоченный не переступалъ данныхъ ему инструкцій. Отказъ въ ратификаціи, даже если послѣдняя уже послѣдовала отъ одной стороны, подрываетъ кредитъ такъ поступающаго государства, но составляетъ въ сущности не правонарушеніе, а просто не совсѣмъ ловкій поступокъ (*eine Incorrectheit*). Отказъ въ ратификаціи по Мартенсу, необходимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, когда уполномоченные, предписавшіе договоръ, превысили свои полномочія; 2, когда окажется, что предписание его было результатомъ насилія надъ волей уполномоченныхъ лицъ или состоялось вслѣдствіе ихъ обмана или ошибки; 3, когда компетентное государственное учрежденіе (парламентъ, конгрессъ, государственныя совѣты) не дастъ согласія на принятіе договора. При этомъ вполне софистично его мнѣніе, что если верховная власть утвердитъ договоръ безъ спроса такого компетентнаго учрежденія, то другой контрагентъ имѣетъ право требовать его исполненія; 4, когда произошло существенное измѣненіе въ обстоятельствахъ, при которыхъ договоръ подписанъ (напримѣръ, лишеніе престола государя, отъ имени котораго велись переговоры, уничтоженіе самаго предмета договора и т. п.).

Причины отказа хорошо перечисляются, какъ мы видѣли у Виттона и Вурма, но ихъ можно привести къ тому общему началу, что договоры, заключенные къ явному вреду государства, могутъ быть спра-

ведливо лишаемы ратификаціи. Что касается до значенія ратификаціи, то лишь она сообщаетъ вполне законную силу трактату. Но обыкновенно обязательность договора начинается съ момента его подписанія уполномоченными, а не утвержденія его верховною властью *Ratihabitio retro trahitur ad initium negotii*. Этому мнѣнію держатся большинство публицистовъ: Гефтеръ, Виттонъ, Бернеръ и Блюнчли. Положеніе это, говоритъ послѣдній, вытекаетъ изъ того соображенія, что обыкновенно всѣ отношенія контрагентовъ опредѣляются уже къ моменту подписанія договора, а обмѣнъ ратификацій слѣдуетъ позже и не въ одно время. Капустинъ держится противоположнаго мнѣнія: если не существуетъ специальныхъ условій, говоритъ онъ, то каждое государство имѣетъ право считать трактатъ обязательнымъ для себя только съ того времени и въ той формѣ, въ какой онъ ратификованъ верховною властью. Также говоритъ Маргенсъ: до своего утвержденія международный договоръ есть не болѣе, какъ проектъ обязательства или простое обѣщаніе, не имѣющее юридической силы, и поэтому его дѣйствіе должно начинаться только съ момента ратификаціи. Этому мнѣнію держится и Фиоре. Стороны могутъ признать договоръ обязательнымъ и съ момента его подписанія.

Практика также колеблется между этими двумя мнѣніями, болѣе, однако, придерживаясь перваго. Въ 1 ой статьѣ парижскаго трактата 1856 г. сказано: *Il y aura, à dater du jour de l'échange des ratifications du présent traité, paix et amitié etc.* Тоже самое встрѣчаемъ въ базельскомъ мирѣ 1795 г. Напротивъ въ конвенціи Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи съ Турціею отъ 15-го іюля 1840 г. для спасенія послѣдней отъ Магмета-Али, въ особомъ протоколѣ четырехъ державъ сказано, что всѣ мѣры, обозначенныя во 2-й статьѣ конвенціи, должны быть приведены въ исполненіе немедленно, не дожидаясь ратификаціи. Эти мѣры состояли въ движеніи войскъ и флотовъ для защиты Константинополя.

в) Съ внѣшней стороны относительно формы совершенія трактатовъ должно замѣтить слѣдующее: международные договоры могутъ быть совершены въ любой формѣ, ясно выражающей волю контрагентовъ. Обыкновенно письменная форма предпочитается и надо сказать, что она наиболѣе удобная. Пейронъ и Шмальцъ требуютъ ее даже безусловно, но съ этимъ не согласуются практика и большинство писателей по нашему предмету. Мартенсъ говоритъ, что словесная форма вполне возможна для международныхъ договоровъ, но конституціонные порядки въ современныхъ государствахъ мало для нея благоприятны. Одно изъ внѣшнихъ формальныхъ условій состоитъ въ провѣркѣ полномочій лицъ, которымъ поручено вести переговоры.

Въ прежнія времена договоры получали свою обязательную силу не сами по себѣ, а отъ религіи. Они ставились подъ особое покровительство боговъ. Этотъ обычай сохранился до сихъ поръ въ томъ отношеніи, что практика обыкновенно начинается словами: „Во имя

святой и нераздѣльной Троицы“, а если заключаются съ мусульманами— словами: „Во имя Всемогущаго Бога“. Затѣмъ во введеніи обозначаются имена государей, вступающихъ въ договоръ и уполномоченныхъ, заключающихъ его. Самый *corpus scripturae* излагается по статьямъ: сначала идутъ общія обязательства, потомъ частныя, средства исполненія, обезпеченія и т. п. Статьи обозначаются числами. Наконецъ, слѣдуютъ подписи уполномоченныхъ, къ которымъ въ послѣдствіи присоединяются ратификаціи.

Послѣ общихъ статей помѣщаются иногда статьи отдѣльныя, и секретныя. Послѣднія не допускаются по американскому законодательству. Всѣ международные договоры пишутся въ настоящее время на французскомъ языкѣ.

Актъ договора копируется въ нѣсколькихъ экземплярахъ, *instruments*, по числу договаривающихся сторонъ. При означеніи имени государей и ихъ уполномоченныхъ всегда держатся начала альтерната. Для обязательной силы договора не требуется его обнародованіе, хотя опубликованные трактаты скорѣе выполняются, чѣмъ тайные.

Въ конституціонныхъ государствахъ договоры не подлежатъ публикаціи ранѣе утвержденія ихъ палатами. У насъ всѣ трактаты публикуются во всеобщее свѣдѣніе Правительствующимъ Сенатомъ точно такъ же, какъ законы Высочайше утвержденныя мнѣніемъ Государственнаго Совѣта. Секретныя статьи и договоры не публикуются, но и они должны быть сообщены всѣмъ лицамъ и мѣстамъ, которыхъ могутъ касаться.

3. Обезпеченіе трактатовъ.

Во внѣшней формѣ происхожденія трактата лежитъ принципъ договорный, который вообще не чуждъ всякаго рода государственнымъ актамъ, но по своей внутренней силѣ, по своему приложенію и послѣдствіямъ, трактатъ имѣетъ характеръ закона: онъ есть конкретное выраженіе общихъ началъ международного права, выработанныхъ цивилизаціею извѣстной эпохи.

Хотя простой, безыскусственный голосъ совѣсти предписываетъ даже необразованному человѣку свято блюсти разъ данное слово, *pacta sunt servanda* и *fides etiam hosti servanda*, но сильныя политическіе интересы весьма часто побуждаютъ государство къ нарушенію заключенныхъ ими договоровъ. Поэтому съ давнихъ поръ практика старалась обезпечить договоры различными способами. Исчислимъ вкратцѣ главнѣйшіе изъ нихъ:

1. Присяга государей была обыкновеннымъ способомъ обезпеченія трактатовъ въ средніе вѣка и въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Такъ присягою были подтверждены мадридскій договоръ между Францискомъ I и Карломъ V 1526 г.; миръ въ Каморе 1529 г.; въ Шато-

Камбрези 1559 г.; мюнстерскій—1648 г.; пиринейскій—1659 г.; рейсвикскій—1697 г. и т. д. Послѣдній примѣръ такой присяги мы встрѣчаемъ въ 1777 по поводу трактата между Франціей и Швейцаріей въ Солотурнѣ. Значеніе присяги въ средніе вѣка сильно было поколеблено папами, присвоившими себѣ право освобождать отъ нея государей и нерѣдко за деньги. Такъ Юлій II освободилъ отъ присяги Фердинанда Католика. Левъ X и Климентъ VII дозволили Франциску I нарушить мадридскій договоръ. Это заставило многихъ государей оговариваться, что они не будутъ обращаться къ папамъ съ просьбами объ освобожденіи ихъ отъ присяги. Впрочемъ присяга не придаетъ договорамъ собственно юридическаго освященія и безъ нея они одинаково обязательны для контрагентовъ. Какъ чисто религіозный обрядъ, присяга можетъ связывать только лица, которые ее принесли, но не государство, какъ юридическую личность.

2. Закладъ и залогъ (оккупация) чаще всего употребляются при трактатахъ денежныхъ. Заклады вещей (движимости) съ цѣлью обезпечить исполненіе договора встрѣчались рѣдко (закладъ Польшею своихъ коронныхъ брилліантовъ Пруссіи). Залогъ же состоитъ въ занятіи войсками одного государства части территории другого, пока послѣднее не исполнитъ своего обязательства. Обычай давать залогъ съ теченіемъ времени вывелся, потому что государства не допускали овладѣнія заложенною провинціею въ случаѣ неисполненія обязательствъ. Одинъ изъ послѣднихъ примѣровъ залога между государствами представляетъ Пруссія въ 1808 г.: она отдала Франціи свои крѣпости Штенинъ, Кюстринъ и Глогау въ обезпеченіе уплаты 140 милліоновъ франковъ.

Часто правительства предоставляютъ частнымъ лицамъ, своимъ кредиторамъ въ видѣ залога тотъ или другой источникъ государственныхъ доходовъ, обезпечивающій исправное погашеніе займа и уплату %. Такими залогами пользуются, напримѣръ, англійскіе и французскіе кредиторы Турціи и Египта.

Юридическія отношенія между государствами—залогодателемъ и залогодержателемъ не вполне подходятъ подъ понятіе о залогѣ въ гражданскомъ правѣ. Различіе выражается какъ въ предметѣ, такъ и дѣйствиіи этого рода обязательствъ. Предметомъ международнаго залога является территория государства, а не частная собственность. Затѣмъ, тогда какъ въ частно правовыхъ отношеніяхъ просроченный залогъ обыкновенно подлежитъ продажѣ; въ отношеніяхъ международныхъ, въ случаѣ неисполненія обязательствъ, заложенная (занятая) территория присоединяется къ владѣніямъ оккупанта.

3. Заложники (otages, Seiseln) употреблялись также въ средніе вѣка и до XVIII столѣтія. Теперь же употребляются только въ военное время и въ отношеніяхъ съ полуобразованными народами. Послѣдній примѣръ ихъ относится къ 1748 г., когда въ обезпеченіе ахенскаго мира Англія отправила во Францію заложниками—лордовъ

Суссекса и Каткарта. Они жили въ Парижѣ совершенно свободно и черезъ годъ возвратились въ отечество. Въ заложники обыкновенно избирались высоко-поставленные лица. Они ограничиваются, въ время задержанія, въ своей личной свободѣ, но не отвѣчаютъ если отечество ихъ не выполнитъ договора, своимъ имуществомъ или же жизнію. Поэтому всякая строгость противъ нихъ неумѣстна. Если они умираютъ во время своего задержанія, отечество ихъ не обязано поставить новыхъ заложниковъ, ибо этого рода обезпеченіе договоровъ есть личное и съ самими личностями естественно прекращающееся.

Гарантіи трактатовъ; такъ называются особыя условія въ договорахъ, въ силу которыхъ одно государство принимаетъ на себя обязательство подать другому помощь въ случаѣ нарушенія гарантируемаго трактата. Вопросъ о гарантіяхъ весьма важенъ и сложенъ на практикѣ; онъ вызывалъ безчисленные споры и даже враждебныя столкновенія между государствами. Но до спеціальнаго его изученія мы должны сказать предварительно нѣсколько словъ о содѣйствіи третьихъ государствъ при заключеніи трактатовъ. Случаи такого содѣйствія или вступничества слѣдующіе: а) предложеніе добрыхъ услугъ (bona officia) для открытія переговоровъ между двумя сторонами или для окончанія ихъ и заключенія самаго договора. Эта форма вступничества особенно употребительна въ военное время, когда третье нейтральное государство предлагаетъ двумъ враждебнымъ державамъ возстановить между собою прежнія миролюбивыя отношенія и для этой цѣли беретъ на себя инициативу ихъ сближенія. Когда предлагающее свои услуги государство вступаетъ за одну изъ сторонъ и проситъ о болѣе выгодныхъ для послѣдней условіяхъ и т. д. Все это имѣетъ совершенно добровольный характеръ и не создаетъ никакихъ юридическихъ обязанностей ни для той или другой договаривающейся стороны, ни для государства, дѣлающаго предложеніе своихъ услугъ. Вообще, это предложеніе дѣлается, какъ по собственной волѣ нейтральнаго государства, такъ и по просьбѣ одной изъ договаривающихся сторонъ.

б) Посредничество (mediatio) создаетъ гораздо болѣе юридическихъ отношеній, чѣмъ первая форма вступничества. Оно состоитъ въ томъ, что третье государство по собственной инициативѣ или по приглашенію заинтересованныхъ сторонъ беретъ на себя участіе въ ихъ переговорахъ. Въ этомъ случаѣ посредникъ не ограничивается общимъ предложеніемъ своихъ услугъ, но выступаетъ съ собственными проектами и активно вліяетъ на весь ходъ переговоровъ. Но дѣятельность его исключительно мирнаго характера: средства насильственныя, угрозы для принужденія къ соглашенію онъ употреблять не можетъ. Такъ называемое вооруженное посредничество (каково было посредничество Англіи, Франціи и Россіи въ силу Лондонскаго трактата 6 іюля 1826 между Турціей и Греціей) есть уже вмѣшательство и первый шагъ къ открытію враждебныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, за

Лондонскимъ трактатомъ послѣдовалъ 20 октября 1827 г. бой Наваринскій.

с) Гарантія *), поручительство въ прямомъ смыслѣ. Поручительство основывается на сознаніи государствами солидарности своихъ интересовъ, въ виду которой они и принимаютъ на себя обязательство обезпечить отдѣльно или сообща исполненіе даннаго трактата, защитить право извѣстнаго народа или охранить извѣстное положеніе вещей (statu quo).

По существу своему гарантія есть дополнительный договоръ, и судьба его связана съ главнымъ. Однако, если гарантія вызвана интересами всего международного общенія, она является уже не дополнительнымъ договоромъ, а самостоятельнымъ актомъ. Въ средніе вѣка гарантія носила своеобразный, чисто-феодалный характеръ: договоры обезпечивались тѣмъ, что могущественные вассалы и подданные своими обѣщаніями подтверждали договоры, заключенные ихъ государями, и, въ случаѣ вѣроломства послѣднихъ, открыто противъ нихъ возмущались. Такіе вассалы назывались *conservatores pacis, warandi, garants*).

Теперь сами государства принимаютъ на себя обезпеченіе договоровъ. Хотя гарантія представляетъ высшую форму обезпеченія, которую можетъ получить трактатъ въ международной сферѣ, но исторія показываетъ намъ, что будучи въ свою очередь новымъ договоромъ, гарантія естественно подлежитъ той же шаткости и неопредѣленности, которыми вообще отличаются международные договоры. Уже Фридрихъ Великій говоритъ о ней *Toutes l'es garanties sont comme de l'ouvrage de filigrane, plus propres à satisfaire les yeux, qu'à être de quelque utilité*. Одинъ изъ знаменитыхъ примѣровъ непрочности гарантіи представляетъ прагматическая санкція Карла VI, принятая и утвержденная почти всѣми европейскими державами. Вопреки всѣмъ гарантіямъ Польша сдѣлалась жертвою многократныхъ раздробленій. Извѣстный семейный договоръ между французскими, испанскими и сицилійскими бурбонами 1761 г. не далъ первымъ помощь Испаніи и Сициліи и даже не удержалъ ихъ на престолѣ Франціи.

Главная причина непріятности гарантій заключается въ томъ, что интересы гарантирующаго государства съ теченіемъ времени мѣняются и во вторыхъ, въ томъ, что положеніе его независимо, и оно часто къ выполненію своихъ обязательствъ не можетъ быть принуждено. Нерѣдко обстоятельства такъ измѣняются, что при наступленіи *casus foederis* гарантировавшее государство отказываетъ въ своей помощи. Что дѣлать тогда заинтересованной сторонѣ? Объявить войну вѣроломному союзнику и вмѣсто одного врага получить двухъ? Поэтому гарантіи падаютъ сами собой, коль скоро исчезли интересы ихъ вызвавшіе. При существованіи, напротивъ, важныхъ интересовъ государства вступаютъ въ дѣло и безъ предварительныхъ гарантій. Собственно теорія о нихъ сводится къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ:

*) Berner Völkerrechtliche Garantie (Staatswörter Buch IV, 65).

1) Предметомъ гарантіи можетъ быть каждое юридическое отношеніе, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія дѣла государства. Исторія представляетъ намъ гарантіи мирныхъ трактатовъ (нимвегерскій—1679 г., рисвикскій—1697 г., ахенскій—1748 и мн. др.); трактатовъ, опредѣляющихъ границы извѣстныхъ государствъ (договоръ 21 мая 1855 г. между Франціей, Англіей, Швеціей и Норвегіей о нераздѣльности обѣихъ сѣверныхъ державъ) трактатовъ о престолонаслѣдіи (утрехтскій миръ 1713., договоры о престолонаслѣдіи въ Неаполѣ и Сициліи—1736 г., въ Австріи—1748, Испаніи 1808 г. и т. д.); трактатовъ объ устройствѣ государства (напр., гарантія германской конституціи 1647 г. со стороны Франціи и Швеціи,—польской—1875 г. со стороны Австріи, Пруссіи и Россіи,—конституціи германскаго союза 1815 г. со стороны всѣхъ державъ, подписавшихъ актъ Вѣнскаго конгресса).

Вообще конституція извѣстной страны можетъ быть предметомъ иностранной гарантіи въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ; а) когда одно государство гарантируетъ другому неприкосновенность его конституціи противъ третьей стороны. Нарушеніе конституціи послѣднею вызываетъ для гаранта право и обязанность интервенціи. б) Когда гарантія дается государю и народу вмѣстѣ противъ измѣненія конституціи собственно внутренними ея врагами, какъ въ 1-мъ случаѣ врагами внѣшними. Цѣль гарантіи заключается здѣсь въ противодѣйствіи какой нибудь отдѣльной антиконституціонной партіи. Но если конституція измѣняется по добровольному соглашенію государя съ народомъ—гарантія не даетъ права вмѣшательства. в) Когда государь обязывается предъ другою державою не измѣнять государственнаго строя своей страны. Нарушеніе этого обѣщанія даетъ, говорятъ, иностранному государству право вмѣшательства. Мы видимъ, даже въ нашемъ столѣтіи нѣсколько примѣровъ такихъ гарантій трона противъ угрожающихъ ему народныхъ движеній. Особенно итальянскіе государи думали утвердить свои престолы, поставивъ ихъ подъ гарантію австрійскаго абсолютизма; таковы напр., договоры между Наполеономъ и Австріей отъ 15 іюня 1815 г., между Тосканой и Австріей отъ 15 іюня того же года, между Моденой и Австріей отъ 24 декабря 1847 г. и др. Такіе договоры нелѣствительны *ipso jure* они причиняютъ бесполезное, ненужное униженіе для страны, принимающей гарантію. Въ минуту дѣйствительной опасности когда колеблется тронъ, конституція не поддержится иноземною гарантіею, а за то въ обыкновенное время послѣдняя даетъ иностранной державѣ оскорбительное право контролировать каждый шагъ страны, подчинившейся ея гарантіи, мѣшать ея свободному внутреннему развитію и результатомъ своимъ имѣетъ установленіе въ этой странѣ пагубнаго недовѣрія между правительствомъ и народомъ. Обязанность государя измѣнить конституцію своей страны во всякомъ случаѣ стоитъ выше его обязанности исполнить договоръ, создающей такую гарантію. Сводя все сказанное къ общему результату, мы должны измѣнить, что всѣ иноземныя гарантіи тѣхъ или другихъ консти-

тудй должны быть осуждены: слабыя государства черезъ это стан-
вятся жертвою иноземныхъ вмѣшательствъ и лишаются болѣе или
менѣе внутренней независимости, а государства сильныя не нуждаются въ гарантіяхъ, да и не задерживаются послѣдними въ свободномъ
проявленіи своей политической жизни.

2) Относительно самихъ контрагентовъ въ разсматриваемыхъ нами
договорахъ бываетъ два случая; либо сами контрагенты даютъ другъ
другу взаимную гарантію въ неприкосновенности ихъ постановленій
противъ третьихъ лицъ, либо третья, договору не причастная сторона
принимаетъ на себя гарантію извѣстнаго трактата и общаетъ даже
силою принудить къ его выполнению ту сторону, которая первая нару-
шить статьи этого трактата. Примѣръ гарантій перваго рода мы ви-
димъ въ мирномъ договорѣ Оливскомъ 1660 г., гдѣ всѣ договариваю-
щіяся стороны гарантировали другъ другу постановленія этого мира.
Ахенскій миръ 1748 г. взаимно гарантированъ 8-ю державами, его под-
писавшими и т. д. Напротивъ державы—посредственницы приняли на
себя гарантію Тешенскаго мира, заключеннаго въ 1779 г. между Ав-
стріей и Пруссіей. Блюнчли даетъ даже различное названіе обоимъ ви-
дамъ гарантій: первый видъ онъ называетъ *Garantiebeschluss*, второй
Bürgschaftsgarantie, и прибавляетъ, что въ первомъ случаѣ права и
обязанности гарантіи существуютъ самостоятельно для каждаго гаранта,
а во второмъ они поставлены въ зависимость отъ того государства,
въ пользу котораго дается гарантія.

3) Гарантіи проявляются обыкновенно въ двухъ формахъ: либо
условія о нихъ высказываются въ самомъ же главномъ договорѣ, опре-
дѣляющемъ права и обязанности контрагентовъ; тогда они составляютъ
прибавленіе къ инструменту договора; либо гарантіи излагаются въ
особомъ дополнительномъ договорѣ, имѣющемъ тогда характеръ акces-
сорнаго, добавочнаго. Первая форма примѣняется особенно тогда, ког-
да гарантію даютъ сами контрагенты взаимно другъ другу; если же она
(гарантія) дается третьимъ постороннимъ государствомъ, то возможны
одинаково обѣ формы. Иногда позднѣйшій договоръ, въ особой статьѣ
подтверждаетъ договоръ болѣе древній. Спрашивается, какъ относится
гарантія къ нимъ обоимъ, т. е. гарантія, данная позднѣйшему дого-
вору, простирается ли *eo ipso* и на древнѣйшій? Практически вопросъ
этотъ получилъ извѣстность по поводу гарантіи Тешенскаго мира
1779 г. Россією. Въ 12 ст. этого трактата включенъ Вестфальскій
миръ слѣдующею оговоркою; „возобновляются и подтверждаются
трактаты Вестфальскій, Бреславскій, Бершинскій и Дрезденскій такъ,
какъ бы они были внесены слово въ слово въ настоящий актъ“. На
этомъ основаніи Россія, по замѣчанію Капустина, признавала себя всег-
да защитницей и охранительницей не только мира Тешенскаго, но также
и Вестфальскаго. Мы также находимъ мнѣніе это правильнымъ, хотя
нѣмецкіе публицисты конца прошлаго столѣтія, а между новѣй-
шими Бернеръ и утверждаютъ, что оговорка, подобная нами приве-

денной, еще не дѣлаетъ древнѣйшій договоръ составною частью (*integri-
renden Bestandtheil*) новѣйшаго.

4) При опредѣленіи взаимоотношеній гаранта къ гарантируемому
надобно прежде всего заботиться о томъ, чтобы гарантія не уничто-
жала самостоятельности и свободы послѣдняго. Отсюда вытекаютъ
слѣдующія положенія; гарантъ (поручитель) можетъ дѣйствовать въ
пользу гарантируемаго не иначе, какъ по его приглашенію и въ предѣ-
лахъ, дозволяемыхъ международнымъ правомъ. Въ случаѣ неуспѣш-
ности его усилій гарантъ не обязанъ къ вознагражденію заинтересо-
ванной стороны. Онъ вообще не вступаетъ въ мѣсто другого контра-
гента. Онъ не можетъ принуждать къ выполненію обѣ стороны, развѣ
будутъ прямо затронуты его собственныя права или права всего меж-
дународнаго союза. Самъ по себѣ права вмѣшательства на основаніи
гарантіи онъ не имѣетъ. Гарантируемый можетъ добровольно отсту-
питься отъ своего права, либо захотѣть собственными силами его под-
держивать:—въ обоихъ случаяхъ гаранту нечего дѣйствовать. Но съ
другой стороны гарантируемый не можетъ требовать, чтобы гарантъ
толковалъ извѣстный договоръ именно въ его смыслѣ. Тутъ легко
возникаютъ разногласія.—Какъ ихъ рѣшить? Очевидно ни одна сто-
рона не обязана уступить другой; если гарантъ толкуетъ договоръ
поставленный подъ его охрану иначе, чѣмъ гарантируемый, онъ всег-
да можетъ воздержаться отъ дѣйствія; если онъ далъ гарантію двумъ
сторонамъ, онъ окажетъ помощь той изъ нихъ, съ которою самъ со-
гласенъ. Далѣе же этого онъ не можетъ идти, онъ можетъ присвоить
себѣ роль судьи, независимо стоящаго надъ партіями и имъ предпи-
сывающаго свое собственное мнѣніе о *casus foederis*.

5) *Мира* гарантія рѣдко опредѣляется; большею частью гарантъ
общаетъ содѣйствовать извѣстному дѣлу всѣми своими силами. Ко-
нечно и такое обѣщаніе по природѣ своей имѣетъ характеръ вспомо-
гательный т. е. предполагаетъ, что гарантируемый обязанъ прежде
всего дѣйствовать собственными силами и что гарантъ, по возмоз-
ности исполнившій лежавшія на немъ обязанности, не подлежитъ
отвѣтственности за неуспѣхъ, т. е. отъ него нельзя требовать возна-
гражденія за убытки.

6) Гарантъ самъ по себѣ не имѣетъ права помѣшать контрагентамъ
измѣнить или даже совершенно уничтожить главный договоръ. Этимъ
прекращаются и его обязанности, существующія впрочемъ всегда подъ
условіемъ *salvo jure tertii*. Гарантія не съ международнымъ характеромъ,
а съ государственнымъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, если въ сложномъ
государствѣ центральное правительство приняло подъ свою охрану
для отдѣльных членовъ извѣстную форму правленія: такъ статья 4
американской конституціи 1784 г. гарантируетъ каждому Штату рес-
публиканскую форму правленія. Сводя все сказанное нами о гарантіяхъ
къ общему результату, мы должны сознаться, что онѣ представляютъ
по справедливому отзыву Мартенса, болѣе кажущуюся, нежели дѣй-
ствительную пользу.— „L' utilité en est plus spècieuse que réelle“.

По *формѣ* гарантіи бываютъ *простыя* и *сложныя*. Простая состоитъ въ томъ, что какое либо третье государство *одно* ручается за исполненіе даннаго договора. Сложная форма поручительства является во 1-хъ въ видѣ *взаимной* гарантіи государствами неприкосновенности своихъ правъ или владѣній (Россія и Франція гарантировали другъ другу по Тильзитскому трактату 1807 г. цѣлость принадлежавшихъ имъ владѣній; Россія и Австрія по Мюнхенгредской конвенціи 1833 г. другъ другу спокойное и мирное владѣніе польскими провинціями). Во 2-хъ *Коллективная* гарантія нѣсколькими государствами сообща за сохраненіе извѣстнаго порядка вещей или владѣній и правъ даннаго народа. Трактатомъ 1832 г. Англія, Франція и Россія поручились сообща за независимость Греціи; трактаты Вѣнскій 1815 г. и Лондонскіе 1831, 30 и 67 г. постановили о вѣчномъ нейтралитетѣ Швеціи, Бельгіи и Люксембурга. Въ 1856 г. Австрія, Франція и Англія гарантировали между собою неприкосновенность Османской Имперіи.

Поручительство прекращается: по соглашенію между гарантами вслѣдствіе отказа того государства, въ пользу котораго оно сдѣлано; истеченіемъ срока дѣйствія договора и, наконецъ, съ уничтоженіемъ объекта гарантіи.

4) Юридическое движеніе трактатовъ.

Между своимъ возникновеніемъ и прекращеніемъ трактаты подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ, на которыя мы теперь должны обратить вниманіе.

1) Правильно заключенный договоръ не нуждается въ подтвержденіи (confirmation), но послѣднее сдѣлается необходимымъ, когда возникаютъ сомнѣнія относительно его дѣйствительности и приложенія. Такое подтвержденіе встрѣчается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующій трактатъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ часть позднѣйшаго, новаго трактата. Мы уже видѣли, что по ученію Бернера такое подтвержденіе не уничтожаетъ самостоятельности прежняго договора.

Diese Klausel macht nicht ohne Weiters de alten Vertrag zu einem einvrleibten Bestandtheile des neuen, sondern sie bildet nur eine Anerkennung des altern, als eines abgesonderten.

Иногда государи, при восшествіи своемъ на престолъ, объявляютъ, что они будутъ соблюдать всѣ предшествующіе трактаты и такимъ образомъ даютъ имъ новое подтвержденіе. Впрочемъ, такой актъ есть ни что иное, какъ излишняя формальность: трактаты заключаются государствами и потому ихъ обязательность не зависитъ ни отъ лица монарха, ни отъ перемѣны династіи, ни отъ формы правленія: вообще всѣ трактаты, заключенные государствами, обязательны для народа, хотя бы монархія превратилась въ республику или наоборотъ, потому что народъ остается тотъ же при различныхъ правительствахъ.

2) Далѣе, трактаты продолжаютъ (возобновляются) [renouvellement, prolongation], когда окончился срокъ ихъ дѣйствія. При этомъ необходимо ясно выраженное согласіе обоихъ контрагентовъ возобновить договоръ. Впрочемъ и молчаливое возобновленіе встрѣчается, но оно можетъ легко дать поводъ къ различнымъ нареканіямъ между контрагентами: является тогда сомнѣніе относительно срока возобновленія. Такимъ образомъ, трактатъ вступаетъ въ новую жизнь либо цѣликомъ, либо въ нѣкоторыхъ частяхъ. Возобновленіе трактата есть собственно заключеніе новаго договора, хотя и сходнаго съ прежнимъ, поэтому оно требуетъ тѣхъ же самыхъ условій, какъ созданіе новаго трактата. Возможность возобновленія договора, заключеннаго на срокъ, обыкновенно сговаривается въ особой статьѣ, при чемъ говорится, что сторона, не желающая продолженія договора обязана предупредить о томъ другую по крайней мѣрѣ за годъ до истеченія срока, въ противномъ случаѣ договоръ считается молчаливо продолженнымъ еще на годъ.

3) Иногда договоры не возобновляются, а лишь возстановляются (retablissement), послѣ того какъ дѣйствія ихъ были приостановлены на нѣкоторое время въ случаѣ войны или по другимъ причинамъ. Таковы видоизмѣненія, которымъ подвергаются договоры сами по себѣ; впрочемъ дипломатическій языкъ не различаетъ строго только что указанныя нами измѣненія, часто употребляя одинъ терминъ *взмѣнъ* другаго.

Но иногда трактаты приходятъ въ столкновеніе между собою и это рождаетъ вопросъ о ихъ толкованіи.

Противорѣчіе между трактатами, относящимися къ различнымъ эпохамъ, не удивительно. Отрожая юридическое сознаніе извѣстной эпохи или извѣстнаго народа они измѣняются по мѣрѣ развитія этого сознанія. *Lex posterior derogat priori*—это положеніе вполне примѣнимо и къ международному праву. Но иногда коллизія возникаетъ и между трактатами, относящимся къ одной и той же эпохѣ. Какія правила толкованія принять въ такихъ случаяхъ?

Общая начала, существующія относительно коллизіи законовъ и договоровъ, прилагаются и къ трактатамъ, т. е. 1, если приходятъ въ столкновеніе два трактата, одинъ позволяющій что-либо, а другой запрещающій то же самое, то первый долженъ уступить мѣсто второму и во 2-хъ частный трактатъ долженъ имѣть больше силы, чѣмъ общій. Однако послѣднее начало прилагается только къ трактатамъ, имѣющимъ исключительно характеръ договора между двумя государствами. Напротивъ, относительно трактатовъ, касающихся всего международного союза, дѣйствуетъ другое начало: необходимо отдать преимущество тому трактату, который болѣе производительнѣе, т. е. условія котораго болѣе соотвѣтствуютъ общей пользѣ.

При исполненіи трактатовъ весьма часто возникаютъ вопросы о ихъ дѣйствительномъ смыслѣ, а потому необходимы нѣкоторыя общія

правила относительно толкования договоров. Почти все публицисты Гроций, Пуффендорф, Ваттель и др. занимались этим вопросом. Знаменитые цивилисты Потье и Дома изследовали его с чрезвычайною ясностью, и с тех начала, которые они установили для частных договоров могут быть в известной степени прилажены и к трактатам.

При отсутствии в международной сфере верховной власти, стоящей над контрагентами, аутентическое толкование трактатов исходит от самих государств или от добровольно выбранных ими посредников (arbitrage). Собственно говоря через это возникает новый трактат, поясняющий или исполняющий трактат предшествующий.

В международной практике встречается и обычное толкование, т. е. основанное на прецедентах. Вообще *aequitas* должна прилагаться к международным вопросам больше, чем к каким бы то ни было другим юридическим вопросам. Она должна смягчать строгую логику чисто юридических выводов, приводя их в согласие с требованиями живого, материального права. Цель договора и соотношение его частей сами собой указывают иногда на неудачность того или другого выражения. Все, что ясно, не должно подлежать толкованию — таково одно из основных правил интерпретации уже по Ваттелю. Когда в трактате встречаются неясность или неполнота, то возникающие отсюда убытки падают на тех, кто могли бы лучше выразить свою мысль. Уже римское право в этом отношении постановляло: *Obscuritas pacti nocet ei, qui apertius loqui potuit*.

Договоры, заключенные в исключительных интересах одного из контрагентов, интерпретируются в сомнительных случаях в пользу обремененной стороны. Все международные договоры должны быть толкуемы *bona fide*; всегда необходимо предполагать, что государства, их подписавшие, имели в виду добросовестное их толкование и исполнение.

Наконец трактаты могут быть предметом и ученого истолкования. Его делят на грамматическое и логическое. Первое бывает достаточно только в том случае, когда намерение договаривающихся сторон ясно выражено, и вопрос состоит лишь в понимании известных слов. При этом за правило принимается следовать очевидному, обыкновенному смыслу слов и объяснять его не из отдельных выражений, а из всего акта.

Логическое истолкование имеет в виду объяснить смысл всего трактата, его цель и мотивы. Поэтому, каждое отдельное выражение должно быть понимаемо в связи со всем трактатом. При логическом толковании содержания трактата надо обращать внимание на историческое его происхождение, на намерение, цели и дух самого договора и на согласие его постановлений с господствующими началами международного права.

Что касается до аналогии, то она может быть прилажена к трак-

татам только в самых редких случаях. С аналогией надо обращаться очень осторожно, чтобы как нибудь по ошибке не приписать чего либо нового толкуемому договору.

Перехожу теперь к одному из самых запутанных и нерешенных вопросов в нашей науке о классификации трактатов.

5) Разные виды трактатов.

Писатели по международному праву чрезвычайно расходятся между собою во мнениях относительно деления трактатов на различные роды. Почти каждый из них предлагает свою систему деления, и постороннему человеку не легко выпутаться из этого лабиринта друг другу противоречащих мнений. Оставляя в стороне за недостатком времени мнения ученых, по этому поводу, мы изложим вкратце нашу классификацию.

Международные договоры можно делить или по степени их важности или по предметам. В первом отношении мы получим конвенции, трактаты и декларации.

Конвенции определяют одно какое либо отношение между государствами или обязывают их к одному известному действию.

Трактаты устанавливают между ними целый ряд отношений.

Декларации высказывают от имени большинства или всех государств известные общие принципы международного права. Они в отличие договорных норм носят по преимуществу законодательный характер. Воля отдельного государства не может их отменить. Не обязывая государство, их не принявшее, они вполне международные законы, если приняты большинством европейских государств.

По предметам же трактаты делятся на политические, социальные и юридические.

6. Прекращение договоров.

При всей аналогии трактатов с договорами по частному праву они представляют однако много особенных им присущих характеристик черт, с которыми отчасти уже познакомились, но которые особенно ярко выступают в учении о прекращении трактатов.

Обыкновенно принято заключать трактаты (особенно мирные) на вечные времена. Мы уже имели случай указывать на все противоречие такого положения. Вечность договоров в действительности обозначала бы только политическую смерть народов. Договоры, как и конституции, не вечны, потому что, соответствуя известным политическим потребностям определенного народа в данную эпоху, они необходимо должны меняться с переменю тех обстоятельств,

которыми названы. *Rebus mutatis* палаает внутреннее разумное основаніе договора.

По поводу отказа Россіи въ 1870 г. отъ исполненія извѣстныхъ статей Парижскаго трактата Дж. Ст. Милль доказывалъ (*Treaty. Obligations* въ *Tortnightly Review* 1 декабря 1870 г.) до какой степени нельзя связывать государства вѣчными обязательствами; при этомъ онъ высказалъ то мнѣніе, что разумно можно обязать народъ только договоромъ, заключеннымъ на опредѣленный срокъ, не превышающій жизнь одного поколѣнія.

Но съ другой стороны соблюденіе трактата должно быть гарантировано до послѣдней возможности. Право само по себѣ способно къ жизни и съ жизнью развивается, но это развитіе должно совершаться въ предѣлахъ юридическихъ нормъ. Трактаты прекращаются отъ слѣдующихъ причинъ: 1) исполненіемъ тѣхъ дѣйствій, которыя составляли его содержаніе, если только трактатъ не обязываетъ къ постоянному дѣйствию; 2) истеченіемъ срока, если договоръ былъ заключенъ на опредѣленное время; 3) взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ (*mutuus dissensus* отрицаетъ прежній *mutuus consensus*); 4) отказомъ одной изъ сторонъ, если это разрѣшено въ договорѣ; 5) произвольное нарушеніе договора одною стороною даетъ другой право отступить отъ него. Въ гражданскомъ правѣ невыполненіе договора даетъ обиженному только право иска, а въ международномъ это уничтожаетъ весь договоръ. Впрочемъ иногда въ трактатѣ сопоставляются различныя отдѣльныя предметы безъ необходимой внутренней связи, въ такомъ случаѣ при измѣненіи или нарушеніи нѣкоторыхъ статей, остальные не теряютъ своей силы; 6) договоры прекращаются, когда одинъ изъ контрагентовъ потеряетъ свою самостоятельность или 7), когда ихъ существованіе становится не совмѣстнымъ съ государственнымъ развитіемъ извѣстнаго народа или вообще съ новыми, болѣе гуманными воззрѣніями международного права; 8) наконецъ, война не уничтожаетъ существующихъ трактатовъ, а развѣ только приостанавливаетъ на время ихъ дѣйствіе. Прежде когда война почиталась состояніемъ безправія, полагали, что она прекращаетъ дѣйствіе трактатовъ, и что при восстановленіи мира требуется особенно ясно выраженное условіе о томъ, что всѣ предшествующіе трактаты снова получаютъ свою силу. Такъ выражается еще даже Капустинъ въ своемъ Обзорѣ. Нынѣ это мнѣніе оставлено лучшими публицистами, видящими и въ войнѣ все таки юридическую борьбу между государствами.

Споры между государствами и мирные способы ихъ рѣшенія.

Общія замѣчанія. Подобно тому какъ въ другихъ областяхъ права, въ международномъ мы видимъ право не только въ состояніи покоя, но и въ состояніи борьбы. Нормы международного права нарушаются, оспариваются—отсюда возникаетъ новая сторона въ юридической

жизни. Изъ неправа и тутъ рождается новое право. Такимъ образомъ споры облакаются въ форму процесса, который содѣйствуетъ укрѣпленію права матеріальнаго.

Причины столкновеній между государствами очень разнообразны и мѣняются съ эпохами: онѣ могутъ скрываться въ каждомъ политическомъ, экономическомъ или религіозномъ отношеніи, устанавливаемомъ между народами, а иногда являются плодомъ злыхъ инстинктовъ отдѣльныхъ лицъ, стоящихъ въ главѣ государствъ. Нарушаются неотъемлемыя основныя права государствъ и права договорныя: международное положеніе государства не стоитъ въ соотвѣтствіи съ его внутреннимъ ростомъ; являются новыя потребности и новыя воззрѣнія.

По какимъ бы причинамъ не нарушались нормы международного права, онѣ, какъ и гражданскія, требуютъ охраны, принужденія для ихъ защиты. Государства, какъ члены международного союза, имѣютъ свои права, которыя должны быть соблюдаемы третьими государствами добровольно, но разъ мирнымъ путемъ онѣ не могутъ быть осуществлены, на сцену является сила, принужденіе, облеченное въ юридическую форму. Государство, интересы котораго нарушены, имѣетъ право требовать восстановленія своихъ правъ, а въ крайнемъ случаѣ и право принудить къ этому обидѣвшее государство. Подъ правомъ принужденія въ объективномъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть совокупность юридическихъ нормъ, которыя обязано соблюдать государство, какъ членъ международного общенія, при насильственномъ охраненіи своихъ законныхъ интересовъ и правъ. Въ субъективномъ смыслѣ право международного принужденія *есть право каждаго государства охранять принадлежащія ему права и интересы въ области международныхъ отношеній всеми законными средствами, которыя имѣются въ его распоряженіи*. Профессоръ Мартенсъ говоритъ, что субъектомъ этого права можетъ быть только государство, какъ юридическое лицо. Отдѣльныя лица, войска и флотъ, на которые въ конкретныхъ случаяхъ возлагается осуществленіе принужденія въ области международныхъ отношеній, суть органы международного управленія, дѣйствующие отъ имени и подъ отвѣтственностью своего государства. Къ этому нужно однако сдѣлать двѣ поправки: 1) принужденіе не есть проявленіе международного правленія, а вѣрнѣе форма международного процесса, т. е. юридическій способъ примѣненія силы; 2) это право принужденія должно принадлежать не только отдѣльнымъ государствамъ, но и совокупности ихъ, т. е. международному союзу. Когда этотъ союзъ получить свою организацію онъ и въ большинствѣ случаевъ вытѣснитъ право принужденія, принадлежащее отдѣльному государству.

Объектомъ своимъ принудительныя международныя мѣры могутъ имѣть только прага и интересы государства. Права и интересы частныхъ лицъ, подданныхъ государства, въ принципѣ и непосредственно не могутъ быть предметомъ международного принужденія. Съ точки зрѣнія международного права они не суть прямые объекты принужде-

нія, ибо все дѣло идетъ тутъ объ отношеніяхъ между государствами; государства въ международной области призваны охранять права подданныхъ и отвѣчать за ихъ дѣйствія. Интересы частныхъ лицъ принимаются здѣсь въ соображеніе лишь настолько, на сколько они затрагиваютъ интересы всего государства.

Средства для разрѣшенія международныхъ столкновений. Писатели классифицируютъ способы разрѣшенія международныхъ столкновений чрезвычайно разнообразно, но если положить въ основаніе классификаціи тѣ факторы, которые опредѣляютъ и направляютъ жизнь народовъ вообще, т. е. силу, интересы и право, то всѣ способы защиты будутъ представлять три главныя группы, съ дальнѣйшими ихъ подраздѣленіями:

1) Способы фактическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи силы. Это отдѣльныя принудительныя мѣры, не доходящія еще до войны: реторсіи, репрессалии, эмбарю, мирная блокада и, наконецъ, крайняя мѣра—война.

2) Средства дипломатическія, которыя отправляются отъ политики и имѣютъ въ основаніи интересы политическіе и экономическіе: непосредственные переговоры, и добрыя услуги и посредничество.

3) Способы юридическіе, которые покоятся главнымъ образомъ на примѣненіи правъ: Это—третейскіе суды, сперва факультативные, не обязательные, потомъ общіе и постоянные; затѣмъ возникаетъ вопросъ о постоянномъ международномъ судѣ.

Дальше мы остановимся на способахъ дипломатическомъ и юридическомъ, какъ единственно мирныхъ способахъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ.

Дипломатическіе способы рѣшенія несогласій. Эти способы покоятся на соображеніяхъ политики и примѣняются дипломатическими агентами. Различіе между ними заключается, во-первыхъ въ томъ, что или сами спорящія стороны стараются уладить недоразумѣнія—это непосредственные переговоры, или же другое, непричастное спору, государство беретъ за содѣйствіе улаженія спора—это добрыя услуги и посредничество; во-вторыхъ по степени участія третьихъ сторонъ въ улаженіи спора.

А. Непосредственные переговоры. Одна изъ главныхъ задачъ дипломатіи заключается въ томъ, чтобы 1) поддерживать добрыя отношенія между государствами, 2) всячески предупреждать возникновеніе недоразумѣній, 3) устранять причины, когда несогласія между государствами уже возникли. При возникновеніи несогласій между государствами дипломатическіе агенты должны начать переговоры, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы выяснитъ причины разногласій и постараться уничтожить ихъ. Въ виду большого значенія въ этихъ переговорахъ личныхъ достоинствъ дипломата, который иногда достигаетъ благоприятныхъ результатовъ исключительно благодаря своему умѣнию взяться за дѣло и благодаря расположенію, какимъ онъ пользуется со

стороны правительства государства, съ которымъ ведутся переговоры, дипломаты должны быть *personae gratissimae*. Итакъ, когда возникнутъ недовольства, первая обязанность дипломатовъ вступить въ переговоры, при этомъ соблюдаются слѣдующія правила: каждое государство должно проявить въ этихъ переговорахъ честность и миролюбіе; это значитъ, что каждое государство должно ясно изложить причины, вызвавшія его неудовольствіе и выслушать, такія же заявленія отъ противника. Далѣе, въ силу принципа равенства архивы всѣхъ государствъ пользуются одинаковымъ довѣріемъ. Переговоры ведутся или письменно, или же прямодипломатами, или же при посредствѣ особо назначенныхъ комиссій или комиссаровъ. Иногда государства обращаются къ общественному мнѣнію. Это дѣлается чрезъ опубликованіе главныхъ или всѣхъ дипломатическихъ документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на предметъ спора. Въ свою очередь это ведетъ къ обсужденію послѣдняго періодическою и ученою литературой. Но этотъ способъ выясненія спорнаго вопроса представляется довольно опаснымъ, такъ какъ могутъ быть опубликованы документы и подробности, которые еще больше иной разъ могутъ обострить и безъ того натянутыя отношенія сторонъ. Поэтому обыкновенно о ходѣ переговоровъ, вызванныхъ споромъ, печатаютъ съ большою осторожностью и подробности предаются гласности только по окончаніи переговоровъ. Ривье говоритъ: постоянную опасность для общаго мира представляетъ наблюдаемое во многихъ странахъ чрезъ чуръ серьезное значеніе въ государственныхъ дѣлахъ толпы, обыкновенно низко стоящей въ умственномъ отношеніи, а также невысокій уровень прессы, конечно, не исключаящій возможности существованія многихъ серьезныхъ органовъ печати. Слѣдуетъ только вспомнить объ ирредентизмѣ и панславизмѣ, зажигательныхъ статьяхъ газетъ въ инцидентахъ Шнебеле, въ консульскомъ инцидентѣ во Флоренціи, въ разногласіяхъ въ Массовѣ, Самоа и др. Дѣло въ томъ, что печать обыкновенно тенденціозна, чаще всего въ узко-національномъ смыслѣ, особенно, когда идетъ рѣчь о такъ называемомъ прирожденномъ врагѣ; печать часто даетъ свѣдѣнія окрашенные сильною національностью, тенденціею а также партійностью, что дѣлаетъ ихъ крайне смутными, особенно въ странахъ, пользующихся свободой печати; въ палатахъ поэтому поводу дѣлаются жгучіе запросы, ставящіе въ очень неловкое положеніе правителей, которые съ одной стороны должны отвѣтить на запросы, съ другой стороны рискуютъ предать гласности вопросы, которые ради благоприятнаго исхода переговоровъ были обнародованы съ соблюденіемъ крайней осторожности. Впрочемъ, въ дѣлѣ разьясненія споровъ важно не то мнѣніе, которое устанавливается благодаря разьясненіямъ людей знакомыхъ съ практикою и наукою политической жизни.

Мирные переговоры оканчиваются двумя результатами: 1) примиреніемъ, когда одна изъ сторонъ отказывается отъ своего притязанія въ пользу другой или когда она соглашается исполнить ея требованія;

2) компромиссомъ въ широкомъ смыслѣ), въ силу котораго обѣ стороны одновременно отказываются отъ всѣхъ или только отъ нѣкоторыхъ своихъ притязаній. Въ этомъ случаѣ соглашеніе представляется какъ бы среднимъ рѣшеніемъ между ихъ требованіями.

В. Добрыя услуги (bonnes offices). Это форма—вступленіе въ споры третьихъ государствъ съ цѣлью подготовить почву для открытія переговоровъ. Мѣра эта либо испрашивается самими спорящими, либо предлагается постороннимъ государствомъ по его собственному почину. Въ обращеніи спорящихъ къ совѣтамъ третьяго безпристрастнаго лица, которое они оба выбрали, лежитъ первый намекъ на идею суда, первоначально чисто нравственнаго, а потомъ и юридическаго по мѣрѣ того, какъ слагаются нормы его дѣйствія и расширяется область его примѣненія. Въ этомъ отношеніи интересенъ 23-й протоколъ Парижскаго конгресса 1856 г., въ который по просьбѣ лондонскаго общества мира было внесено желаніе, чтобы государства при возникновеніи серьезныхъ разногласій, до обращенія къ оружію, прибѣгали къ добрымъ услугамъ дружественныхъ государствъ. Однако это предложеніе не вошло въ самый текстъ договора и осталось только однимъ пожеланіемъ, а слѣдовательно ни для кого обязательной силы ни имѣть. Однако протоколъ не остался мертвой буквой вполнѣ, хотя къ сожалѣнію онъ былъ примѣненъ крайне неудовлетворительно и не всегда имѣлъ практическій результатъ предъ большими войнами послѣдняго времени. Такъ парижская конференція 1869 г. предотвратила войну между Греціей и Турціей по поводу возстанія на островѣ Критѣ, но съ другой стороны въ 1870 г. отклонила добрыя услуги Англіи—Франціи, а С. Штаты во время междоусобной войны 1861—65 г. не приняли посредничества сперва Россіи, а потомъ Франціи. Обѣ обращенія къ добрымъ услугамъ въ случаѣ несогласія упоминаетъ и Берлинская конвенція 1885 г. (статья 1. ст. 8).

С. Посредничество (méditation) отличается въ нѣкоторомъ отношеніи отъ добрыхъ услугъ и еще болѣе отъ третейскаго суда (arbitrage). Добрыя услуги должны только облегчать спорящимъ вступить въ переговоры другъ съ другомъ, на ходъ и результатъ которыхъ они собственно не признаны вліять. Посредничество же обозначаетъ не только вступленіе третьяго посторонняго государства въ эти переговоры, но и самостоятельное въ нихъ участіе, а часто даже и направленіе ихъ съ цѣлью справедливаго уложенія спора для обѣихъ сторонъ. Цѣль его въ результатѣ та же, какъ и третейскаго суда: привести спорящія государства къ мирному соглашенію; но между ними есть различіе по существу: третейскій судъ даетъ въ предѣлахъ своего полномочія настоящія рѣшенія юридически обязательныя для сторонъ,—посредникъ предлагаетъ совѣты, которые въ нравственномъ и политическомъ отношеніи могутъ имѣть большой вѣсъ, но которые стороны всегда вольны примѣнять или отклонять. Кромѣ того посредничество можетъ простираться на всѣ отношенія государствъ, а третейскому суду под-

лежать вопросы, могущіе сдѣлаться предметомъ юридическаго разсмотрѣнія и рѣшенія. Наконецъ третейскій судья избирается спорящими сторонами, посредникъ же самъ можетъ предложить свои услуги, и при разсмотрѣніи спора, не связанъ никакими положительными правилами; онъ долженъ только пользоваться довѣріемъ обѣихъ сторонъ и не играть двойственной роли. Словомъ, его дѣятельность является главнымъ образомъ политическою, предпринимаемой государствами по ихъ усмотрѣнію въ интересахъ мира.

Посредникъ, какъ уже замѣтилъ Ваттель, есть примиритель спорящихъ, а не судья надъ ними. Задача его—не отысканіе строгаго правила, а возможно справедливое возстановленіе мира. Для этого требуется отъ него много условій: прежде всего полное безпристрастіе равное довѣріе къ нему обѣихъ сторонъ: политическій тактъ и умѣніе вести переговоры. Посредникъ имѣетъ право участвовать во всѣхъ переговорахъ сторонъ, которыя либо черезъ него дѣлаютъ другъ другу письменныя сообщенія, либо въ присутствіи его представителя ведутъ устныя пренія. При этомъ посредникъ долженъ смягчать строгія и излишнія ихъ требованія, дѣлать самостоятельныя предложенія къ ихъ примиренію или даже поддерживать то изъ двухъ воззрѣній, которое ему кажется наиболѣе соответствующимъ природѣ вещей. Но ему слѣдуетъ строго воздерживаться отъ содѣйствія, хотя бы и тайнаго, интересамъ одной изъ сторонъ въ ущербъ другой или отъ извлеченія изъ посредничества выгодъ для самого себя. Роль посредника такимъ образомъ предполагаетъ столько же мудрости, сколько и твердости. Но спорящія съ своей стороны должны помогать посреднику: открывать ему всѣ подробности дѣла, настаивать упорно вопреки очевидности на преувеличенныхъ требованіяхъ, принятіе коихъ противнику невозможно, а также вести за спиною посредника интригу, способную разбить его старанія.

Посредничество бываетъ единоличное или коллективное. Предпринимается оно чаще всего во время войнъ, но бываетъ и во время мира. Посредникъ не долженъ угрожать, и такъ называемое „вооруженное посредничество“ не выдерживаетъ критики, такъ какъ оно есть въ сущности уже вмѣшательство одного государства въ дѣла другого. Роль посредника оканчивается либо достиженіемъ предполагаемой цѣли, т. е. примиреніемъ спорящихъ сторонъ, либо неудачей его. Рѣшеніе посредника не обязательно для спорящихъ, можетъ быть принято цѣликомъ, цѣликомъ отвергнуто, частью принято и частью отвергнуто, и посредникъ не можетъ быть этимъ недоволенъ.

Весьма важны постановленія о посредничествѣ Парижской конференціи, ст. 8 которой гласитъ: „Если бы между Высокой Портой и одной или нѣсколькими изъ другихъ договаривающихся державъ произошло разногласіе, которое угрожало бы разрывомъ ихъ сношеній, Высокая Порта и каждая изъ этихъ державъ прежде чѣмъ прибѣгнуть къ употребленію силы, должны допустить другія договаривающіяся

стороны къ предупрежденію этой крайности своимъ посредничествомъ.—Тутъ мы видимъ какъ бы обязательство, хотя только для державъ, подписавшихъ этотъ договоръ, прибѣгнуть къ посредничеству прежде чѣмъ начать войну. Далѣе ст. 12 акта Берлинскаго конгресса: „Въ случаѣ, говорится тутъ, если между державами, подписавшими настоящій актъ поднимутся серіозныя разногласія относительно границъ, или въ границахъ... территорій, то эти державы обязуются прежде чѣмъ дойти до вооруженнаго насилия, просить посредничества одной или нѣсколькихъ дружественныхъ державъ“. Примѣровъ разрѣшенія несогласій между государствами въ исторіи очень много, но мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Наше отечество благодаря своему дружественному положенію по отношенію къ двумъ великимъ державамъ—Австріи и Пруссіи—долго играло роль посредника между ними. Въ этомъ отношеніи политическая роль Россіи очень интересна.—Въ 1812 г. русское правительство предложило свое посредничество въ спорѣ между Англіей и Соединенными Штатами. Послѣдніе приняли, а первая отклонила предложеніе, и между спорящими началась война, окончившаяся Гентскимъ миромъ 1814 г.—Наполеонъ III выпустилъ въ роли посредника между Австріей и Пруссіей въ 1866 г. и настоялъ на подписаніи ими Никольсбургскаго предварительнаго мира.—Соединенные Штаты предложили въ 1882 г. свое посредничество въ войнѣ между Чили и Перу, съ одной стороны, и Боливіей съ другой, и исполнили все обязанности посреднической державы.—Но самый выдающийся случай—это посредничество папы въ спорѣ между Германіей (государствомъ протестантскимъ) и Испаніей (католическимъ) изъ-за Королинскихъ острововъ, которые принадлежали Испаніи и были заняты Германіей. Дѣло очень обострилось и стороны едва не дошли до войны, когда Бисмаркъ сдѣлалъ ловкій политическій шагъ, предложивъ Испаніи въ качествѣ посредника папу. Испанія не могла отвергнуть этого предложенія. Каролинскіе острова признаны были принадлежащими Испаніи, а Германіи дано было право стоянки въ гаваняхъ этихъ острововъ.

Д. Юридическій способъ рѣшенія несогласій. Прежде всегда необходимо указать для желающихъ познакомиться подробнѣе съ этимъ вопросомъ на богатую его литературу. Собственно вопросъ этотъ обратилъ на себя вниманіе интернаціоналистовъ только съ половины семидесятыхъ годовъ и приурочивается къ событію рѣшенія Алабамскаго спора. До этого времени писатели и интернаціоналисты только въ скользъ упоминали о третейскомъ судѣ, удѣляя другимъ способамъ рѣшенія, напримѣръ дипломатическимъ, цѣлыя главы своихъ сочиненій. Изъ сочиненій по вопросу о третейскомъ судѣ мы отмѣтимъ: *Руаръ де Каръ*—„о третейскомъ судѣ“. *Булмерингъ*—статья *Schiedsspruchъ Rechtslexikon*. Наша книга: „о международномъ судѣ“.

Булмерингъ. Работа о мирныхъ способахъ рѣшенія споровъ между государствами въ руководствѣ Гольцендорфа т. IV. § 9—16.

Calvo. Droit international из. 4, 88.

Прадье-Федере въ VI т. из. 94 г. Отдѣлъ о международномъ третейскомъ судѣ.

Изъ монографій слѣдуетъ отмѣтить:

M. Revon, l'Arbitrage international, son passé, son présent, et son avenir. 1892 г. [couronné par l'institut]. Наиболѣе блестящее и важное сочиненіе по интересующему насъ вопросу.

F. Dreyfus: l'Arbitrage international. 1892 г. Это сочиненіе богато историческимъ матеріаломъ.

Руаръ де Каръ.—Судьбы международного третейскаго суда за послѣднее 20-ти-лѣтіе. 92 г.

Международный третейскій судъ утверждается особымъ договоромъ, который называется компромиссомъ (въ тѣсномъ смыслѣ слова) и по которому стороны обязываются обратиться со своимъ споромъ къ третейскому суду и подчиниться его рѣшенію. Третейскій договоръ обыкновенно содержитъ въ себѣ опредѣленіе спорнаго предмета, притязаній сторонъ, юридическихъ основаній, на которыхъ споръ можетъ быть разрѣшенъ, устанавливаетъ процедуру суда, личность третейскаго суда или судей, мѣсто и время суда. Въ новѣйшее время компромиссъ обыкновенно замѣняется „статьей о компромиссѣ“. Именно въ новѣйшихъ договорахъ часто предусматривается, что въ случаѣ разногласія относительно содержанія договора, договаривающіяся стороны должны подчиниться рѣшенію третейскаго суда.

Какъ способъ улаженія международныхъ столкновеній, говорить Мартенсъ, третейское разбирательство практиковалось давно. Изъ древняго міра приводятъ въ примѣръ *resuperatores*, какъ первоначальныхъ международныхъ третейскихъ судей. Болѣе примѣровъ можно привести изъ среднихъ вѣковъ. Тогда третейскими судьями было по преимуществу папы и германскій императоръ. Однако сами по себѣ эти примѣры представляютъ для насъ мало интереса, такъ какъ судъ былъ не организованъ, и третейское разбирательство сливалось съ посредничествомъ. Только въ послѣднее время практика стала вырабатывать правильный третейскій судъ, и само общество ходатайствуетъ, чтобы правительства обратились къ этому способу рѣшенія споровъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что число третейскихъ разбирательствъ все возрастаетъ (въ каждомъ десятилѣтіи). Дрейфусъ насчитываетъ ихъ въ этомъ столѣтіи (1794—1891) до 58-ми случаевъ. Интересно еще то, что количество третейскихъ разбирательствъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, слѣдовательно институтъ этотъ прогрессируетъ. Мы по недостатку времени приведемъ только двасамыхъ выдающихся случая третейскаго суда: Женевскій судъ и Парижскій.

Алабамское дѣло, рѣшенное первымъ судомъ, заключалось въ слѣдующемъ: во время междоусобной Сѣверо-Американской войны порты Южныхъ Штатовъ были блокированы, такъ что Ричмондское

правительство, желавшее съ своей стороны нанести торговлѣ противниковъ болѣе или менѣе чувствительный ударъ, не могло снаряжать каперовъ въ своихъ водахъ и обратилось къ помощи Англіи, которая была нейтральной. Агентъ Южныхъ Штатовъ въ Ливерпулѣ заказывалъ англичанамъ корсарскія суда, которыя подъ національнымъ флагомъ Южанъ нападали на торговый флотъ Сѣверныхъ Штатовъ, и такъ какъ, вслѣдствіе блокады, они не могли доставить добычу въ отечественные порты для обычнаго призового разбирательства, то снимали съ захваченныхъ кораблей, что можно было увезти; самые же суда топили. Изъ числа этихъ корсаровъ наибольшую извѣстность приобрѣли: „Алабама“, „Флорида“, „Шенонеда“ и др. Они навели такой панический страхъ на купцовъ Сѣверныхъ штатовъ, что тѣ стали распродавать свои суда англичанамъ. Представитель Вашингтонскаго правительства въ Лондонѣ зналъ, что въ англійскихъ портахъ снаряжаются каперы для Южанъ и неоднократно протестовалъ противъ явнаго нарушения Англіей обязанностей нейтральной державы; но Лондонскій кабинетъ постоянно находилъ неубѣдительными его доказательства.

Когда междоусобіе кончилось, Сѣверо-Американскія Штаты потребовали отъ Англіи за ущербъ, причиненный помянутыми каперами ихъ торговлѣ. Требования были такъ энергичны, что война между обѣими державами казалась неизбежной. Въ 1869 г., 14-го января стороны подписали въ Лондонѣ конвенцію объ учрежденіи для разбора взаимныхъ частныхъ жалобъ смѣшанной комиссіи изъ 4-хъ членовъ, избирающихъ общаго посредника. Но Вашингтонскій сенатъ не согласился на этотъ компромиссъ, ибо въ договорѣ не упоминалось ни словомъ о претензіяхъ Штатовъ къ Англіи, какъ нарушителницѣ нейтралитета. Дальнѣйшіе переговоры привели къ тому, что въ 1871 г. въ Вашингтонѣ состоялся новый договоръ, получившій силу.

По Вашингтонскому трактату стороны согласились назначить третейскій судъ для рѣшенія спора, названнаго по имени капера. Алабамскимъ, и установили три основныхъ начала, которыя, по мнѣнію договаривающихся державъ, обязательны для каждаго нейтральнаго государства и должны служить руководствомъ третейскому суду при постановленіи его приговора. Судъ устраивался изъ 5 членовъ, назначенныхъ по одному—отъ Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Італіи, Швейцаріи и Бразиліи. Засѣданія назначились въ Женевѣ и открылись 15 декабря 1871 г. Судьями были: отъ Англіи—лордъ Кокбернъ; Соединенныхъ Штатовъ—Адамсъ, Італіи—гр. Склописъ; Швейцаріи—Стемпорли и Бразиліи—баронъ Итаубъ. Съ самаго начала засѣданій суда встрѣтилось обстоятельство, которое едва не привело къ крушенію всего дѣла. Въ мемуарѣ, представленномъ суду отъ Соединенныхъ Штатовъ, было выставлено требованіе о возмѣщеніи Англіей не только прямыхъ убытковъ, причиненныхъ каперствомъ, но и косвенныхъ, понесенныхъ Штатами отъ затянувшейся войны. Англія рѣшительно отклонила эту претензію; но Штаты продолжали настаивать.

Дѣло улалилось только благодаря энергіи Женевского третейскаго трибунала, который объявилъ, что онъ имѣетъ право самъ опредѣлить свою компетенцію и, не находя затѣмъ достаточныхъ основаній вообще для оцѣнки убытковъ и вознагражденія въ международныхъ публичныхъ отношеніяхъ, рѣшилъ, что вопросъ, поднятый Соединенными Штатами не можетъ подлежать обсужденію суда. Послѣ того засѣданія продолжались. Окончательное рѣшеніе было поставлено 14 сентября 1872 г. не въ пользу Англіи. Она должна была заплатить убытки на сумму въ 15 мил. долларовъ, и этому приговору она безпрекословно подчинилась.

Другой третейскій международный судъ происходилъ въ прошломъ году въ Парижѣ и рѣшилъ споръ между Англіей и Соединенными Штатами о китиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Споръ этотъ, продолжавшійся между названными странами шесть лѣтъ (1886—92) и который не удалось разрѣшить дипломатіи, интересенъ не только по своему содержанию: имъ были затронуты важные принципы морского международного права, а равно любопытные вопросы изъ области естествознанія. Занимающее насъ теперь дѣло представляется не столько споромъ между Соединенными Штатами и Англіей, какъ между Штатами и Каналомъ. Ядро его—ловля китиковъ въ Беринговомъ морѣ—стало предметомъ ожесточенныхъ пререканій между ними вслѣдствіе двухъ фактическихъ обстоятельствъ: усиленныхъ преслѣдованій этого рода тюленей и примѣненія къ охотѣ за ними особенно истребительныхъ усовершенствованныхъ орудій (сѣтей, огнестрѣльнаго оружія, взрывчатыхъ веществъ). Когда за послѣднее время быстро увеличилось населеніе прилегающихъ къ Тихому океану частей британскихъ владѣній, изъ портовъ ихъ устремилось множество кораблей въ погоню за тюленями, и хотя эта ловля происходила большею частью въ открытомъ морѣ, но Соединенные Штаты увидѣли въ ней не только опасную для себя конкуренцію, но едва ли не главную причину вѣроятнаго истребленія въ ближайшемъ будущемъ всей породы этого полезнаго животнаго. Въ виду этого между Соединенными Штатами и Англіей поднялся споръ изъ-за права послѣдней производить охоту на китиковъ. Споръ этотъ прошелъ въ своемъ развитіи три фазы: 1) *самоуправства* или грубаго насилія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, ибо американцы захватывали суда, ловившія китиковъ; 2) *долгихъ дипломатическихъ переговоровъ*, не приведшихъ однако къ окончанію спора и наконецъ 3) *юридическаго его рѣшенія третейскимъ судомъ* въ Парижѣ. 19-го февраля 1892 г. въ Вашингтонѣ состоялся договоръ о представленіи Берингова спора на рѣшеніе третейскаго суда, составленнаго изъ семи членовъ слѣдующимъ образомъ: каждая изъ спорящихъ сторонъ назначаетъ по два члена, и вмѣстѣ онѣ просятъ Францію, Італію и Швецію-Норвегію назначить по одному члену. Всѣ эти лица должны быть юристы, пользующіеся въ своемъ отечествѣ доброю славою и, если возможно, знающіе англійскій языкъ. Судъ засѣдаетъ

въ Парижѣ и всѣ свои постановленія, а также и окончательное рѣшеніе принимаетъ большинствомъ голосовъ. Принципы—суда Женевского.

Судъ открылся въ Парижѣ 23-го марта 1893 г., и занятія его продолжались до 15-го августа. Всего онъ имѣлъ 53 засѣданія. Въ составъ его вошли: отъ Соед. Штатовъ—членъ верховнаго американскаго суда Гарланъ и сенаторъ Морганъ; отъ Великобританіи судья лордъ Гаккенъ (только что умершій) и первый министръ Каналы серъ Джонъ Томсонъ; отъ Франціи—извѣстный дипломатъ Баронъ Курсель; отъ Италіи—бывшій министръ маркизъ Висконти-Веноста; отъ Швеции-Норвегіи—Грамъ, бывшій министръ. Относительно этого состава можно осудить то, что въ немъ преобладалъ *дипломатическій элементъ* надъ юридическимъ и что въ среду его были допущены члены отъ самихъ спорившихъ сторонъ, да еще *въ усиленномъ числѣ* сравнительно съ числомъ судей отъ нейтральныхъ. При судѣ были еще агенты, которые должны были отстаивать интересы своихъ государствъ, и совѣтники для того, чтобы давать совѣты судьямъ, рѣчи произносили извѣстные адвокаты.

Рѣшеніе суда отъ 15-го августа 1893 г. представляетъ довольно обширный документъ, распадающійся на три части: 1) отвѣты на пять вопросныхъ пунктовъ, поставленныхъ ему Вашингтонскимъ договоромъ, которые мы по недостатку времени не приведемъ, равно какъ и отвѣты на нихъ. Эти пункты касались юридической стороны, напр. имѣли-ли Соед. Штаты право охраны китиковъ далѣе 3-хъ миль отъ берега и др. 2) Регламентъ о ловлѣ китиковъ, гдѣ было указано о способахъ ловли, о мѣрахъ предупрежденія хищническаго уничтоженія китиковъ. Это какъ бы законодательная функція, возложенная на судъ самими сторонами. 3) Констатированіе фактическихъ обстоятельствъ дѣла по оцѣнкѣ Великобританіи для окончанія споровъ объ убыткахъ. Это вопросъ денежный. Читая эти документы, мы приходимъ къ двоякому выводу: съ точки зрѣнія права судъ высказался за Англію, и Штаты должны были возстановить убытки англійскихъ гражданъ; всѣ попытки Соед. Штатовъ найти оправданіе своимъ поступкамъ были отвергнуты. Но съ другой стороны въ видахъ охраны породъ китиковъ въ будущемъ судъ выработалъ регламентъ, въ которомъ принялъ многія изъ началъ, отстаиваемыхъ Штатами, указавъ на необходимость международнаго признанія этого регламента другими заинтересованными державами.

Теперь слѣдуетъ намъ упомянуть о нѣкоторыхъ случаяхъ третейскаго разбирательства изъ русской исторіи. Тутъ мы имѣемъ три случая, которые приведены къ благопріятному окончанію. Въ 1820 г. возбудился споръ между Англіей и Соединенными Штатами относительно толкованія Гентскаго мирнаго трактата въ той его части, которая касалась права собственности на невольниковъ, находившихся на американской территоріи, занятой англичанами. Третейскимъ судьей былъ избранъ Александръ I. Согласно его рѣшенію была заключена

между спорившими державами конвенція объ учрежденіи комиссіи для опредѣленія размѣра вознагражденія, причитающагося Соединеннымъ Штатамъ.—Второй разъ третейскимъ судьей выступилъ Императоръ Александръ II по поводу спора между японцами и Перу, спора касавшагося судна „Maria Luz“. Судъ состоялся въ Эмсѣ въ 1875 г. Однимъ изъ послѣднихъ случаевъ примѣненія третейскаго суда слѣдуетъ считать рѣшеніе весною 1891 г. русскимъ императоромъ спора между Франціей и Голландіей по поводу границы ихъ владѣній въ Гвианѣ.

Однако былъ одинъ случай и неудачный, гдѣ самъ третейскій судья отказался дать свое рѣшеніе. Въ 1845 г. между Австріей и Сардиніей возникъ споръ о толкованіи ст. II конвенціи 1751 г., въ которой опредѣлялось, что Сардинія будетъ покупать соль только въ Миланѣ и обязана не допускать торговли этимъ продуктомъ между своей страной и Швейцаріей. Между тѣмъ Сардинское правительство разрѣшило провозъ чрезъ свою территорію изъ Генуи въ Тессинскій кантонъ 4000 центнеровъ соли, полагая, что транзитная торговля не запрещена договоромъ; къ тому же самый договоръ оно считало потерявшимъ уже силу. Въ третейскіе судьи по этому дѣлу былъ избранъ императоръ Николай Павловичъ, который, по обсужденіи вопроса, отказался постановить рѣшеніе. Въ депешѣ гр. Нессельроде отъ 13 іюля 1845 г. къ гр. Меду въ Вѣнѣ мотивы отказа выражены въ слѣдующихъ словахъ: „Его Величество полагаетъ, что далеко не всѣ средства примиренія исчерпаны... Третейское рѣшеніе всегда производитъ непріятное дѣйствіе на одну изъ спорящихъ сторонъ... Его Величество не беретъ на себя роль третейскаго судьи, не хочетъ быть примирителемъ...“ Однако, выраженное императоромъ мнѣніе, что по духу конвенціи 1751 г. празо на сторонѣ Сардиніи, по буквѣ—на сторонѣ Австріи, было принято спорящими державами, какъ рѣшеніе спора.

Мы не знаемъ ни одного нашего спора съ другимъ государствомъ, разрѣшеннаго третейскимъ судомъ. Наши государи принимали нѣсколько разъ роль третейскаго судьи, и можно было бы ожидать, что и они въ свою очередь будутъ прибѣгать къ этому способу рѣшенія недоразумѣній, однако на самомъ дѣлѣ этого не было. На вопросъ о томъ, можетъ-ли русское правительство принять третейское рѣшеніе въ какомъ либо спорѣ своемъ съ иностранной державой, должно отвѣчать утвердительно. Помимо общихъ основаній, вытекающихъ изъ международнаго права, должно замѣтить, что природѣ самодержавія не противорѣчитъ фактъ заключенія нашимъ правительствомъ договоровъ съ другими государствами, а слѣдовательно принятіе имъ вытекающихъ отсюда юридическихъ обязательствъ. Третейская юрисдикція создается и опредѣляется такими же договорами (компромиссами).

Теорія третейскаго суда.

Теперь мы должны кратко коснуться теории третейскаго суда. Этотъ вопросъ лучше всего разработать у *Ревон*. Международная третейская юрисдикція складается изъ слѣдующихъ трехъ элементовъ: 1) изъ вопроса организаціи ея, 2) ея компетенціи 3) и процедуры.

1) *Организація третейскаго суда*. Международный третейскій судъ создается на основаніи формальнаго соглашенія между спорящими сторонами, договора, который технически называется *компромиссомъ*. Между спорящими съ одной стороны и третейскимъ судьей съ другой заключается также соглашеніе, по которому третейскій судья обязуется поставить третейскій приговоръ—это называется *гесергумъ arbitri*. Обыкновенно это производится дипломатическимъ путемъ. Само собою понятно, что избранный третейскій судья можетъ отказаться, отъ слѣланнаго ему предложенія—быть третейскимъ судьей. Относительно состава суда можно замѣтить, что онъ бываетъ *единоличный и коллегіальный*. Ревонъ высказывается въ пользу коллегіальнаго, такъ какъ тутъ больше безпристрастія, знанія, хладнокровія. Мы знаемъ, что даже въ отдѣльныхъ государствахъ всѣ болѣе важныя дѣла рѣшаются судомъ коллегіальнымъ. На сколько же больше требуется осмотрительности при рѣшеніи дѣлъ международныхъ, гдѣ ошибка можетъ имѣть громадныя послѣдствія! Но кто можетъ быть выбранъ въ третейскіе судьи? Въ третейскіе судьи, говоритъ Мартенсъ, можетъ быть избрано юридическое или физическое лицо, способное къ этой роли. Обративъ вниманіе на практику, мы видимъ, что въ качествѣ третейскихъ судей выступали государи Россіи, Германіи, президентъ Соед. Штатовъ и др. Въ литературѣ, продолжаетъ Мартенсъ, обсуждался вопросъ, на сколько удобно избирать въ судьи монарховъ. Указываютъ, что государи не могутъ сами изучать дѣла, а поручаютъ это министрамъ, которые, въ свою очередь избираютъ докладчиковъ, такъ что государь только подписываетъ предложенный ему проектъ рѣшенія. Въ виду этого, Блэнкли высказывается въ пользу отдачи дѣлъ на разрѣшеніе юридическихъ факультетовъ и другихъ лицъ, обладающихъ требуемыми познаніями, которыя представляютъ возможныя гарантіи основательнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса. Соображенія эти вполне справедливы, но врядъ ли существующій обычай избранія въ третейскіе судьи государей выйдетъ изъ употребленія, принимая во вниманіе, что международные споры касаются интересовъ и правъ государствъ, которыя смотрятъ, какъ на долгъ чести и достоинства; быть судимыми представителями государственной власти, а не частными лицами. Можно только желать, чтобы государи—третейскіе судьи дѣлали выборъ лицъ, подготовляющихъ рѣшеніе, съ вѣдома обѣихъ сторонъ и при томъ извѣстныхъ и пользующихся ува-

женіемъ. — Однако на этотъ приговоръ мы согласиться не можемъ. Третейскимъ судьями представляются менѣе удобными не только главы государствъ, но и вообще политическія лица. Не можетъ тутъ быть рѣчи о чести; тутъ на первомъ планѣ должны стоять справедливость и безпристрастіе. Нужно стараться, чтобы въ третейскомъ разбирательствѣ все болѣе и болѣе характеръ политическій уступалъ мѣсто юридическому. Лучше выбирать въ третейскіе судьи частныхъ лицъ: юристовъ, судей, ученыхъ, университеты, академіи и пр. Многие писатели предлагаютъ составить списки лицъ, изъ которыхъ спорящія стороны могли бы выбирать судей. Списки эти должны быть составлены министрами юстиціи и утверждены верховной властью. Но и эта система еще очень далека отъ совершенства. Дѣло въ томъ, что и международная юрисдикція требуетъ подготовки какъ теоретической, такъ и практической, а кромѣ того знакомства съ другими областями знанія. При современныхъ порядкахъ международныхъ третейскихъ судей едва ли не удобнѣе всего было бы избирать изъ среды членовъ института международного права. Третейскій международный судъ долженъ бы быть институтомъ постояннымъ, правильнымъ; лица, назначенныя служить ему должны быть подготовлены къ этой дѣятельности.

2) Далѣе намъ нужно разсмотрѣть, какія дѣла подлежатъ международной третейской юрисдикціи, т. е. сказать о *компетенціи третейскаго международного суда*. Въ свое время мы старались классифицировать извѣстные намъ случаи третейскаго суда и указывали на слѣдующія четыре группы: 1) международные споры о правахъ иностранцевъ, 2) споры объ убыткахъ; 3) споры о нарушеніи нейтралитета; 4) споры о территориальныхъ владѣніяхъ въ колоніяхъ. Ревонъ воспроизводитъ эту нашу классификацію, хотя онъ имѣлъ уже двойное число случаевъ третейскаго рѣшенія. Однако намъ теперь кажется, что нужно прибавить пятую группу—споры о толкованіи и примѣненіи трактатовъ. Но важно не перечисленіе группъ, а вопросъ принципиальный. Ревонъ говоритъ, что споры по своей природѣ могутъ быть троякаго характера: 1) споры правовые, легко поддающіеся юридическому разбору; 2) вопросы политическіе, которые не такъ легко поддаются юридическому разбору и 3) вопросы, къ которымъ примѣшивается національная часть народовъ. Всѣ эти вопросы должны подлежать международной юрисдикціи и только споры, касающіеся автономіи государствъ, ей не подлежатъ. Ревонъ не говоритъ какой автономіи касаются эти споры внутренней, или внѣшней, изъ текста видно, что и той и другой. Далѣе Ревонъ дѣлаетъ еще одно очень важное предложеніе въ вопросѣ о компетенціи; именно, чтобы мирные договоры подписывались не иначе, какъ при участіи третейскаго суда. Это имѣло бы громадное значеніе въ томъ смыслѣ, что судъ частью своимъ нравственнымъ вліяніемъ, частью на основаніи права умѣрялъ бы чрезмѣрныя, а подъ часъ унизительныя требованія побѣдителя.

3) Последний вопрос касается *процедуры суда*. Процедура и вообще природа третейского суда в области частного права была определена еще римлянами. Вот источник интересующего нас вопроса. В французском праве существует правило, что процедура третейского суда согласуется с судопроизводством, установленным для обыкновенных государственных судов. В международной практике нет выработанных на этот счет правил; потому их нужно заимствовать из других источников. Тут прежде всего должно быть обращено внимание на правила, установленные компромиссом, а затем и сам суд должен установить свою процедуру: назначить формы и сроки, выслушать стороны и пр. Все это он делает по своему усмотрению. По Алабамскому и Беринговому спору стороны представляли тройкаго рода документы: *case* (изложение претензии стороны), *counter—case* (ответы на изложение противника) и *argument* (окончательные выводы сторон). Для изучения производства в международных третейских судах главным пособием является международный проект такого судопроизводства, выработанный Гольдшмитом и принятый институтом на Хаксом съезде в 1875 г. (Напечатан по-русски в приложениях учебника Ривье). Относительно того, каких норм держаться третейскому суду, писатели дают следующий порядок: 1) нормы международного права и договоры— а) между спорящими сторонами, б) другие подходящие договоры; 2) международные обычаи, не противоречащие первой группе норм; 3) законы спорящих государств; 4) судебная практика спорящих; 5) мнение интернационалистов и потом вообще ученых. Но даже этими границами не исчерпываются все нормы. Судьи могут руководиться вообще справедливостью и собственной совестью. Решение принимается судом по большинству голосов. Каким большинством? Мы думали относительным большинством. Ревон требует большинства абсолютного. Вообще число судей должно быть не четное; при равном раздѣлении голосов голос председателя дает перевѣсъ.

Теперь нам слѣдует рѣшить вопрос, могут ли рѣшения третейского суда оспариваться. Рѣшения эти юридическія и окончательныя. Они творят для сторон новое право. Разъ стороны за рѣшением несогласія обратились къ третейскому суду, то онъ и должны повиноваться рѣшенію его и неисполненіе постановленія было бы безчестно.

Юридическія рѣшенія международного третейского суда могут быть оспариваемы при наличности слѣдующихъ трехъ условий: 1) когда нарушенъ компромиссъ и условія, выставленныя имъ; 2) когда нарушены основныя правила всякаго судебного процесса цивилизованныхъ государствъ, напр. не выслушаны стороны, подкуплены судьи и пр.; 3) когда допущено грубое нарушеніе нормъ международного права. Возможна ли апелляціонная инстанція, возможно ли обжалованіе рѣшеній третейского суда? Объ этомъ интересномъ вопросѣ Ревонъ

говоритъ только мимоходомъ. Въ настоящее время такой апелляціонной инстанціи нѣтъ, но она въ высшей степени желательна: она еще больше способствовала бы укрѣпленію третейского международного суда. Намъ кажется, что слѣдовало бы въ компромиссы вносить условіе, что въ случаѣ несогласія спорящихъ съ юридической стороны съ рѣшеніемъ третейского суда, споръ объ этомъ переносится въ апелляціонную инстанцію. Это предлагалъ Гольдшмитъ въ концѣ своего примѣчательнаго проекта о судопроизводствѣ международныхъ третейскихъ судовъ. Но къ сожалѣнію международный институтъ не принялъ этихъ статей.

Наконецъ нужно отмѣтить еще одну особенность третейского суда: юридическія рѣшенія его не имѣютъ никакой принудительной санкціи кромѣ нравственной. Постановленное рѣшеніе сообщается сторонамъ и онѣ сами приводятъ его въ исполненіе. Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо принудительномъ исполненіи третейскаго приговора. Поэтому третейскій международный судъ не устраняетъ совершенно войны, но онъ можетъ свести число ихъ до минимума. Какъ бы то ни было практика должна перейти къ постоянному третейскому суду. Третейскія рѣшенія нашего столѣтія только первые, робкіе шаги зарождающейся международной юстиціи. Въ третейской юрисдикціи мы замѣчаемъ какъ бы три слѣдующихъ ступени: 1) международный третейскій судъ факультативный—онъ создается сторонами при посредствѣ компромисса особо въ каждомъ конкретномъ случаѣ. 2) Далѣе въ договоръ вносится условіе о компромиссѣ въ томъ смыслѣ, что если между сторонами произойдетъ недоразумѣніе относительно толкованія даннаго трактата или его примѣненія, то онѣ обязуются обратиться къ третейскому суду. Этого рода условія встрѣчаются часто въ новѣйшихъ договорахъ Италіи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ американскихъ республикъ. Наконецъ. 3-я стадія—стороны заключаютъ договоръ о постоянномъ международномъ третейскомъ судѣ, рѣшать споры не только связанные съ извѣстнымъ договоромъ, но и вообще все, могущіе возникнуть. Первые писатели, обратившіе вниманіе не эту послѣднюю сторону вопроса были защитники федераціи для Европы на подобіе Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ. Еще Кантъ высказался за идею постоянныхъ судовъ для Европы, но эта идея, совершенно новая для тогдашняго времени, начинаетъ проникать въ жизнь въ наши дни. Такъ въ 1883 г., между Сѣверо-Американскими Соед. Штатами и Швейцаріей происходили любопытные переговоры объ установленіи постоянного между ними третейскаго суда. Швейцарское правительство выработало уже объ этомъ подробный договоръ, но онъ не былъ заключенъ вслѣдствіе многихъ перемѣнъ въ составѣ правительства. Однако по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что между этими республиками будетъ снова поднятъ этотъ вопросъ. Заключеніе такого договора было бы прецедентомъ образованія постоянного международного суда. Но главнымъ

документомъ по вопросу о такомъ судѣ является Вашингтонскій договоръ 18-го апрѣля 1890 года. Конгрессъ представителей шестнадцати американскихъ государствъ (т. е. всѣхъ кромѣ Чили) подписалъ договоръ изъ 19-ти статей, въ которомъ объявляется, что отнынѣ они принимаютъ *третейскій судъ какъ принципъ публичнаго права Америки*, примѣнимый ко всѣмъ вообще спорамъ между ними, какъ то: относительно правъ и привилегій посланниковъ и консуловъ; территориальныхъ границъ и владѣній; различныхъ убытковъ; правъ судоходства; обязательности толкованія и исполненія договоровъ, наконецъ и по всякимъ инымъ спорамъ, каковы бы ни были происхождение, характеръ и предметъ. Только одно дѣлается исключеніе: для споровъ, могущихъ угрожать независимости какой либо стороны. Тогда для нея третейскій судъ факультативенъ, но онъ обязателенъ для нея противника, если будетъ предложенъ. Ревонъ критикуетъ эти послѣднія слова, такъ какъ они вносятъ нѣкоторый произволъ при рѣшеніи вопроса о принятіи или не принятіи третейскаго суда. Выборъ судей не ограничивается американскими государствами; каждое правительство можетъ быть имъ, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ съ обѣими державами. Судьями могутъ быть члены различныхъ судовъ, ученыхъ корпорацій, сановники и даже простые частныя лица, причемъ вовсе не требуется, чтобы они были гражданами избирающаго ихъ государства. Въ видѣ опыта договоръ заключается на 20 лѣтъ, но онъ можетъ быть продолженъ и послѣ этого срока. Отказъ тогда отъ него со стороны одного или нѣсколькихъ государствъ не прекращаетъ его дѣйствія для остальныхъ. Затѣмъ въ договорѣ предусматривается присоединеніе къ нему всякаго посторонняго (не американскаго) государства; поэтому Вашингтонскій кабинетъ препроводилъ официально текстъ его ко всѣмъ дворамъ Европы съ указаніемъ на эту статью. Какъ и слѣдовало ожидать европейскія правительства при глубокой раздѣляющей ихъ розни отнеслись къ этому шагу Соед. Штатовъ весьма скептически. Специально Россія отвѣтила, что вопросъ этотъ еще недостаточно назрѣлъ. Но тѣмъ съ большимъ восторгомъ попытка Америки была привѣтствуема общественнымъ мнѣніемъ, справедливо признавшимъ въ ней зорю новаго, лучшаго международного порядка. На международно-парламентской конференціи въ Бернѣ (1892 г.), по предложенію французскаго сенатора Трапезиш, принята резолюція о томъ, чтобы члены различныхъ палатъ въ Европѣ ходатайствовали передъ своими правительствами о принятіи американскаго предложенія т. е. заключили бы договоры объ общихъ третейскихъ судахъ. Любопытныя пренія по тому же вопросу происходили въ англійскомъ парламентѣ 16-го іюня прошлаго года. Кремеръ и Леббокъ внесли предложеніе о томъ, чтобы Англія заключила съ Соед. Штатами договоръ съ силу котораго всѣ споры между обѣими странами, не устраненные дипломатіей, рѣшились бы впредь третейскимъ судомъ. Они напомнили, что въ этомъ смыслѣ была уже подана пе-

гиція президенту Соед. Штатовъ отъ имени 234 членовъ палаты общинъ. Имъ отвѣчалъ Гладстонъ: онъ всегда счастливъ бороться за благо человѣчества. — Еще вопросъ, устраняетъ ли господствующій милитаризмъ войну, или напротивъ, не вызываетъ ли ея? За 1882—85 г. Англія обращалась къ третейскому суду 14 разъ и только три или четыре раза выигрывала она передъ нимъ свое дѣло. Недавно она предоставила такому же рѣшенію вопросъ о котиковомъ промыслѣ въ Беринговомъ морѣ. Онъ надѣется, что въ скоромъ времени будетъ заключенъ желаемый договоръ между Великобританіей и Соед. Штатами, Главное препятствіе для осуществленія обсуждаемой идеи лежитъ въ сложности отношеній между державами европейскаго континента, но онъ лично придаетъ большое значеніе учрежденію въ Европѣ верховнаго суда, въ роли совѣтника великимъ державамъ. Онъ умѣрялъ бы ихъ соперничающій эгоизмъ и явился бы безпристрастнымъ авторитетомъ для окончанія ихъ взаимныхъ несогласій. Затѣмъ по предложенію Гладстона палата единогласно высказалась за содѣйствіе Англіи стремленіямъ Соед. Штатовъ къ тому, чтобы споры между нами рѣшались третейскимъ судомъ.

Въ наши дни вопросъ о постоянномъ третейскомъ международномъ судѣ дѣлается все болѣе и болѣе популярнымъ. Онъ не устранилъ бы другіе способы рѣшенія недоразумѣній—дипломатическіе, факультативный третейскій судъ и др., но онъ далъ бы имъ извѣстное основаніе, объединеніе. Такой судъ долженъ бы имѣть одно постоянное мѣстопробываніе, лучше всего въ центрѣ Европы, въ одномъ изъ нейтральныхъ государствъ. Дѣла должны вестись на одномъ языкѣ—французскомъ лучше всего, за который мы уже высказались раньше. Обращеніе къ постоянному международному суду должно быть добровольное, но рѣшеніе его обязательно. Члены этого международного третейскаго суда должны быть подготовлены къ дѣятельности международной юрисдикціи, и изъ нихъ государства могли бы выбирать судей. Постоянный международный третейскій судъ могъ бы быть апелляціонной инстанціей для третейскихъ судовъ. Рѣшенія его, правда, не имѣли бы принудительной санкціи, но со временемъ и это могло бы быть установлено, если бы пожелали того государства. — Это было бы установленіе международной юстиціи, замѣна политики правомъ, важный шагъ къ дальнѣйшей международной организаци! Только этимъ путемъ можно укрѣпить миръ между государствами и ослабить давящій насъ милитаризмъ.

Ученіе о международныхъ договорахъ *).

До сихъ поръ мы говорили о субъектахъ и объектахъ международного права въ отдѣльности. Юридическія отношенія устанавливаются

*) Meier. Ueber den Abschluss von Staatsverträgen 1874. Jellinek. Die rechtliche Natur der Staatenverträge 1880. Laghi. Teoria dei trattati internazionali Thl. I. Общее учение о трактатахъ 1882. Unger. Ueber die Gultigkeit von Staatsverträgen (Grünhut's Zeitschr. B. VI S. 349).

между ними посредством договоров или обязательств къ которымъ мы теперь и обращаемся. Международныя обязательства облакаются большею частію въ форму трактатовъ. Трактатъ есть договоръ, заключаемый между отдѣльными государствами для опредѣленія ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. *Duorum vel plurium in idem consensus.* Въ этомъ отдѣлѣ международное право наиболѣе соприкасается съ частнымъ, и общія начала послѣдняго относительно обязательствъ приложимы и къ нашему предмету, конечно, не безъ нѣкоторыхъ существенныхъ различій, вытекающихъ уже изъ самой природы международного права. На такое различіе намъ слѣдуетъ уже указать при самомъ началѣ. Ученіе о трактатахъ соотвѣтствуетъ учению о договорахъ въ гражданскомъ правѣ. Но послѣдніе получаютъ свою высшую санкцію въ законѣ извѣстнаго государства. Этого положительнаго авторитета въ международномъ правѣ нѣтъ. Откуда же беретъ начало обязательная сила международныхъ договоровъ. Контрагенты здѣсь—юридическія личности, вполнѣ другъ отъ друга независимыя и не признающія надъ собою никакого положительнаго закона. Писатели далеко несогласны между собою относительно этого важнаго пункта: одни выводятъ обязательную силу договоровъ изъ требованій пользы (Бентамъ), другіе—изъ предписаній разума (какъ его постулатъ, Кантъ). Но понятіе о „пользѣ“ слишкомъ эластично: —о „разумѣ“ же очень отвлеченно и допустимо развѣ въ области чистаго умозрѣнія. Гефтеръ основываетъ обязательную силу договоровъ на добровольномъ согласіи контрагентовъ: *ein Vertrag an sich setzt nur durch die Einheit des Willens ein Recht и прибавляетъ: folglich auch nur so lange diese Einheit dauert.*

Но и это мнѣніе не вѣрно: оно даетъ объективнымъ началамъ международного права слишкомъ тѣсное, субъективное основаніе: одна свобода воли, говоритъ Блончли, не дѣлаетъ еще договоры обязательными на томъ основаніи, что тогда всякій актъ воли создавалъ бы право (*so müsste alles Gewollte Recht sein*). Если *consensus* творитъ обязательства, то всякое измѣненіе въ немъ, или *dissensus* разрушалъ бы ихъ.

Поэтому необходимо признать, что обязательная сила договоровъ вытекаетъ изъ верховнаго закона общежитія. Воля государствъ творитъ право, но эта воля вторичный, а не первичный источникъ права. Она сама дѣйствуетъ и проявляется въ предѣлахъ того юридическаго порядка (*gemeinsame Rechtsordnung*), который основывается не на произволѣ субъектовъ права, а на ихъ единой и неизмѣнной природѣ. Обязательность договоровъ вытекаетъ прямо и съ логическою необходимостью изъ основныхъ положеній права, обеспечивающаго мирное сожитіе народовъ. На этомъ основаніи уже древніе говорили:—*Pasta sunt servanta usu, Ein Mann ein Wort.* и т. п.

Органы международного общенія:

конгрессы и конференціи. *)

а) Понятіе о конгрессѣ и конференціи.

Будучи свободной ассоціаціей независимыхъ народовъ, международное общеніе имѣетъ извѣстныя общія учрежденія, которыми пользуются его члены для разрѣшенія возникающихъ между ними споровъ и другихъ международныхъ дѣлъ и которыя представляютъ зачатки его организации. Такое значеніе принадлежитъ международнымъ конгрессамъ и конференціямъ, авторитетъ и власть которыхъ, по добровольному соглашенію государствъ, распространяются на весь международный союзъ.

Международные конгрессы и конференціи суть органы международного общенія, но никакъ не отдѣльныхъ государствъ, пославшихъ сюда своихъ представителей.

Справедливость этого положенія подтверждаютъ многочисленные историческіе примѣры и положительныя данныя. Конгрессы Вестфальскій (1648 г.), Вѣнскій (1815), Парижскій (1856 г.), Берлинскій (1878) могли состояться и привели къ опредѣленнымъ результатамъ только потому, что государства въ нихъ участвовавшія, сознавали свою солидарность, какъ члены международного общенія. Установленный ими общій порядокъ вещей выработался взаимнымъ согласіемъ и уступками государствъ въ виду и ради удовлетворенія международныхъ интересовъ. Вѣротерпимость, свобода судоходства, отмена торга неграми, смягченіе бѣдствій войны и другія начала современнаго международного права, провозглашенныя различными конгрессами и конференціями, были продуктами исторической жизни всѣхъ цивилизованныхъ народовъ и являются выраженіемъ общаго ихъ правосознанія. Словомъ ни собраніе конгрессовъ, ни порядокъ ихъ совѣщаній, ни ихъ рѣшенія не будутъ понятны, если не имѣть въ виду международное общеніе интересы котораго они представляютъ. Международные конгрессы и конференціи суть международныя собранія представителей независимыхъ государствъ для обсужденія общихъ имъ дѣлъ и интересовъ. Будучи по идеѣ своей органами правового общенія между народами, долженствующими имѣть характеръ законодательный для международного союза, конгрессы и конференціи должны быть *постоянными* или по крайней мѣрѣ *периодическими* собраніями представителей независимыхъ государствъ, заставляющихъ на нихъ на правахъ полного равенства. Но въ дѣйствительности было далеко не такъ. Эти собранія всегда были времен-

*) Взято преимущественно у Мартенса и Даниевскаго.

ными, собирались они по усмотрѣнію непосредственно заинтересованныхъ державъ, когда эго представлялось для послѣднихъ желательнымъ и выгоднымъ, да и начало равенства не только въ правѣ участія на этихъ собраніяхъ но и въ правѣ равнаго обсуждения поднятыхъ вопросовъ долго не признавалось: участвовали и рѣшали дѣла часто сильнѣйшіе, тѣ, которые являлись въ данное время руководителями международного союза. Всѣхъ конгрессовъ, начиная съ перваго (Вестфальскаго отъ 1641 по 1648 г.) и кончая Берлинскимъ 1878 г.) насчитывается 25; конференцій было очень много; онѣ появляются въ XIX в. и нѣкоторыя изъ нихъ по своему значенію не уступаютъ конгрессамъ.

б) Различіе между конгрессами и конференціями.

Большинство писателей не проводитъ различія между конгрессами и конференціями, но, по мнѣнію проф. Мартенса, они должны быть различаемы: 1) по личности представителей государствъ, участвующихъ въ тѣхъ и другихъ собраніяхъ, 2) по предметамъ ихъ обсуждения и 3) по цѣлямъ, подлежащимъ достиженію. Что касается представительства, то на международныхъ конгрессахъ присутствуютъ или сами государи, какъ эго было неоднократно (конгрессы: Вѣнскій, Ахенскій, Троппаускій, Лайбахскій и др.) или же первые ихъ министры и вообще такіа представители государствъ которые имѣютъ полномочія на заключеніе трактатовъ и соглашеній, составляющихъ предметъ обсуждения конгресса. Напротивъ, въ конференціяхъ участвуютъ делегаты правительствъ, назначенные *ad hoc* съ рѣшительнымъ и совѣщательнымъ голосомъ, рѣдко министры и никогда государи. Предметомъ обсуждения конгресса являются вопросы касающіеся важныхъ жизненныхъ интересовъ государствъ и цѣлаго международного союза; конференции же обсуждаютъ существующія обязательства и ихъ истолковываютъ, или же готовятъ рѣшенія какого либо важнаго и труднаго дѣла, какъ напр. Броссельская конференція 1874 г. была созвана для выясненія законовъ войны. Наконецъ цѣль конгресса и конференцій различна. Первый имѣетъ задачей рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, предупреждающихъ войну и недоразумѣнія между государствами, вторая—не провозглашаетъ новыхъ рѣшеній, но только развиваетъ существующія, не рѣшаетъ спорные вопросы международныхъ отношеній и права, но подготавливаетъ ихъ разрѣшеніе. Противъ проведенія такого различія возстаетъ проф. Даневскій и въ доказательство справедливости своего мнѣнія приводитъ слѣдующія возраженія. Хотя рѣдко, но всетаки государи участвовали на конференціяхъ (напр. Пильницкая конференція 1792 г. трехъ государей, на которой рѣшено вооруженное вмѣшательство въ дѣла Франціи); первые же министры и послы съ громадными полномочіями сплошь и рядомъ принимаютъ участіе въ конференціяхъ нашего вѣка (напр. Константиноп. конфер. 1877—78 особенно же Берлинская Африканская), а не многихъ важныхъ конгрес-

сахъ государи совершенно отсутствовали (напр. на Парижскомъ 1856 и Берлинскомъ (1878 г.). Польза и необходимость присутствія самихъ государей даже оспаривается, при безоотвѣтственности ихъ съ одной, при необходимости контроля въ конституціонныхъ монархіяхъ надъ дѣятельностію министровъ и дипломатическихъ агентовъ съ другой стороны, наврядъ ли можно ожидать, что прежняя практика личнаго участія государя въ международныхъ собраніяхъ получила дальнѣйшее развитіе. Что же касается до предметовъ вѣдомства и обсуждения, то и конференции весьма часто обсуждали предметы жизненной важности для государствъ и всего междун. союза, достаточно припомнить важное для Голландіи и всей Европы собраніе 1831 г. носившее названіе „конференція“, постановившее отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи т. е. отмѣну одного изъ важнѣйшихъ постановленіе Вѣнскихъ трактатовъ, тоже относительно Лондонскихъ конференцій 1864 г. (по вопросу датско-германскому) и въ особенности относительно Африканской конференции, имѣвшей громадное значеніе для междун. союза. Наконецъ, весьма многія конференции тоже имѣли въ виду, какъ и конгрессы, рѣшать спорные вопросы, предупреждать войну (Констан. 1877 г., Лондон. 1867 по вопросу о Люксембургѣ и т. д.) и обезпечить сохраненіе междунар. правового порядка (Лондонская 1864 г. и 1867, Парижская 1868 по поводу столкновенія Греціи и Турціи вслѣдствіе возстанія на островѣ Критѣ и т. д.).

До настоящаго времени нельзя установить никакого серьезнаго различія между конгрессами и конференціями. Замѣчено лишь, что конгрессы слѣдовали обыкновенно за большими международ. войнами и что созывъ и совѣщанія ихъ отличаются особенною торжественностью, что гораздо рѣже замѣчается относительно конференцій.

в) Дѣлопроизводство конгрессовъ и конференцій.

Относительно обрядовой стороны тѣхъ и другихъ выработались слѣдующія главные положенія.

1. Порядокъ созыва. Созваніе международныхъ конгрессовъ и конференцій, какъ показываетъ исторія и современная практика, можетъ исходить отъ разныхъ сторонъ.

Во первыхъ, предложеніе о созывѣ международного собранія можетъ взять на себя какая-либо третья посредничающая держава.

Этотъ порядокъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Въ 1779 г. Екатерина II пригласила Австрію и Прусію, спорившихъ о Баварскомъ наслѣдствѣ, назначить уполномоченныхъ для улаженія спора на конгрессѣ въ Тешенѣ. Но состоявшійся Пражскій конгрессъ 1813 былъ созванъ по почину Вѣнскаго кабинета съ цѣлью переговоровъ объ окончательномъ мирѣ между Наполеономъ I съ одной стороны и Россіей и Пруссіей съ другой. Такую же роль играло австрійское правитель-

ство въ отношеніи Россіи и ея противниковъ Франціи, Англіи и Турціи во время Крымской войны. При посредничествѣ Наполеона III въ 1866 г. былъ заключенъ предварительной Никольсбургскій мирный трактатъ между Пруссіей и Австріей.

Во вторыхъ, починъ созыва можетъ принадлежать самимъ заинтересованнымъ государствамъ, непосредственно участвующимъ въ спорѣ.

Въ третьихъ, при отсутствіи поводовъ къ примѣнительному посредничеству, вопросъ о созваніи конгресса или конференціи можетъ быть возбужденъ каждой державой для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ международныхъ дѣлъ. Такъ въ 1863 франц. императоръ обратился ко всѣмъ европейскимъ дворамъ съ предложеніемъ собраться на общеевропейскій конгрессъ, имѣющій обсудить существующее положеніе дѣлъ въ Европѣ и устранить поводы къ возможнымъ замѣшательствамъ въ будущемъ. Этотъ грандіозный планъ, скрывавшій желаніе Наполеона III заставить другія государства и самую Францію вмѣшаться въ польскія дѣла былъ отклоненъ державами.

2. Участвующія государства.

Въ конгрессахъ и конференціяхъ могутъ участвовать только заинтересованныя *независимыя* государства, пользующіяся полнымъ суверенитетомъ. Государства полунезависимыя, напр., Египетъ, Болгарское княжество и пр. представляются на международныхъ собраніяхъ тѣми державами, подъ сюзеренитетомъ которыхъ они состоятъ. Кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ конгрессахъ и конференціяхъ принимаютъ участіе *державы посредницы* и всѣ другія, если предметомъ обсуждения являются вопросы, имѣющіе общенародное значеніе. Во всякомъ случаѣ должна участвовать *держава, о дѣлахъ которой идетъ рѣчь*.

Это основное правило справедливости не всегда соблюдалось. Не говоря уже о конгрессахъ, происходившихъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, даже въ послѣднее время встрѣчаются международныя собранія, въ которыя не были допущены уполномоченные непосредственно заинтересованныхъ государствъ. Примѣромъ можетъ служить Парижская конференція (1869 г.), которая обсуждала взаимныя недоразумѣнія между Оттоманской Имперіей и Греческимъ Королевствомъ, возникшія по случаю возстанія Кандіи. Здѣсь участвовали представители великихъ державъ и Турціи, но греческій уполномоченный былъ приглашенъ только дать стѣнны на вопросы, постановленные конференціей. Точно также предварительныя совѣщанія Константинопольской конференціи (1876—1877), созванной, по приглашенію Англіи, для обсуждения окончательныхъ условій мира между Сербіей, Черногоріей и Турціей и реформы мѣстнаго управленія въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи происходили безъ участія представителя турецкаго прави-

ельства. Порта имѣла основаніе считать подобный образъ дѣйствія европейскихъ державъ нарушающимъ ея честь и достоинство. Въ Лондонской конференціи 1883 г. по вопросу о судоходствѣ на Дунаѣ не былъ допущенъ представитель Румыніи.

3. Представительство.

Какъ уже нами было сказано выше, при проведеніи различія между конгрессомъ и конференціей, личный составъ конгрессовъ и конференцій бываетъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующій. Въ конгрессахъ участвуютъ или сами *государи* или ихъ *уполномоченные министры*; на конференціи правительства назначаютъ своихъ *делегатовъ* или даже *коммиссаровъ*, которые доводятъ постановленія конференціи до свѣдѣнія своего правительства. Число представителей посылаемыхъ отъ каждого государства на тѣ и другія собранія зависитъ отъ усмотрѣнія правительства.

4. Предметы совѣщанія.

Перечислить всѣ вопросы, которые могутъ и должны подлежать разсмотрѣнію междун. собраній нѣтъ возможности. Междунар. собранія до Вѣнскаго конгресса созывались только послѣ войнъ и чаще всего предписывали мирные трактаты и территоріальныя измѣненія т. е. санкціонировали результаты войнъ. Съ Вѣнскаго конгресса (1815) характеръ ихъ нѣсколько измѣняется: кромѣ рѣшенія вопросовъ территоріальныхъ, о мѣрѣ и другихъ чисто политическихъ, они начинаютъ становиться органами выраженія сознанія междун. союза о правовыхъ основаніяхъ для отношеній между народами, необходимости общей нормировки этихъ основаній (напр., постановленія Вѣнскаго и Веронскаго конгрессовъ о неготорговлѣ, о дипломатическихъ агентахъ, рѣчномъ судоходствѣ). Съ этого же времени начинаетъ весьма замѣтно выдвигаться судебная роль этихъ международныхъ собраній: конгрессы (1815—22 года) становятся судьями надъ государями и народами; но судимые не всегда допускались на конгрессъ, у нихъ отнимался не только рѣшающій, но и совѣщательный голосъ, (напр. на Вѣнскій конгрессъ не были допущены ни король Саксонскій, тогда какъ рѣшалась участь его династіи и территоріи, ни уполномоченный короля Густава Шведскаго); конгрессы являются часто и стороною и судьей въ своемъ дѣлѣ. Эго же элоха вырабатываетъ идею нѣкотораго постоянства и правильности въ международ. собраніяхъ, что выразилось въ періодическихъ конгрессахъ (начиная съ Ахэнскаго 1818 г. и кончая Веронскимъ 1822—23 г.) ставшихъ судьями внутреннихъ дѣлъ государства. Въ общемъ и цѣломъ конгрессы этой эпохи были частью органами законодательными, частью органами посредничества и третейскаго суда, приводившіе въ исполненіе свои рѣшенія

при посредствѣ вооруженнаго вмѣшательства. Съ 1856 г. Парижскій конгрессъ), по мнѣнію Верже [Verge], а въ Америкѣ съ конгрессовъ въ Панамѣ и Лимѣ (1826 и 1847 г.) намѣчается новое направленіе въ задачахъ конгрессовъ и конференцій. Мирные договоры по прежнему составляютъ важную цѣль ихъ созванія, но при этомъ устроение общихъ началъ (юридическихъ) междун. порядка получаетъ все большее признаніе, (напр., Берлинскій конгрессъ, но еще больше конференціи 1864 г. въ Женевѣ Берлинская и Африканская). На ряду съ законодательною ролью сохраняется и роль судебная, но съ узкимъ характеромъ посредничества (напр., на Берлинскомъ конгрессѣ) или чисто третейскаго суда, (напр., конференція 1886 г. по дѣламъ Греціи и Турціи) при чемъ нерѣдко уже заранѣе сговариваются путемъ дипломатическихъ переговоровъ о главныхъ началахъ для разработки на международныхъ собраніяхъ. Во всякомъ случаѣ замѣчается исчезновеніе чисто судебной роли этихъ собраній, что вполне понятно: давно сознали, что функции законодательства суда очень трудно соединить въ одномъ органѣ, соединеніе это—принципіально невѣрно, а практически недостижимо безъ ущерба для законодательства или суда. Къ тому же дипломатія по природѣ своей рѣдко способна выступать въ судебной роли, идея коллективнаго посредничества очень хороша, но она допустима какъ стадія, предшествующая обсужденію спора по существу особымъ международнымъ судомъ. Во всякомъ случаѣ конгрессы не могутъ быть признаны компетентными для обсужденія внутреннихъ дѣлъ въ государствахъ.

5. Порядокъ совѣщанія.

Сравнительно съ прежнимъ временемъ, дѣлопроизводство современныхъ конгрессовъ и конференцій отличается отсутствіемъ пустыхъ формальностей и обрядовъ, такъ затруднявшихъ занятія международныхъ собраній въ XVII и XVIII стол. Въ настоящее время внѣшняя сторона дипломатическихъ сѣздовъ значительно упростилась. Они открывались избраніемъ предсѣдателя, которымъ обыкновенно бываетъ первый уполномоченный того государства, на территории котораго происходитъ собраніе. Это — знакъ уваженія къ мѣстной власти, гостепреимствомъ которой пользуются представители другихъ государствъ.

Обычное правило выбора въ предсѣдатели лица, представляющаго мѣстную власть, было нарушено въ новѣйшее время только въ двухъ случаяхъ: на Брюссельской конференціи (1874 г.), когда уполномоченный Бельгіи отказался отъ предсѣдательства, предложивъ оказать эту честь представителю Россіи, инициативѣ которой, конференція была обязана своимъ созваніемъ и на Константинопольской конференціи (1876—1877 г.), предварительныя совѣщанія которой происходили

подъ предсѣдательствомъ русскаго уполномоченнаго въ качествѣ „doyen du corps diplomatique“. По избраніи предсѣдателя, производится обмѣнъ и провѣрка уполномочій. Самыя совѣщанія ведутся устно и непосредственно. Иногда учреждаются спеціальныя коммиссіи для изученія отдѣльныхъ вопросовъ и подготовки ихъ рѣшенія или для окончательнаго формулированія уже принятыхъ рѣшеній; въ эти коммиссіи приглашаются и лица (съ совѣщательнымъ голосомъ) спеціально знакомыя съ вопросомъ. О каждомъ засѣданіи составляется протоколъ. Если собраніе создано по предложенію державы-посредницы, то ея уполномоченному принадлежитъ въ собраніи роль посредника: всѣ совѣщанія происходятъ при посредственномъ его участіи: ему сообщаются документы и переписка, касающіеся дѣла, и при разногласіи онъ старается привести стороны къ примирительному соглашенію.

6. Принятіе рѣшеній.

Проекты постановленій конгрессовъ и конференцій подлежатъ голосованію. Каждому государству, участвующему въ собраніи, принадлежитъ только одинъ голосъ. Рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ, однако, мнѣніе, принятое большинствомъ голосовъ, противорѣчитъ принципу независимости государствъ. Въ виду этого старанія конгресса должны быть направлены къ тому, чтобы убѣдить меньшинство отказаться отъ своей оппозиціи и согласиться съ большинствомъ. При отсутствіи единогласія цѣль собранія не будетъ достигнута, и оно должно считаться несостоявшимся. Въ этомъ „единогласіи“ высказывается страшная сила, которою обладаетъ и по сей день идея государственнаго верховенства. Но положеніе это опасно и принципиально можетъ быть оспариваемо: опасно потому, что даетъ возможность одной державѣ взорвать по мелочному вопросы всѣхъ труды и рѣшенія конгресса, принятые хотя бы множествомъ державъ; принципиально невѣрно потому, что противорѣчитъ идеѣ верховнаго порядка, требующаго нѣкотораго подчиненія частей, т. е. отдѣльныхъ государствъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ подѣлить подлежащія обсужденію вопросы на существенныя и не существенныя. Только первые еще могутъ примирить съ требованіемъ единогласія. И если установившаяся практика объясняется неудовлетворительнымъ составомъ и характеромъ конгрессовъ и конференцій особенно XVII, XVIII и первой половины нашего вѣка, то улучшеніе характера ихъ въ наше время даетъ основаніе требовать—до полной реформы ихъ—введенія начала большинства для вопросовъ второстепеннаго свойства.

7. Исполнение рѣшеній.

Въ междун. союзѣ нѣтъ исполнительной власти, которая могла бы принудительно осуществлять постановленія конгрессовъ и конференцій. Исполненіе ихъ рѣшенія вполнѣ зависитъ отъ самихъ государствъ, которыя участвовали въ ихъ постановленіи и ихъ приняли. Иногда оно формально поручается одному изъ участниковъ въ международномъ собраніи, или же предпринимается совокупными силами; такъ, конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ поручили Австріи выполнить ихъ постановленія по отношенію къ подавленію революціи въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, а Веронскій предоставилъ Франціи вооруженное вмѣшательство въ дѣла Испаніи. Вопросъ о средствахъ обезпеченія исполненія рѣшенія конгрессовъ и конференцій до настоящаго времени остается открытымъ.

Въ заключеніе поставимъ на видъ, что всѣ международные органы распадаются на шесть группъ: 1) органы науки, 2) органы частныхъ интересовъ государствъ, 3) органы социальныя, 4) органы, устанавливающие право, 5) органы, примѣняющіе право, 6) органы принужденія. Скажемъ нѣсколько словъ о трехъ послѣднихъ.

1. *Органы, устанавливающие право.* Таковыми органами могли бы быть только конгрессы, но подъ условіемъ радикальных измѣненій въ современныхъ условіяхъ ихъ дѣятельности. Обращаясь къ устройству законодательной власти въ международной области, должно имѣть въ виду, что международная организція не есть какая-либо спеціальная форма государственнаго устройства, и если здѣсь все-таки должны быть спеціальныя органы для главныхъ функций юридической жизни, то это вытекаетъ неизбежно изъ самаго существа права: не было бы права вовсе, если бы не было тѣхъ или иныхъ осязательныхъ органовъ для его высказыванія и примѣненія. При первомъ же соприкосновеніи съ устройствомъ законодательной власти въ международной организціи, мы встрѣчаемся съ громаднымъ различіемъ, существующимъ въ этомъ отношеніи между государственной сферой и областью международныхъ отношеній. Это различіе состоитъ въ томъ, что въ международной организціи нѣтъ верховной власти, которая, стоя во главѣ государствъ, отдѣльно взятыхъ, и будучи высшимъ выраженіемъ ихъ личностей, не должна повторяться въ международной области. Иначе въ своемъ послѣднемъ слѣдствіи она привела бы либо къ распаденію международной организціи, либо къ низведенію государства на степень того, что Теллинекъ называетъ не суверенными членами федераціи. И тотъ и другой результатъ равно нежелательны. Таково

громадное, принципиальное различіе въ устройствѣ законодательной власти между государственной и международной областью. Законодательная власть, должна быть властью юридической, опредѣляемой строгими нормами права, а не политикой; она должна быть тѣмъ, что уже теперь нѣмецкіе юристы называютъ „*Societätsgewalt*“—высшею общественною, на договорѣ покоящеюся, властью. Какими же чертами должно характеризоваться устройство законодательной власти въ международной организціи. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы должны прежде всего сказать, что конгрессы должны быть органами правильно организованными, но собирающимися, смотря по степени наличности и важности дѣлъ: непрерывныя ихъ засѣданія вовсе не требуются. Затѣмъ въ этихъ собраніяхъ должны участвовать всѣ государства въ равныхъ правахъ: каждое изъ нихъ должно имѣть голосъ; политическія различія между государствами, различія въ ихъ могуществѣ и т. п. не должны оказывать никакаго вліянія на юридическое положеніе конгрессовъ. Далѣе необходимо, чтобы конгрессы были немногочисленны по своему составу, ибо извѣстно, что чѣмъ малочисленнѣе собраніе, тѣмъ болѣе въ немъ преобладаютъ страсти и тѣмъ труднѣе придти къ какимъ либо результатамъ. Число государствъ теперь такъ невелико, что не представлялось бы практически труднымъ согласованіе этого требованія съ правомъ всѣхъ государствъ на равное участіе въ этихъ собраніяхъ.

По какому началу должны примѣняться рѣшенія на конгрессѣ въ случаѣ разногласія его членовъ? Многіе писатели въ этомъ отношеніи стоятъ еще на точкѣ зрѣнія печальной памяти польскихъ сеймовъ, гдѣ *liberum veto* одного члена могло сдѣлать несостоятельнымъ постановленіе цѣлаго сейма. Но мы уже имѣли случай замѣтить выше, что требованіе единогласія для дѣйствительности рѣшеній того или другаго собранія, исключаетъ возможность для него придти когда-нибудь къ какому бы то ни было положительному результату. Поэтому мы думаемъ, что и конгрессъ долженъ былъ бы постановлять свои рѣшенія по началу большинства голосовъ. Но для того, чтобы этотъ принципъ не угрожалъ самостоятельности государствъ, очевидно необходимо указать на тѣ случаи, къ которымъ примѣнимъ принципъ большинства. Такъ, очевидно, въ вопросахъ юридическихъ вовсе не требуется единогласія: оппозиція одного члена; хотя бы и самаго могущественнаго вовсе не свидѣтельствуетъ о несостоятельности того или иного юридическаго начала; тоже должно сказать и о вопросахъ общей политики. По отношенію же къ внутренней жизни государствъ, очевидно, никакое рѣшеніе большинства не можетъ быть принято вопреки волѣ самого заинтересованнаго государства, ибо этимъ нарушалось бы его право на самостоятельность въ вопросахъ внутренней политики.

Что же касается до главныхъ задачъ конгресса, то къ нимъ во 1-хъ, должно быть отнесено изданіе нормъ международнаго права, дѣятельность законодательная, но при этомъ дѣятельность не произ-

вольная, а подготовленная предшествующею дѣятельностью тѣхъ факторовъ, о которыхъ мы уже говорили. Именно, конгрессъ долженъ давать по возможности болѣе точную и совершенную редакцію тѣмъ нормамъ международного права, которыя давно носятъ въ общественномъ сознаніи и болѣе или менѣе удачно сформулированы органами науки. Отсюда слѣдуетъ, что прямой задачей конгресса должно быть содѣйствіе кодификаціи международного права, привиденіе его въ строгую юридическую систему, чѣмъ были бы устранены два существенные недостатка въ современномъ международномъ правѣ—его сбивчивость и неустойчивость. Вторая не менѣе важная задача конгресса состояла бы въ завѣдываніи общимъ вопросомъ европейской политики, въ послѣднемъ слѣдствіи міровой политики, ибо конгрессъ для этого является самымъ компетентнымъ органомъ. Однако, здѣсь рѣзко должны быть разграничены внутренняя жизнь каждаго члена международного союза въ отдѣльности и ихъ совмѣстная совокупная жизнь. Поскольку первая область должна быть священна и неприкосновенна даже для конгресса, по стольку вторая должна зависѣть отъ него болѣе, чѣмъ отъ какого-ниб. другого органа власти. Въ этомъ разграниченіи лежитъ главное условіе и неависимости народовъ и устойчивости международного порядка. По вопросамъ внутреннимъ международный конгрессъ могъ бы являться только посредникомъ, онъ могъ бы высказывать только свое мнѣніе съ цѣлью воздѣйствія на борющіяся стороны, но не выходить изъ этой роли посредника. Въ области же внѣшней политики конгрессъ былъ бы вполне компетентенъ. Онъ постановлялъ бы свои рѣшенія лишь послѣ частныхъ переговоровъ между сторонами и послѣ постановленія приговора со стороны органовъ охраняющихъ право.

II. *Органы примѣняющіе право.* Въ международной области, гдѣ не существуетъ еще пока организованной законодательной власти, необходимо, чтобы право рождалось и укрѣплялось изъ процесса. Вотъ великій путь возникновенія юридическихъ идей, путь не чуждый исторіи права. Такъ изъ процесса сложилась величайшая положительная система гражданского права—римская. Этимъ же путемъ въ значительной степени сложилась свободнѣйшая конституція, до какой дошло человечество—англійская. Такое же значеніе долженъ имѣть процессъ и въ международной области. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на отношеніе, которое существуетъ между отдѣльными факторами международного права. Наука (Институтъ Междл. Права) призвана прислушиваться къ носящимся въ обществѣ въ смутной и безсознательной формѣ юридическимъ идеямъ и давать имъ по возможности точную формулировку. Органы же, защищающіе право должны прилагать эти выработанныя наукою нормы къ явленіямъ конкретной жизни.

Въ международной области мыслимы два рода органовъ, защищающихъ право: во 1-хъ, суды третейскіе, добровольно назначаемые сторонами для разбора извѣстнаго опредѣленнаго спора. Мы уже

достаточно говорили выше о значеніи этихъ судовъ и потому теперь остановимся только на двухъ вопросахъ, касающихся ихъ устройства: какого рода споры должны быть рѣшаемы этими судами? Какимъ лицамъ должно быть поручено третейское разбирательство? Относительно перваго вопроса между писателями до сихъ поръ установилось соглашеніе въ томъ, что третейскими судами могутъ быть разбираемы дѣла, такъ сказать, юридически опредѣленные, которыя могутъ быть юридически сформулированы и поэтому рѣшаемы на основаніи принциповъ права. Очевидно, что чѣмъ болѣе третейская практика будетъ развиваться, тѣмъ болѣе она будетъ совершенствоваться въ юридическомъ смыслѣ и служить къ укрѣпленію права. Поэтому вполне достойно вниманія предложеніе, чтобы при заключеніи государствами трактатовъ, вводилась оговорка объ обращеніи къ третейскому суду для разрѣшенія возникающихъ изъ этихъ трактатовъ недоразумѣній. При этомъ условіи, рядомъ съ вновь возникшимъ матеріальнымъ правомъ, указывались бы и юридическіе способы его защиты. Что же касается вопроса о томъ, кому должно быть поручено третейское разбирательство, то по этому вопросу нѣкоторые писатели (Блюнчли, Либеръ) высказываются противъ того, чтобы третейскими судьями были главы государствъ; они говорятъ, что отправленіе третейскаго разбирательства было-бы слишкомъ стѣснительно для самихъ государей, которые въ большинствѣ случаевъ при жгучихъ спорахъ старались бы отклонить отъ себя эту миссію, а затѣмъ въ силу сложности техническихъ особенностей самыхъ, подлежащихъ разбору, дѣлъ, главы государствъ не могли-бы лично разбирать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, а должны были бы для этого привлекать извѣстныхъ лицъ, хотя самое рѣшеніе исходило бы за подписью самихъ главъ государствъ—положеніе, очевидно, не совсѣмъ юридическое. Поэтому эти писатели рекомендуютъ для отправленія третейскаго разбирательства частныхъ лицъ, извѣстныхъ своимъ юридическимъ образованіемъ и пользующихся общимъ довѣріемъ, которыя въ силу этихъ качествъ могли-бы съ полнымъ безпристрастіемъ разрѣшать споры. Здѣсь мы не можемъ обойти молчаніемъ возраженія, сдѣланнаго противъ этого предложенія англійскимъ практическимъ дѣятелемъ Пальмерстономъ въ спорѣ, который возникъ между нимъ и Кобденъ, внесшимъ въ англійскій парламентъ въ 1849 г. предложеніе о представленіи болѣе широкой сферы дѣйствія третейскому суду. Пальмерстонъ говорилъ, что очень опасно поручать частнымъ лицамъ разбирательство мало мальски важныхъ споровъ между государствами. Эти лица болѣею частью не знакомы съ государственными дѣлами и потому могутъ слишкомъ теоретически, отвлеченно отнестись къ извѣстному спору и тѣмъ самымъ иногда поставить въ очень щекотливое и тяжкое положеніе свое правительство. Очевидно это возраженіе основано на той мысли, что въ третейскихъ рѣшеніяхъ болѣе или менѣе заинтересована политика. Въ этомъ-то вся бѣда. Нало желать, чтобы третейскія

рѣшенія были прежде всего рѣшеніями права. Въ виду этого въ третейскіе суды должно рекомендовать такихъ лицъ, которые будучи до нѣкоторой степени знакомы съ общимъ ходомъ государственныхъ дѣлъ, всетаки были бы прежде всего знатоками международного права и права вообще. Бѣда если эти органы поставить на зыбкую почву политики, это значило бы воскресить дипломатовъ подъ новой только кличкой.

Другимъ органомъ, который примѣнялъ бы право, долженъ быть названъ постоянный международный судъ. Подъ этимъ судомъ должно разумѣть судъ, обращеніе къ которому, также какъ и къ третейскому, было бы добровольно для государей, т. е. зависѣло бы отъ ихъ усмотрѣнія, но который былъ-бы постояннымъ въ смыслѣ своей организациіи. Слѣдовало бы, чтобы членами этого суда были лица специально подготовленные и предназначавшія себя этому высшему служенію праву. Этотъ судъ по роду международныхъ дѣлъ долженъ былъ бы дѣлиться на нѣсколько департаментовъ. Затѣмъ государствамъ, которые не желали бы обратиться къ постоянному суду, какъ таковому, но которые были бы не прочь отъ третейскаго разбирательства, удобнѣе всего было бы приглашать для исполненія функций третейскаго судьи кого-нибудь изъ членовъ этой комиссіи, въ виду ихъ практическаго знакомства съ дѣломъ рѣшенія международныхъ споровъ. Первоначально государства, предпочитая прежнюю рутину, могли бы даже игнорировать это учрежденіе, которое, однако было бы полезнымъ уже тѣмъ самымъ, что оно существовало бы, что обращеніе къ нему не вызывало бы въ общественномъ мнѣніи предположенія о слабости той или другой стороны, о неубѣжденности ея въ своихъ требованіяхъ. Мало по малу, въ силу обычая, а затѣмъ и законовъ, обращеніе до войны къ такому посредствующему органу, стало бы общей обязанностью.

III. Органы принужденія. Устройство принужденія является самымъ труднымъ вопросомъ въ международной организациіи. Идеаль юридическаго порядка, какъ части нравственнаго, конечно состоитъ не въ принужденіи, а въ добровольномъ подчиненіи установленнымъ для извѣстной формы сожитія нормамъ. Тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о совмѣстной жизни государствъ, этихъ высшихъ личностей, которые сами суть органы, носители и, до нѣкоторой степени, творцы права. Но въ силу несовершенства человѣческой природы и въ области сношеній между государствами иной разъ бываетъ нелишнимъ принужденіе; государства, какъ и отдѣльныя личности часто заблуждаются, увлекаются даже страстями, часто въ одностороннемъ преслѣдованіи своихъ интересовъ попираютъ священные права другихъ подобныхъ имъ личностей. Мы не можемъ раздѣлять идеалистическаго и совершенно не оправдываемаго исторіей мнѣнія о непогрѣшимости суверенныхъ народовъ. Если каждая отдѣльная личность можетъ заблуждаться, то какъ же совокупность этихъ личностей можетъ быть не-

погрѣшима, какъ можетъ въ совокупности явиться такое качество, котораго нѣтъ въ отдѣльныхъ частяхъ? Разъ же ставъ на указываемую нами точку зрѣнія, мы естественно должны признать необходимость принужденія и въ международной организациіи. Но для того чтобы быть справедливымъ, здѣсь, какъ и вездѣ, принужденіе должно исходить отъ права и въ немъ находить свои границы, а не быть только одностороннимъ актомъ воли того или иного члена международной организациіи. Для того же чтобы смягчить противорѣчіе между принужденіемъ и принципомъ суверенитета государствъ, мы думаемъ, что это принужденіе должно быть послѣднимъ моментомъ въ реализациіи права, возникающимъ лишь послѣ того, какъ во 1-хъ нормы объективнаго международного права сложились на столько, что въ силу ихъ можно отличить справедливыя притязанія народовъ отъ недобросовѣстныхъ; послѣ того какъ во 2-хъ, суды черпали всѣ средства для примиренія сторонъ и въ 3-хъ, послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о принужденіи международнымъ конгрессомъ.

Какъ же можетъ быть организовано принужденіе въ совмѣстной жизни государствъ? Намъ кажется, что международное принужденіе можетъ быть организовано во 1-хъ, такъ, чтобы принудительная функція выполнялась съ согласія всѣхъ членовъ международной организациіи той изъ великихъ державъ, которая пожелаетъ выступить въ этой роли; очень часто бываетъ, что международный интересъ по ходу исторіи совпадаетъ съ интересами того или другого государства; вотъ такое то государство, имѣющее желаніе и интересъ и могло бы выполнить въ данномъ случаѣ принужденіе, при чемъ, конечно, полномочія его и границы дѣйствій были бы опредѣлены. Можно было бы также для выполненія принудительной функціи установить очередь между руководящими державами. Но мыслима во 2) и иная форма принужденія, которая, какъ намъ кажется, со временемъ будетъ имѣть преимущественное значеніе и которая установится тѣмъ легче, чѣмъ болѣе сдѣлается возможнымъ въ международной организациіи постепенное сооруженіе государствъ. Каждое изъ государствъ могло бы тогда предоставить часть своихъ вооруженныхъ силъ для составленія общей международной силы, на эту то силу по природѣ наиболѣе объективную и безпристрастную, и могла бы быть возложена функція международного принужденія.